

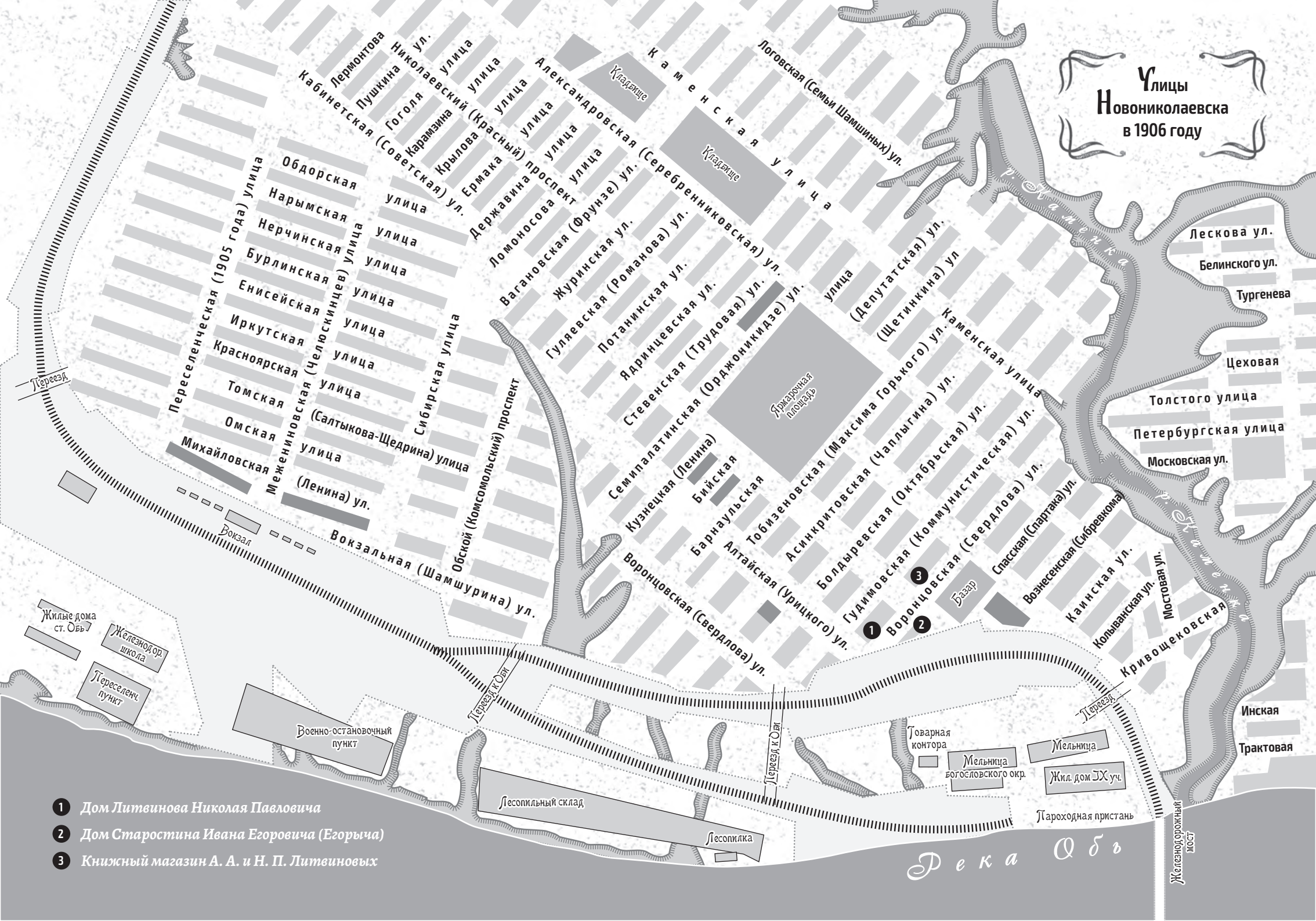
Книга «Город N.» пропитана энтузиазмом инженеров-строителей
Великого Сибирского пути, людей решительных и смелых.
Среди них было много дворян и разночинцев, но их всех вела
за собой общая идея — развитие Сибири на благо России.
В этом смелом порыве и царь, и правительство, и инженеры
были едины. И оттого столь интересна и увлекательна история
становления нашего города.

Город N. История города Новосибирска

Улицы Новониколаевска в 1906 году

- 1 Дом Литвинова Николая Павловича
- 2 Дом Старостина Ивана Егоровича (Егорыча)
- 3 Книжный магазин А. А. и Н. П. Литвиновых

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Материалы по региональному краеведению

*Рекомендовано
Региональным учебно-методическим объединением*

Новосибирск
2026

Инициатор проекта
Шевцов Е. А., Варющенко А. А.

Руководитель проекта
Вершинин Р. О.

Координатор проекта
Федорчук С. В.

Научно-экспертный совет:
канд. психол. наук **Жафярова М. Н.** (руководитель),
канд. пед. наук **Малахова Н. Н.**, канд. филол. наук **Осадчая Л. А.**,
канд. техн. наук **Бахтин С. А.**, докт. филол. наук **Калугин В. В.**

Издательский совет:
Кривушева О. М. (руководитель), **Васильева Е. Н.**,
Вялкова О. Н., **Шадрина Н. В.**

*Особая благодарность историкам и краеведам за возможность
использовать опубликованные исследования по истории Новосибирска
и ценные консультации в процессе работы над книгой:*

**Голодяеву К. А., Губченко Г. П., Сажениной Е. В.,
Мартыновой Ю. Г., Мининой Н. А., Яковлевой Л. Д.**

Автор художественного текста
Александров Н. А.

Г 70 Город Н. История Новосибирска. Материалы по региональному краеведению. — Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2026. — 272 с.

Удивительные события начальной истории нашего города, судьбы инженеров-строителей, находивших вдохновение в поддержке близких женщин, жён и сестёр, — необычайно яркое проявление русского характера, светлого, жертвенного, мужественного и нежного. Наша книга о тех, кто посвятил свою жизнь будущему, о тех, кто остался своими делами жить в веках, — и мы стали тому свидетелями.

ISBN5–8402–0324–4

© ГАУ ДО НСО «ОЦРТДиЮ», 2026
© Александров Н. А., текст, 2026
© Оформление. Издательский Дом
«Историческое наследие Сибири», 2026

Дорогие наши читатели!

Перед вами новая повесть Н. А. Александрова «Город N.». Автору удалось в художественной форме мастерски воссоздать грандиозные исторические события, связанные со строительством железнодорожного моста через реку Обь в районе деревни Кривощёково и с зарождением города Новосибирска. Изображённые в произведении события, ключевые персонажи и их судьбы правдивы и достоверны. Совместный труд автора художественного текста, членов научно-экспертного совета и авторитетных ведущих историков и краеведов Новосибирска позволил выстроить художественное повествование на основе исторических источников, документов, свидетельств, сохранившихся до наших дней дневников.

На страницах повести оживают картины условий труда, быта разношёрстного контингента строителей — от крестьян и бывших каторжан до родовых дворян-инженеров, истории их сложных взаимоотношений между собой и властью. Особой темой повествования стал рассказ об удивительно прекрасном настроении первой интеллигенции города, её патриотическом, самоотверженном служении своему долгу. Главные герои повести Г. М. Будагов, Э. А. Бобиенский, В. А. Линк, В. К. Жандр — это реальные исторические личности, инженеры-путейцы из числа профессиональных железнодорожников. Большинство из них после окончания Петербургского института инженеров путей сообщения, ведомые общим страстным чувством, приехали в Сибирь, чтобы «созидать Россию». Исторические факты становятся необходимыми автору ещё и для того, чтобы понять изнутри, что побуждало первых жителей

города, героев-строителей к самоотверженному труду, связанному с риском для жизни, к ежедневному подвигу. По замыслу инициаторов проекта, мост должен был соединить Средне-Сибирскую железную дорогу с Западно-Сибирской¹. Это было экономически выгодно, так как обеспечило бы появление новых рынков сбыта товаров из Европейской России. Кроме того, стянув стальным кольцом необъятные просторы России в единое целое, Великий Сибирский путь был призван обеспечить контроль над богатейшими территориями Сибири и Дальнего Востока. Однако автору повести важно было показать, что люди, воплотившие этот проект в жизнь, преследовали достижение не только экономических и политических целей. В конце XIX века одновременно с мостом они героически строили город будущего, «удивительно светлый, красивый, культурный город», город N, который впоследствии был назван сначала Новониколаевском, потом Новосибирском, город, которому в XXI веке суждено будет стать столицей Сибири.

Яркой фигурой в реализации этой мечты стал один из главных героев повести — Н. П. Литвинов. Будучи сыном унтер-офицера, закончил двухлетнюю фельдшерскую школу, но фактически самоучкой поднял свой интеллектуальный уровень до высочайшего, приехал вместе с инженерами-железнодорожниками строить счастливую и справедливую жизнь в Сибири. Он мечтал построить город, в котором люди будут иметь равные возможности, и был убеждён, что «не родовая привилегия, а трудовая» должна помочь людям добиться социального уважения и статуса. Обустройство больницы, типографии, книжного магазина, выпуск первых газет — вот основной круг забот образованного и высококультурного Николая

¹ Средне-Сибирская железная дорога была образована в 1898 году и в 1900 году объединена с Западно-Сибирской железной дорогой в Сибирскую железную дорогу.

Павловича, который думал, что образование и культура способны пробудить в народе лучшие качества.

«Грамотный народ способен идти вперёд, а безграмотный — только подчиняться!» — именно с образом Литвинова автор связывает идею народности. Он поднимает вечные для русской классической литературы проблемы. Как реализовать извечную тоску мужика, много лет жившего в нищете, его мечту о достатке и повышении своего социального статуса? Можно ли путём включения народных масс в осознанное социальное строительство пробудить глухое сознание «ничтожного сословия», изжить извечные пьянство, лень и разбой?

В решении этих проблем особая роль принадлежит образу Егорыча, местного старожилы. В начале повести это прижимистый, сметливый мужичок, мечтающий обогатиться и обраться: «Зачем чей-то делать, если жратва на столе?» Автор считает, что не только хозяйственность и рачительность суть народного естества. Осознание значимости своей причастности к созидательному благородному труду на благо Отечества изменило характер Егорыча, наполнило его новым достоинством, он стал способен на щедрость души и великодушие. Таким образом, через всю повесть отчётливо проходит тема единства простого человека из народа (одна из героинь называет таких людей чернью, холопами) и товарищества инженеров-интеллигентов, которые вместе с железной дорогой привнесли в будущую столицу Сибири современные технологии, образование, здравоохранение, культуру.

Масштабность и эпичность повествованию придают картины сурового сибирского пейзажа, концептуальным центром которого является образ могучей Оби. Как и народ, она многогранна, её неприступный, дикий и гордый нрав автор рисует через восприятие разных героев: реалиста Будагова, романтика Литвинова, тонкой, художественно одарённой эстетки

Александры Александровны. Обь в повести — воплощение вечности и традиционности бытия. Как языческий доисторический Змей, она распоряжается судьбами тех, кто вступил с ней в единоборство. Здесь, в Кривощёково, суждено было скреститься двум направлениям развития новой России, двум российским дорогам. Полноводной и дикой Оби, соединяющей север и юг великой страны, и железной дороги, великой Транссибирской магистрали, которая должна была связать запад и восток. А строящийся мост через Обь представлен как символический прорыв в технологическое будущее обновлённой России.

Память и уважение к своему прошлому стали знаменем современной России. Эта историческая повесть адресована самому широкому кругу читателей. Она позволяет соотечественникам погрузиться в исторический подвиг многонационального народа России по строительству государства, осознать свою принадлежность и причастность к прошлому, а нашим землякам-сибирякам — глубже познать историю своей малой Родины. Воспитательный потенциал повести «Город N. История Новосибирска» соответствует задачам, которые стоят перед образовательными учреждениями РФ, требованиям Закона об образовании, федеральных государственных образовательных стандартов всех уровней. Учитывая, что содержание этой повести основано на реальных исторических событиях, она может быть использована педагогами в качестве дополнительного источника информации для чтения и проведения занятий в школе. Особенно рекомендуем использовать это произведение для проведения классных часов, внеурочных занятий и других мероприятий в учреждениях дополнительного образования. Авторский коллектив сопроводил текст картами, фотографиями, иллюстрациями и другими документальными источниками информации. Просим педагогов

и учителей творчески подходить к предложенному материалу и привлекать иные источники по истории родного края, интегрировать внеурочные занятия с географией, историей, литературой, изобразительным искусством, медициной и другими дисциплинами, входящими в сферу интересов участников описанных в повести событий. Рекомендуем не ограничиваться привычной работой в классе, а устраивать путешествия по родному городу, организовывать диспуты, викторины, конкурсы, привлекать старожилов, представителей различных профессий — строителей, железнодорожников. И помнить, что уважение к прошлому создаёт почву для воспитания истинного патриота Родины, готового трудиться на благо своей страны, а при необходимости — защищать её рубежи.

Автор со своими героями предлагает современному читателю вместе поразмышлять над рядом актуальных проблем, поднимаемых в этой исторической повести. Как справиться с казнокрадством, угодничеством и подхалимажем, изжить бездушные чиновничества? Какова роль политической воли в реализации вечной мечты народа о социальной справедливости? Каковы механизмы нравственного выбора, внутренней борьбы между корыстью и душевной щедростью? Современного россиянина наверняка привлечёт тема многонационального единства своего народа. В нашу эмансипированную эпоху содержание повести побуждает задуматься о счастье материнства и естественности для женщины выполнения своего природного предназначения. И главный вывод всей повести — социальное бессмертие достигается через дела, которые сейчас или в будущем обязательно принесут пользу людям. Горячая тема жертвенности, рачительности, стремления к совершенству через культуру и науку сегодня не остыла, она является главной смысловой составляющей активной деятельности новосибирцев. Все годы жизни и развития города, а позже

и области, есть подтверждение тому созидательному и романтическому устремлению в будущее. Эта традиция служения народу является фундаментальной основой ментальности многих поколений сибиряков, созидателей нашего города по сей день. И сейчас город остаётся деловым, хватким, ставя амбициозные цели в области промышленного роста, развития культуры, науки, образования и здравоохранения. Истоки славы Новосибирска как столицы Сибирского федерального округа заложены патриотическим настроем героических инженеров в годы зарождения города. А следующие поколения тружеников города и области сохранили и укрепили её. Построенный Новосибирск тому яркий и важный пример — город динамичный, амбициозный, умный, культурный и красивый. Каким он будет дальше — это вопрос не к прошлому, герои былых времён уже ответили на него, этот вопрос к нам — ныне живущим, и к тем, кто придёт следом. Для того и создавалась эта книга.

Директор ГАУ ДО НСО

«Областной центр развития творчества детей и юношества»

Роман Вершинин

ЧАСТЬ I

Новониколаевскъ.

Объ

Начало

Перед глазами вольно раскинулась пойма Чауса с россыпью озёр, тальниковыми кущами и широкими лугами, где сквозь прошлогодний войлок изумрудным подшёрстком пробивалась свежая трава. А дальше — Обь. Её не видать, но таёжный берег на той стороне реки тёмной каймой тянется по всему окоёму. Редкий туман над Чаусом ещё хранил сонную тишину раннего

Г. М. Будагов

утра, и всё это источало влажную свежесть, будто надломили свежеиспечённый хлеб, поднесли к лицу мякиш — и лёгкий парок, и сладкое тепло, и медовый запах проникали в самую душу, блаженно томя, до слёз, до умиления, до безудержного желания жить.

Обоз из шести подвод, крытых на дугах плотным рядном², гружённых инструментом, скарбом и продуктами, медленно вытекал по колыванской улице к переправе. На головной телеге Григорий Моисеевич Будагов³ —

² Рядно — толстый холст из пеньковой или грубой льняной пряжи. (Здесь и далее примечания автора текста.)

³ Григорий Моисеевич Будагов (1852–1921) — инженер-путеец, строитель железнодорожного моста через Обь, общественный деятель, сыграл заметную роль в первоначальном развитии Ново-Николаевска (Новосибирска).

По дороге в с. Кривоуцёково

начальник стройки моста. Ещё молод — ему чуть за сорок, коротконогий, круглоголовый, крепкий. С ним сын Володя девяти лет, худощав и по-детски тонок. Пока спускались по крутому косогору к Чаусу, Будагов шёл рядом с телегой. Идти было легко, радовало тёплое утро, свежий ветерок, дрожжевой запах проснувшейся земли. Будагов оглянулся. Колывань, будто девица на выданье, красовалась крепкими домами, добротными скотными дворами и чёрными огородами. Прямые её улицы, словно девичьи косы, спадали по крутым берегам, обрывались у самой поймы Чауса, а на их фоне, на последнем возу, надменно покачивалось чёрное пианино. Оно отражало восходящее солнце и потому казалось выцветшим. Будагов легко, даже по-мальчишески озорно, запрыгнул на телегу и расположился рядом с сыном на широком облучке.

— Հայրի՛կ, թո՛ղ ես քշեմ ւալլալը?⁴ — Володя хитрил, он специально спросил по-армянски, зная, что отцу это понравится и тот не сможет отказать в просьбе.

— Վալլալալալը⁵. — Будагов передал вожжи сыну и, поняв хитрость, по-дружески потрепал его чёрные и густые вихры.

Григорий Моисеевич вёз Володю с няней Марией Карловной Криц, вёз на строительство моста через Обь, который планировалось возвести и сдать в эксплуатацию за четыре года. Почему с ними не было жены Григория Моисеевича, матери Володи, никто не знал, да и сам Будагов никому не рассказывал.

На второй телеге ехал фельдшер Литвинов. В задумчивости он смотрел по сторонам, пытаясь запомнить эту неудобную дорогу. Он обернулся на Колывань, прилѣгшую на долгой крутизне, и почему-то это утро показалось ему очень важным, особенным, будто впереди новая жизнь, будто там, за поворотом,

⁴ Папа, можно поведу повозку? (армянск.)

⁵ Управляй.

сейчас чудом всё изменится. И его ждёт не просто обустройство лазарета для строителей моста, но что-то иное, более значимое и решительное.

Весь скарб Литвинова поместился в двух сундуках: в одном одежда и прочие личные вещи, а в другом медицинский инструмент и лекарства. Лекарства на первое время, позже предстоит плыть за ними в губернский Томск. В Томск всё равно ехать: нужно решить вопрос о срочной госпитализа-

Н. П. Литвинов

ции тяжёлых больных, если таковые случатся. А они случатся: стройка нешуточная, без травм не обойдётся, да и простуда с инфекциями не дремлют. Николай Павлович посмотрел на плотную фигуру Будагова, мерно покачивающуюся в такт неровностям дороги. «А вот Будагов, наверное, не болеет во все, — подумалось ему. — Конституция такая, крепкая, надёжная». Литвинов прикрыл глаза, прислушался к движению телеги и смеху Антона — громкого повара, вестового и главного подручного Будагова, крупного и крепкого крестьянина.

А замыкала конный поезд открытая телега Алексея Оленина. Литвинову вспомнилось, как вчера орал в патриотическом угаре Алексей: «Мы приехали в Сибирь созидать Россию!» Разговоров вчера было много, но врезались в память именно эти оленинские слова, наполненные юношеским патриотизмом. «Колыванские купцы тоже хороши, — переметнулась мысль на другое, — заломили цены на товар. Никак не могут смириться, что «чугунка» пошла не по их воле, через Колывань,

а через Кривощёково. Своя выгода — прежде всего, а об Отечестве нет совести. Тоже ведь мнят себя патриотами».

— Передайте Алексею Александровичу, — вдруг распорядился Будагов, — пусть сыграет, всё веселее будет путь!

И понеслось по конному каравану с весельем и прибаутками, будто ветром всколыхнуло притихших людей:

— Играй, Оленин!

— Алексей, а сбацай нам камаринского!

— Оленин! Проснись!

Но Оленин молчал и равнодушно грыз соломинку.

— Григорий Моисеич! — проорал в ответ громче всех Антон. — Ляксей Саныч всех посылают и играть не хотят.

Телега Оленина чуть отстала, катилась с особой осторожностью и только на большие кочки отзывалась гулом из утробы чёрного пианино, погруженного на телегу и утянутого, как паутиной, верёвками.

Вчера Оленин купил у местного купца Кривцова старое пианино. Не торгуясь, отвалил за подержанный инструмент столько, сколько за новый не дают. Григорий Моисеевич пытался вразумить, но куда там. Оленину как вожжа под хвост попала, сорил деньгами направо и налево, будто последний день живёт. Не спас Будагов оленинские деньги. Теперь тот сидел на телеге, упёршись спиною в заднюю стенку пианино, и всем нутром слушал жалобы старого инструмента. «Не довезёшь», — предрекали товарищи, но крепил сам Антон, и потому оно ехало не шелохнувшись, будто прибитое железнодорожным костылём⁶.

Обоз ходко продвигался по мягкой весенней дороге. Всё было как по Божьему благословению — и тёплая погода, и сухая дорога. Конный поезд огибал озёра и ивняковые заросли, пугая

⁶ Железнодорожный костыль — гвоздь для скрепления рельсов со шпалами.

ворон и жаворонков. Вороны, неохотно и тяжело взмахивая крылами, отлетали в сторону от дороги и недружелюбно провожали лиловыми глазами людей, стоя на своих кривых и тонких ножках. Малые птицы, напротив, суетились, резали воздух, метались в лёгком небе и тревожно кричали, будто плакали или смеялись. Но вот въехали в бор, величественные сосны сомкнулись над головой, солнечные потоки мягкими вуалями повисли на лесных полянах, смоляной настой промыл лёгкие, отчего пьяно закружилась голова. И не стало слышно движения; по хвойной тропе, будто по воздуху, легко текли телеги, играя спицами кривых колёс.

Объ открылась внезапно. Она блеснула водной гладью и будто распахнулась вдруг вся перед глазами, вывернулась, как щучий бок, и ярко заблестела чешуёй. Володя правил головной повозкой, а потому внимательно выбрал пологий спуск и ходко скатился на прибрежный песок. Прочие повозки плотнее сгрудились и по крутому спуску скатились следом. Володя подчинился команде отца и остановил лошадь у воды.

— Мать честна! Вот это речича! — ахнул Антон.

Люди подходили к реке, шупали её, тёрли пальцами песок, переговаривались. Но вдруг перезвон, от низкого к высокому, прорвал дрему реки, и понеслась над водой, отдаваясь далёким эхом, знакомая мелодия.

— Так вот для чего он пианино купил!

— Дуркует, — вздохнул Антон, — молодой ишшо...

Далеко внизу по течению реки люди увидели смутный силуэт парохода.

— Томские строители, — сообщил Будагов. — Пора двигаться.

И заспешил конный поезд, вытянувшись в гусиный ряд, и загикали, зашумели возницы, заскрипели колёса, сея тонкой дымкой песок на спицах...

Володя нетерпеливо понукал ходкую лошадь, и отец его поправил:

— Не торопись, сынок, пианино не довезём и лошадей загоним.

А сын радовался этому путешествию и уже точно знал, что всё лето проведёт с отцом на строительстве, потом его ждёт гимназия в Томске.

Дорога опять повела по мягкому и тёплому бору, стройные сосны отливали бежевыми вершинами стволов, птицы притихли вместе с ветром, и ощущение покоя и вечности утомило сердце.

— Папа, расскажи, почему ты решил стать инженером. Ты почему-то никогда не рассказывал о себе.

— А когда бы я мог рассказать? Ты был ещё мал, только вот подрос. А я всё дороги и мосты строил, жил где угодно, бывало и в поле, но не дома. Так что не было случая. По всей России проехал, а вот теперь и до Сибири добрался, но уже вместе с тобой.

— Папа, я тоже стану инженером и тоже буду строить дороги.

— Это хорошо. Правильно.

— И тоже буду ездить по всей России, а может, и по миру.

— Можно стать эксплуатационником и жить на одном месте, дорогу нужно обслуживать.

— Нет, папа, я буду строить, как ты.

— Мне тоже не понравилась работа на станции, скучно.

— А учиться в институте было трудно?

— Если дурака валять, то и учиться, и жить трудно. Главное — втянуться, и чтобы нравилось. Если ты научился от работы, тяжёлой работы, получать удовольствие, то ты счастливый человек.

— Ты счастливый человек?

— Да, я счастливый человек, — не сразу ответил Григорий Моисеевич.

— А мама к нам вернётся?

— Нет, — ответил Будагов, посмотрел на верхушки сосен и чуть не прослезился от обиды. — Я счастливый человек, ведь у меня есть ты.

— Я хочу стать таким, как ты, папа!

— Спасибо, сын, но помни: я тоже не ангел, выше меня места много.

ПРРОРОЧЕСТВО

До Кривощёкова доехали неожиданно скоро, три с половиной часа — и на месте. Некогда богатое село теперь казалось потрёпанным, разорённым, много домов хилых, потерявших осанку, были и со сбитыми набекрень крышами, малыми окнами, некоторые затянуты по старинке — бычьим пузырём. Однако стояла церковь деревянная, как бы в стороне от деревенского разора, вокруг неё зелёная полянка, изгородь прямая, невысокая, и калитка косо заграждала проход. Недалеко от церкви, на краю полянки дом священника, небольшой, но добрый, под зелёной железной крышей. Но более всего поразил в столь дальнем захолустье магазин каменный, под железной крышей, как и дом священника.

Село Кривощёково упиралось в урез Оби, тут же пристань из брёвен толстой лиственницы, будто оступившись, уходила в глубь реки. Инженеры выпросили у здешних мужиков две лодки, поплыли на противоположный правый берег, где виднелась мельница. Именно здесь, недалеко от Кривощёкова, Высочайшая комиссия утвердила строительство железнодорожного моста.

А всё потому, что около Кривощёкова берега крепкие, а на дне гранит — опора для мостовых быков вечная. И Обь здесь как по каменному жёлобу катится.

Литвинов остался на берегу. Мужики разгружали скарб, обустривали стоянку, а Николай Павлович прошёл на пристань, замер на краю и начал разглядывать противоположный берег, на котором неприступной стеной выстроились сосны у самого обрыва, а под ними дома Кривощёковских выселок. Рядом с Литвиновым остановился крепкий старик, опёрся то ли на клюку, то ли на посох, похожий на палку с крючком, и вздохнул, глядя на лодки с инженерами:

— Не туда гребуть! Снесёт их к выселкам, а то и дальше, тащи лодки потом по берегу, да против течения, а там лесины лысыя кругом, не пройти — одна морока. И куда спешат?

Старик почесал неопрятную, как ивняковые заросли, бороду, пригладил торчащие неровными клочьями волосы на голове, поправил тряпку, обтягивающую овчинный зипун вместо пояса, потом вынул из-за ворота драную татарскую шапку, похлопал о бедро, будто вытряс пыль.

Литвинов видел, что лодки с инженерами на самой стремнине подхватило течением и потянуло вниз.

— Смотри, течение какое! — удивился Николай Павлович.

— То-то и оно! Ты, барин, не смотри, что у нас река широкая, на серёдке только управляться успеи! Им надо бы наискосок грести, чуть вверх. — Старик показал рукою направление, а Литвинов вдруг увидел его большие голубые глаза, словно затерянные в зарослях густых бровей. Тут инженеры словно услышали старика и повернули лодки чуть наперекор течению.

— Хорошо, правильно, — похвалил старик и с удовольствием высморкался в землю. — Тут как-то у нас архиерей

гостевал, встал тут, как ты, на самом краю, и смотрит в пучину. А хатка моя — вот она, рядом, ну я и вышел за благословением, а более из любопытства. Стоит тот в чёрном весь, страшной, как скала, ряса трепется за спиной, а метель волну гонит, то ли клобук, то ли шапка иная у него на голове с лентами, и те на ветру дрыгаются. Смотрит он вдаль, а я рядышком притих, и вдруг он говорит: «Великий и славный город будет на этом месте!» А у самого глазищи горят, руку простирает — вот как есть сам из преисподней, прости ты меня господи. Я и сгинул в дом, испужался. Никогда не поймёшь, что от них ждать.

— А что за архиерей? Имя не помнишь?

— Точно не помню⁷.

— Давно он здесь был?

— Два года, поди, как минуло, кто ж всё упомнит, делов-то у нас много.

— А про город помнишь?

— Про город люди помнят, и я помню, потому что чудно это! Придумал же — город!

— Почему придумал? Вот мы уже приехали, и глянь, какой пароход идёт, он сюда шлёпает, с рабочими, чтобы мост в тот город строить.

— Невидаль-то какая — мост. А кто ж по нему ходить будет?

— Поезда, паровозы, вагоны, а в вагонах люди. Железный путь придёт вон оттуда, с запада, а уйдёт туда, — Литвинов показал на противоположный берег, — на восток.

⁷ В 1892 году епископом Томским и Семипалатинским (1891–1912) был Макарий, но Н.П. Литвинов в своих воспоминаниях уверенно утверждает, что это предсказание не имеет к Макарию никакого отношения. (Из материалов, представленных Н. П. Литвиновым на заседании секции по истории города в «Общество изучения Сибири и её производительных сил» (ОИС). 22 марта 1928 г.)

— Да, — задумался старик, — чудеса. Я вот сколь прожил, а чтобы такой мост был — не видел. Тут же верста, не меньше!

— Тебя как, любезный, зовут?

— Егорыч я, Старостин Иван Егорыч.

— Так вот, Иван Егорович, инженеры наши не один такой мост построили. Они такие уже через реки Уфу, Tobол, Ишим, Иртыш построили, и через Волгу. А Волга, она знаешь какая?

— Волга? Нет, не бывал. Значит, города нет, а мост будет! И насыпь будет? — недоверчиво уточнил Егорыч и, будто от холода, плечами передёрнул.

— Будет. И насыпь будет, и железная дорога, и мост, а если архиерей сказал, значит, и город будет! Всё будет! — уверенно заключил Литвинов.

И вдруг Егорыч развернулся и пошёл прочь. Потом остановился и крикнул:

— А может, и впрямь тот архиерей провидцем был, строители-то уж приехали. А где строители, там и дома, а за домами и город видится... — но вдруг махнул рукой. — И чёрт знает что будет!

— А что же не так, Иван Егорович? Что вдруг встревожило тебя?

— Суеты от вас много и беспорядку, полдеревни уже разъехалось. Считай, тридцать дворов на ту сторону переехали, когда ваши тут шастать начали, причалы мостить, дороги метить, уезжайте, говорят, «чугунка» здесь поедет!⁸ — будто огрызнулся Егорыч и заспешил домой.

Литвинов остался на пристани, тёплый ветер касался лица, а внизу, у самых ног, ласковая Обь чуть слышно целовала чёрные опоры.

⁸ С 1889 г. началась подготовка строительства Сибирской железной дороги: вдоль всего маршрута, от Челябинска до Красноярска, строились причалы, обследовались запасы леса, камня, песка, намечались дороги.

ЕГОРЫЧ

Хатка Ивана Егорыча — обычный пятистенок, но крытый не соломой или камышом, а плахой, опалённой до черноты и изогнутой ненастьем. Крыша не протекала, хотя и сделана была лет сорок назад, плаха задубела, окривела, но воду не пропускала, однако сухой чердак стал для опасных ос излюбленным местом. Серая осиная бумага висела на чердаке круглыми бадьями, которые жужжали грозно и тревожно, а порою самые ядовитые особи кусали хозяина дома. Егорыч мстил им беспощадно и каждую зиму сбивал эти «котелки» и «вёдра» палкой, топтал безжалостной ногой, вымещая негодование и обиду, но весной осы невесть откуда возвращались на чердак и с неистовым упорством строили новые осиные города.

Крытая тёсом крыша выдавала умеренный, но достаток бездетной пары, которую и семьёй-то назвать нельзя, потому как вся семья — муж да жена, а при них упрямая, но сильная кобыла, пара коз, пяток кур и щенячьего вида собачонка Жучка.

Худенькая и с виду безответная и робкая Настасья Петровна слегка прихрамывала на правую ногу, обладала характером волевым и командирским и жалила хозяина дома укорами не хуже тех ос, иначе бы Иван Егорыч, как она говаривала, «без её призрения и контроля так и провихлялся бы всю свою жизнь жучкиным хвостом, радуясь всякой возможности выпить». Одно сковывало её волю — бездетность, как клеймо юродивой. Потому, может быть, и звали бездетные пары — браком, пока нет детей — брак⁹, а не семья.

⁹ В значении «семейный союз мужчины и женщины; супружество». Слово «брак» заимствовано из старославянского языка. Оно образовано с помощью суффикса -к- от глагола «брати» — «братъ». Слово

И всё же никому так не доверяли своих чад односельчане, как бесплодной, но доброй и заботливой Настасье Петровне.

— Мать, ты слышала? — только войдя в дом, закричал Егорыч. — Мост через Обь всё-таки будут строить!

— Да что за новость, давно знаем, и нечего пугать, пущай строят.

— Дура баба! Дорога по огороду поедет! А ты знаешь, что это значит? Это хана, рыба-то из реки уйдёт!

— Почему хана? Отойди ниже, али выше, и лови рыбку. Эка невидаль, никуда рыба из Оби не уйдёт, некуда ей, сиротинушке, идти, тут останется.

Иван Егорыч, присевший было на скамью, вновь вскочил.

— У меня же вот тут, считай за огородом, осетрова яма! Сладко кушала рыбку всю зиму, а теперь что жрать будем? Карасей? Щуку?

— Налим-кормилец никуда не убежит, я тебя пирогом баловать буду. И стерлядка, поди, никуда не убежит. И карасик хорош, и щука не только собаке, но и человеку годна. Наловишь, — махнула рукой хозяйка, — ты знаешь как. И насолим, и навялим, и в Колывань свезём на ярмарку — продадим. Муки купим, масла подсолнечного, соли, вот и опять живём не тужим.

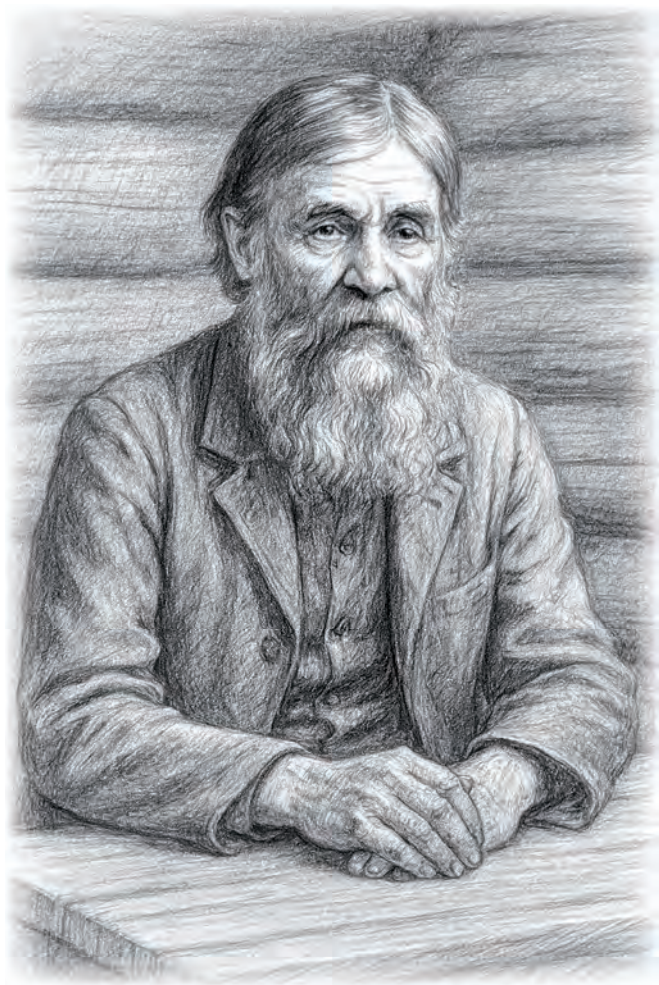
Раздался стук в окно.

— Хозяин, на постой пустишь?

— Чохотка в доме, запрещено мне на постой пущать! — раздражённо отозвался Егорыч.

— Да ты что! — возмутилась Настасья Петровна. — Они же за постой платят, а я ещё и харч готовить буду, всё туда же. А самогон на орешках? Ты что это удумал!

«брак» в значении «изъян, повреждение; недоброкачественный товар» заимствовано из немецкого языка. Заимствованное немецкое слово совпало по звучанию с уже существующим в русском языке словом «брак» в значении «супружество» и обрело двойной и более глубокий смысл.

Иван Егорович Старостин (Егорыч)

Иван Егорыч растерянно присел на край лавки.

— Промахнулся, кажись, брехнул невпопад, — испугался Егорыч. — Вот башка-то пустая, ещё и старосте пожалуются! — И он кинулся сломя голову из дому.

— Ой, беда, — покачала головой Настасья Петровна. — Ой, дурак, как есть голова пустая.

Иван Егорыч по-молодецки прибежал на берег и, увидев Литвинова, кинулся к нему.

— Ваше благородие, просим вас к себе на постой. И денег брать не станем.

— Спасибо, Иван Егорович, — удивился внезапному появлению старика Литвинов. — А я уже в телеге ночевать собрался. Спасибо, приду. Я на одну ночь, завтра опять в путь, до места, туда, где станцию Кривощёкова¹⁰ строить будем.

— А где ж такая будет?

— Вёрст пять на запад, — махнул рукой Литвинов.

В это время к причалу, весело будоража воду ходовым колесом, приближался пароход, полный людей.

Весь день прибывали люди, часть на правый берег, другая на левый, — скоро вся пойма чадила кострами, рабочие скупали продукты у сельчан, водка и всякое иное спиртное в каменной лавке кончилось разом, и управляющий немедленно отправил обоз в Колывань, чтобы пополнить запасы. Барыш сулил быть великим.

Литвинову в доме Егорыча выделили широкую лавку, которую прежде застлали тулупом и куском войлока, под войлок в изголовье подсунули пимы, воткнутые голенищами друг в друга, получилось удобно, прямо как подушка. Но губы Настасьи Петровны сжались до белизны, когда Егорыч объявил, что гость бесплатный, потому что важный человек, с бородкой

¹⁰ Сейчас станция Новосибирск-Западный.

и острыми усами. И чтобы замять женино недоразумение и недовольство, Егорыч спросил у Литвинова:

— А кем изволишь быть на стройке? Начальством каким?

— Я фельдшер, буду организовывать больницу на станции.

— Дохтур! Так ты птица важная! — Егорыч сел за стол. — Седайте, щас кушать будем. А вот скажи, у моей бабы кол в спине клинит, ты могёшь разогнуть её?

— Чего это ты удумал? — удивилась Настасья Петровна.

— Посмотреть надо, — ответил Литвинов и присел на скамью около окна. — Настасья Петровна, подойдите ко мне.

Хозяйка в нерешительности остановилась у печи.

— Иди, дура, дохтур хуже не сделает.

Хозяйка нерешительно подошла к Литвинову, тот её повернул к себе спиной и, задрав кофту, начал прощупывать поясницу.

— Ложитесь поперёк стола. Иван Егорович, убери посуду.

— Зачем же? — удивилась женщина.

— Ложитесь на живот, руки назад. Вот так.

Николай Павлович встал сзади больной, ещё раз прощупал позвоночник.

— Здесь больно?

— Да, родненький, болит.

— В правую ногу отдаёт?

— Как есть в неё.

Доктор помассировал двумя руками больное место и вдруг с силой надавил, так, что стол заскрипел, а Настасья Петровна безнадёжно охнула.

— Убил, как есть убил! — запричитала она, слегка отдышавшись.

— Поднимитесь, осторожно, не торопитесь, — Литвинов помог старухе встать.

— Что чувствуете?

— Ничего не чувствую. Горю вся, батюшка! Ломанул-то от души, сердешный, сил не пожалел. Горит всё, огнём горит, и спина, и нога, и голова кру́гом.

— Вот и хорошо. Скоро заживёт.

Прихрамывая и жалобно ворча, больная ушла за занавеску. Всё это время Егорыч сидел, выпучив от удивления глаза.

— Так что, помрёт теперь? — удивлённо спросил он.

— Сейчас стол нам накроет и ещё самогоночкой угостит, тебя за заботу, а меня за лечение.

Но вдруг распахнулась дверь и на пороге появился большой и грузный, как пузатый самовар, Антон.

— Николай Палыч, господа инженеры, вернувшись, вас зовут. Веселье начинается, Ляксе́й Саныч уже играют.

— Не судьба погостить, — сказал Литвинов Егорычу и вышел на улицу.

И НЖЕНЕРЫ

В тот же день подошло судно, высадились на берег рабочие, участвовавшие до того в сооружении Самаро-Златоустовской железной дороги. Пароход разгружали, с палубы снимали металлические балки и троса, несли на плечах ящики, катили тачки, кругом деловая суeta. Чуть в сторонке, ниже по течению, играло оленинское пианино. Как странно было слышать мелодию над мутной Обью с берегом, заросшим плотным ивняком, неряшливо заваленным паводковым мусором. Мелодия лилась удивительным чистым потоком, будто уговаривала людей стать добрее.

Настасья Петровна

Инженеры организовали свой бивачок на сухом берегу Оби, окружив костёр телегами, как это делали белые переселенцы в Америке, опасаясь нападения диких индейцев. Оленин сидел за пианино на одной из телег, будто на сцене, возвысившись над зрительным залом. Он играл свободно, уверенно. И совсем не было волнения, как когда-то давно, когда он, ещё студент, участвовал в концерте. В зале было много важных особ, а после выступления к нему подошёл Николай Аполлонович Белелюбский, уже очень известный инженер-мостостроитель, и поблагодарил его за чудесную игру и за образ истинного инженера, способного не только в науках, но и в искусстве. И так это было важно Оленину, потому что не прошло и нескольких дней, как он блестяще сдавал экзамен по проектированию, на котором присутствовал Николай Аполлонович. Много добрых слов услышал Алексей в тот вечер. И вот теперь он на берегу дикой сибирской реки, вместе с друзьями-инженерами, приехал строить мост через Обь по проекту своего учителя и кумира Белелюбского.

Костёр горел ярко, вместо столов установили ящики, их укрыли парусиной и теперь заботливо украшали закусками.

— Николай Павлович, а мы тебя уже потеряли, — улыбнулся Будагов подошедшему Литвинову, — думали, на том берегу оставили.

— Местной женщине помогал, спину правил.

— То есть с нами ты уже не ночуешь?

— Ночую с вами, потому что после застолья, боюсь, дорогу обратно уже не найду. И что там, за рекой?

— А вот инженер Бобиенский¹¹ нам сейчас расскажет, — ответил Григорий Моисеевич, — потому как мы только берег

¹¹ Эрнест Андреевич (Генрихович) Бобиенский (1855–?) — начальник строительства первого участка Средне-Сибирской железной дороги.

осмотрели, а он уже несколько дней по здешним угожьям ходит. Он сам из Томска, прежде с нами поработает, а потом дорогу на восток поведёт. Ты ещё не знаком с Эрнестом Андреевичем?

— Ещё нет, ещё не успел, да и когда бы я успел с ним познакомиться?

— Вот именно! Пошли, видишь, он пытается Оленина от пианино оторвать и за стол с ним сесть.

— Григорий Моисеевич, пусть Алексей Александрович играет, — попросил Литвинов. — Посмотри, какой чудный вечер, тихий и тёплый, и такая мелодия, очень модная, кстати. Это Чайковский. И посмотрите, он играет на память и как проникновенно. Григорий Моисеевич, не трогайте Оленина, пусть играет, значит, ему в сладость, и нам в утеху. Когда мы ещё услышим настоящего пианиста.

— Хорошо. Видимо, вы правы, Николай Павлович. — Будагов повернулся к Бобиенскому: — Эрнест Андреевич, голубчик, оставьте с богом пианиста, подойдите к нам. Вам необходимо познакомиться с Литвиновым.

Подошёл Бобиенский, высокий, худощавый. Вьющиеся волосы он зачёсывал назад, открывая высокий лоб; носил модные острые усы и стриженую бородку. Прямой взгляд выдавал характер упрямый и решительный.

— Эрнест Андреевич, — Бобиенский протянул руку Литвинову и поправил круглые очки.

Э. А. Бобиенский

— Николай Павлович, — Литвинов ответил на рукопожатие.

У Николая Павловича были не менее решительные усы с заострёнными прямыми концами и более окладистая борода — всё по моде и в подражание цесаревичу Николаю, на которого император возложил строительство Сибирской железной дороги и который невольно стал законодателем барберовских¹² мод.

— Господа, завтра вы вместе поедете на строительство станции Кривощёково, там Николай Павлович останется, ему предстоит организовать амбулаторию, а вы, Эрнест Андреевич, поедете по деревням, нам необходимы люди, рабочих много не бывает. Вербуйте всех. Но, Николай Павлович, коня и телегу оставьте здесь, она мне нужна будет на том берегу. Найдите здесь в деревне какую-нибудь повозку, в ней и поедете. А возницу лучше из местных мужиков, чтобы он потом повёз Эрнеста Андреевича по деревням.

Во славу Отечества

Длинный день катил к вечеру. Кругом пылали костры, часть рабочих, прибывших ещё днём, ушли в сторону будущей станции Кривощёково на запад, другая часть чернорабочих из каторжан, солдат и переселенцев соорудили навесы, шалаши тут же в пойме Оби рядом с селом. Вольнонаёмные крестьяне из соседних деревень держались «от греха подальше» и разместились в стороне от «варнаков»¹³. Им всем завтра предстояло начать работы по сооружению насыпи.

¹² Барбер — специалист по мужским стрижкам, бритью и уходу за усами и бородой.

¹³ Варнак — беглый каторжник, негодный человек.

Десятка два мужиков ушли вверх по течению на старую каменоломню, оттуда они будут добывать гранит, который станет основой опор железнодорожного моста, но прежде проведут узкоколейку, по которой и будут доставлять камень по назначению¹⁴. В тот же день прибыли ещё два парохода, но разгружались на правом берегу, около Кривощёвских выселок, чуть ниже водяной мельницы на реке Каменке. Часть рабочих тут же покинули берег и ушли в сторону станции Обь¹⁵.

Хмурые сумерки густо красили мутную обскую волну, в глубине чудилась чёрная тень таинственного дна. Солнце уже опустилось за рваную кромку Кудряшовского бора, а деревню терзал рёв недоенных коров и раздражённый лай дворовых собак. Сотни костров по берегу и вглубь берега уже тлели сытным и жарким углём, немытые котелки лежали кучей, ложки спрятались за заботливыми голенищами растоптанных сапог. Рабочие, утомлённые переездом, едой и хмельной негой, утешались ленивым разговором о жизни.

В охранном кругу инженерных телег расположился длинный стол, сооружённый из высоких ящичков с инструментом, ящички помельче использовали вместо стульев и табуретов. Но не было в сегодняшнем застолье вчерашнего колыванского размаха, завтра первое мая, понедельник — день тяжёлый и ответственный. Строительство Сибирской железной дороги станет главной заботой, и теперь очень многое зависит от того, как удастся организовать летние работы. Лето в Сибири короткое.

¹⁴ Старая каменоломня между д. Бугры и с. Кривощёково существовала с незапамятных времён. Была описана изыскателями пути перехода через Обь. Карьер существует и сейчас и стал излюбленным местом запрещённого купания.

¹⁵ Сейчас станция Новосибирск-Главный.

Ещё зимой, в декабре, председатель Комитета министров Николай Христианович Бунге на первом заседании недавно учреждённого Комитета Сибирской железной дороги говорил о «величии предстоящей задачи», о Родине и о желании послушать ей. Как его слова сочетались с тем настроением, которое испытывали инженеры, прибывшие на Обь, и как об этом ярко сказал Оленин: «Мы приехали в Сибирь созидать Россию!»

Будагову посчастливилось слушать председателя Комитета министров и именно сейчас ему хотелось поделиться своими чувствами, которые он испытал тогда. И он уже было поднялся над столом, чтобы произнести речь, как его прервал Антон.

— К нам гости! — сообщил он Будагову.

За оградой из телег стояли старик и старуха.

— Что вам, любезные? — спросил Григорий Моисеевич.

— Господин хороший, нам дохтур ваш нужен.

— Заболел кто?

— Нет, батюшка, поблагодарить пришли, он мне спину спрямил. — Старуха смахнула слезу уголком платка. — Я полжизни маялась, а он приехал и поправил.

— Николай Павлович! — позвал Будагов. — К тебе люди пожаловали!

Подошёл Литвинов, и Настасья Петровна с поклоном подала ему каравай хлеба, завёрнутый, будто дитя, в расшитый замысловатой вязью рушник, а старик протянул четверть самогона.

— Благодарствуем, батюшка, излечил жёнку мою. Прими от души, — расчувствовался Егорыч и, не дождавшись ответных слов, потянул за собой Настасью Петровну, развернулся и поспешил прочь.

Над застольем поднялся Будагов, инженеры притихли, все обернулись к Григорию Моисеевичу.

— Господа, позвольте, тост. Я рад вас видеть на этом дружеском берегу! Мне жаль, что с нами сейчас нет руководителей

Н. П. Меженинов

К. Я. Михайловский

строительства Западно-Сибирской и Средне-Сибирской дорог, славных и строгих отцов наших — Михайловского Константина Яковлевича и Меженинова Николая Павловича. Но здесь с нами Жандр Владимир Константинович, он начнёт строительство подъездного пути к паромной переправе, здесь с нами наши друзья — инженеры Оленин, Линк, Скоробогатов, прибыл к нам из Томска великий труженик Бобиенский вместе с инженером Рогальским. Они прославились строительством Обь-Енисейского водного пути, настрадались в болоте от гнуса, теперь немного отдохнут у нас.

— Так и здесь гнуса хватает, и здесь болота топкие есть!

— Вот я и говорю, отдохнут у нас немного, и болото между Кетью и Касом покажется им раем.

— Отдохнём и от цинги, и от снега в августе! — усмехнулся Бобиенский. — Конечно, отдохнём.

Все улыбались. Будагов огладел застолье и поднял руку, привлекая внимание.

— В действительности, я очень рад присутствию Эрнеста Андреевича, потому что никто не имеет такого опыта вербовки рабочей силы, которая нам здесь потребуется. И если нам удастся мобилизовать пятьдесят — семьдесят тысяч человек, тогда можно будет с уверенностью сказать, что нам и трёх лет хватит, чтобы проложить Великий Сибирский путь до самого Владивостока. Только большое число людей позволит нам совершить сей подвиг, потому что у нас, здесь в Сибири, нет ничего, кроме лопаты, кирки, пилы и тачки. А ещё с нами наш любимый лекарь и кудесник Литвинов Николай Павлович, он, если что, спасёт, и мы в этом уже убедились в прежние дни. И как теперь выяснилось, он не только вылечит, но и накормит и напоит! Наш Николай Павлович и хирург, и инфекционист, и психиатр, и сопли подотрёт, и клизму поставит!

— С патефонными иголками?! — вставил Антон.

— Будешь перебивать — так и случится! А теперь, господа, о завтрашнем дне. — Будагов помолчал, делая специальную паузу. — Господа, завтра мы разойдёмся каждый на свой, вверенный ему участок. По воле императора Александра Александровича, мы сегодня здесь, на берегу Оби, которая стала границей между прошлым и будущим, границей, которая стала местом, где соединятся запад и восток нашей державы. На правом её берегу завтра начнёт торить свой путь Средне-Сибирская железная дорога до Иркутска; с левого берега, с того самого места, где мы сейчас собрались, двинется Западно-Сибирская железная дорога до самого Челябинска. Страшно даже представить, сколько тысяч народа завтра примется устраивать насыпь, возить материалы, ровнять, укладывать

шпалы и рельсы, добывать гранит и песок, чтобы проложить Великий Сибирский путь. Не только мы, но и Омский участок, и Красноярский так же ринутся нам навстречу, чтобы в конце своего пути вновь сойтись на этом славном берегу Оби и соединить его могучим мостом. И это чудо предстоит сотворить мне с моими соратниками, друзьями, товарищами, инженерами.

Император Александр III

Нам предстоит связать эти дороги крепким узлом железного моста, чтобы служил он вечно! — Будагов помолчал, даже качнулся в раздумье. — Сегодня я услышал местную легенду, что один провидец предсказал рождение на этом самом месте города. И нет ничего почётнее, чем воплотить слово в реальное и большое дело. Мы построим здесь город, он будет уже потому, что именно на этом самом месте пересекутся два пути — водная дорога, соединяющая юг и север, и железная дорога, которая соединит запад и восток России. Здесь разрешится сибирский крест, здесь будет центр Зауралья, отсюда начнётся освоение обширных территорий! Предлагаю в этот славный и исторический день выпить чарку во славу Отечества, за здоровье государя императора Александра Александровича и во имя будущего процветания Сибири!

— Да здравствует Россия! Да здравствует Сибирь! — дружно поднялись инженеры вокруг стола.

Застолье потекло привычным путём, с закусками, дружеским разговором и шутками.

— Григорий Моисеевич, — поднялся над застольем Александр Станиславович Конопчинский¹⁶. — Ещё в прошлом году инженер Григорий Васильевич Адрианов¹⁷, опираясь на исследования отряда Викентия Роецкого¹⁸, предлагал ставить мост на двести саженей выше по течению, — сегодня, обследовав правый берег, мы убедились в правильности его предложений. Можно промолчать, а можно и подготовить рапорт в управление строительства. Но надо понимать, что всякий перенос сегодня — это перенос сроков начала строительства. Вопрос, Григорий Моисеевич, к вам: что будем делать? Вы главный инженер строительства моста, мы ждём вашего решения.

Будагов молча оглядел инженеров.

— Я вам отвечу притчей из своей жизни, но прежде давайте нальём местной горилки, которую для нас сегодня Литвинов заработал. Мы ничего сегодня не заработали, а он заработал.

Николай Павлович поднял со стола четверть самогона, налил Будагову, потом себе.

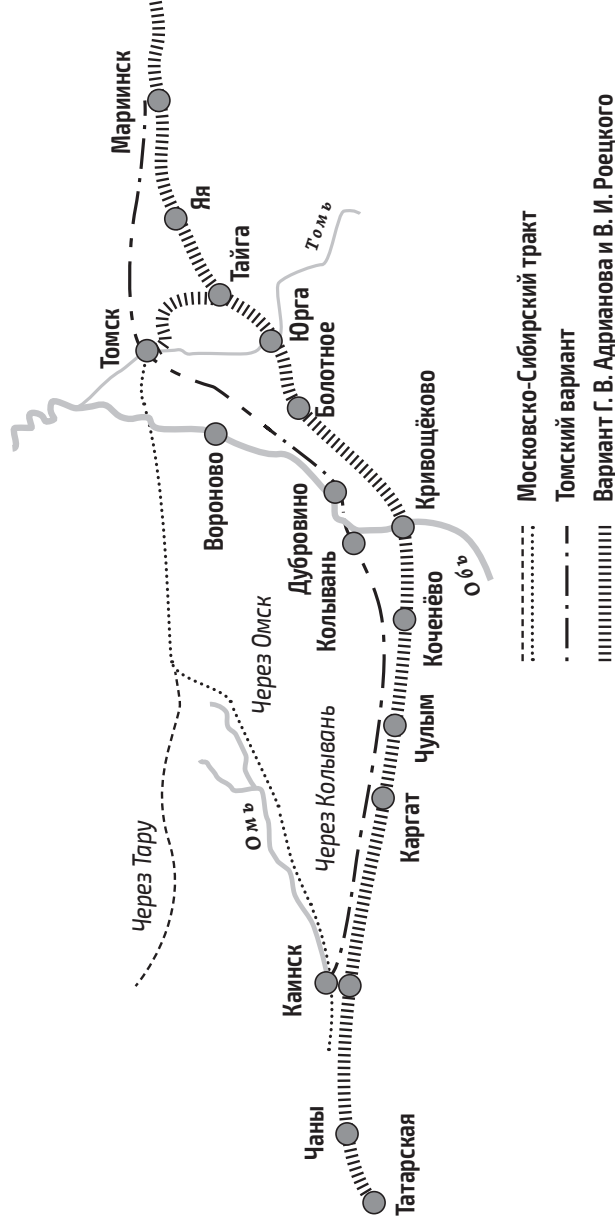
— Пусть каждый нальёт себе столько, сколько сочтёт нужным, — предложил Николай Павлович, и четверть пошла по кругу.

¹⁶ Александр Станиславович Конопчинский (годы жизни неизвестны) — инженер-путеец, начальник строительства участка от Оби до Омска.

¹⁷ Григорий Васильевич Адрианов (1859 — после 1917) — инженер путей сообщения. Принимал участие в изысканиях и строительстве Екатеринбург-Тюменской, Уфа-Златоустовской, Западно-Сибирской железных дорог.

¹⁸ Викентий Игнатьевич Роецкий (1861–1896) — начальник изыскательского отряда для определения местоположения железнодорожного моста через Обь.

«Кривощёковский вариант» мостового перехода через реку Обь

— Это было давно, в мои студенческие годы. В то далёкое горячее концессионное время¹⁹, — начал рассказ Будагов, — конкурентов было много, и дела всякие, и в том числе тёмные, творились на предоставлении концессий немалые. Концессионная горячка отразилась и на нас, студентах, весьма неприятным инцидентом, в котором мне пришлось сыграть главную роль. При разговорах в институте, кто и где устроился на практику, один из сотоварищей, Рутковский, рассказал нам, что ему обещали практику на Привислинской железной дороге, если он окажется за варшавским банкиром Кроненбергом, а чтобы содействовать сему, Рутковскому предложено внести какое-то число фиктивных акционеров, которое он и решил нанять из товарищей.

Многие из студентов отказались, а я по молодости лет и недомыслию обещал. Отец мой, когда я рассказал ему об этом, пришёл в ужас, а в институте на другой день произошёл целый скандал. Один из моих товарищей, Борис Антонович, много старше меня, стал разъяснять мне, что всё это большая плутня и, будучи расположен ко мне, вызвался изъять моё участие. Условившись со мной, что он будет играть роль моего дяди, он пригласил меня ехать вместе с ним к нотариусу, где остались мои документы. Приехав, он заявил нотариусу, чтобы тот возвратил бумаги. Нотариус отказался. Тогда Антонович предупредил его, что тотчас же прямо от него поедет к прокурору и начнёт дело. Угроза подействовала, мои бумаги были принесены и тут же уничтожены. И тогда я дал обет никогда не лгать и честно служить царю и Отечеству. А потому отвечаю

¹⁹ Концессия (концессионное соглашение) — это форма партнёрства между государством и частными компаниями, в рамках которой власти дают бизнесу полномочия на эксплуатацию государственных объектов или предоставление государственных услуг в течение определённого периода времени.

Инженеры

на ваш вопрос так. Плохо, что сроки изменятся? Да, плохо. Но будет ли выгода Отечеству от переноса места строительства моста? Да, будет. Так не о чём думать, пиши, Александр Станиславович, рапорт. В деньгах мы, конечно, потеряем, жалование наше будет до начала строительства скудным, но совесть чистой и уважение друг к другу не погрязло. — Будагов поднялся, и все поднялись. — Честь имею, господа!

— Честь имею! — дружно ответили инженеры.

Опустились сумерки, но на светлом небосводе уже зажглись яркие звёзды, а полная луна огромным белёсым оком равнодушно смотрела на землю, удивляясь созвездию костров на берегу одной из самых больших рек России.

Литвинов разместился в своей телеге, привычно вжавшись в плотно умятое сено, укутавшись поверх шинели гигантским тулупом. Николай Павлович прислушался к разговору у костра, но вдруг мысль оборвалась, и он крепко уснул.

Иван Егорыч долго не ждал гостя, потому что знал: всякое товарищество сильнее домашнего уюта.

БОБИЕНСКИЙ

Рано утром Эрнест Андреевич и Николай Павлович тронулись в путь. Иван Егорыч сидел возницей, вполне довольный, что и он пригодился в свои немалые лета, да ещё и за два рубля в день. Запряг он свою пегую кобылу, светло-коричневой масти, но разрисованную крупными белыми пятнами, насыпал свежего сена в телегу, чтоб господам мягче ехать, и овса припас для лошадки — всё по-хозяйски, основательно. За пару недель он зарабатывал на целую лошадку, если, конечно, не весной, а осенью

покупать. Но это так, просто сладкие размышления Ивана Егорыча, лошадь покупать он не собирался, а вот перевезти за эти деньги свой пятистенник на новое место он сможет легко.

Перед отъездом Егорыч присмотрел парусину со стола господ инженеров, выпросил и соорудил из неё над телегой нечто похожее на балаган, чтобы от солнца и дождя в дальнем пути защищала. Пока сухая погода, боковые крылья навеса закинул на крышу. Егорыч обладал смекалкой и дальновидностью, надеясь, что после поездки никому в голову не придёт спрашивать с него эту самую тряпицу.

Ехали прежде полем, потом зачастил березняк: и по отдельности стояли деревья, и колками теснились, будто табун, сбитый умелым пастухом. «Ветерок встречный, привычный, шолоник²⁰, — отмечал бдительный возница, — опять-таки солнце в затылок, не слепит глаза, дорога дрянь, конечно, но не по брюхо грязь, а лишь по низинам — всё ладом. Ведь не на божьих руках в путь собрались ехать», — думал рассудительный Иван Егорыч.

— Господа хорошие, — обернулся он к пассажирам, — вот вы грите, что надо съезжать, «чугунка» по нам пойдёт, а куда съезжать? В какую такую деревню, чтобы и оттедова потом не попёрли?

— Переезжай к станции Обь, — ответил Бобиенский, — там станция крупная будет, всегда извозом заработаешь.

— Благодарствуйте, — задумчиво ответил Иван Егорыч, потому как собирался переехать в Бугры. А теперь оказывается надо ехать через реку, да и там ещё версты три до той самой станции. Но если грамотный господин советует, значит, и думать не надо. Ну, а если подфартит и Литвинов какой заработок ещё одолжит, тогда Иван Егорыч не будет дураком, а продаст свой

²⁰ Шолоник — юго-западный ветер.

пятистенок, а себе срубил дом крестовый с мезонином, а может, и с флигельком. И на то был свой расчёт — пускать в дом постояльцев. И совсем повеселев, Егорыч гикнул и слегка ударил вожжою по гладкому крупу лошади: — А ну, родимая, пробегись чуток, а не то застоялась!

Пассажиры сидели по краям телеги, но теперь пришлось убраться ноги, потому что высокая прошлогодняя трава хлестала по сапогам.

— Ну и как же вас, Эрнест Андреевич, в болото угораздило попасть? За провинность или по доброй воле? И сколько вам лет? — спросил Литвинов.

Судьба Бобиенского сильно отличалась от судеб прочих инженеров, а потому и вызывала любопытство.

— Да, вы правы, Николай Павлович, за разговором дорога короче становится. Я с 1855 года... Родители мои... мало я с ними был, рано уехал в самостоятельную жизнь. Отец мой штаб-офицер.

— Вам тридцать восемь лет!

— О, как вы быстро считаете!

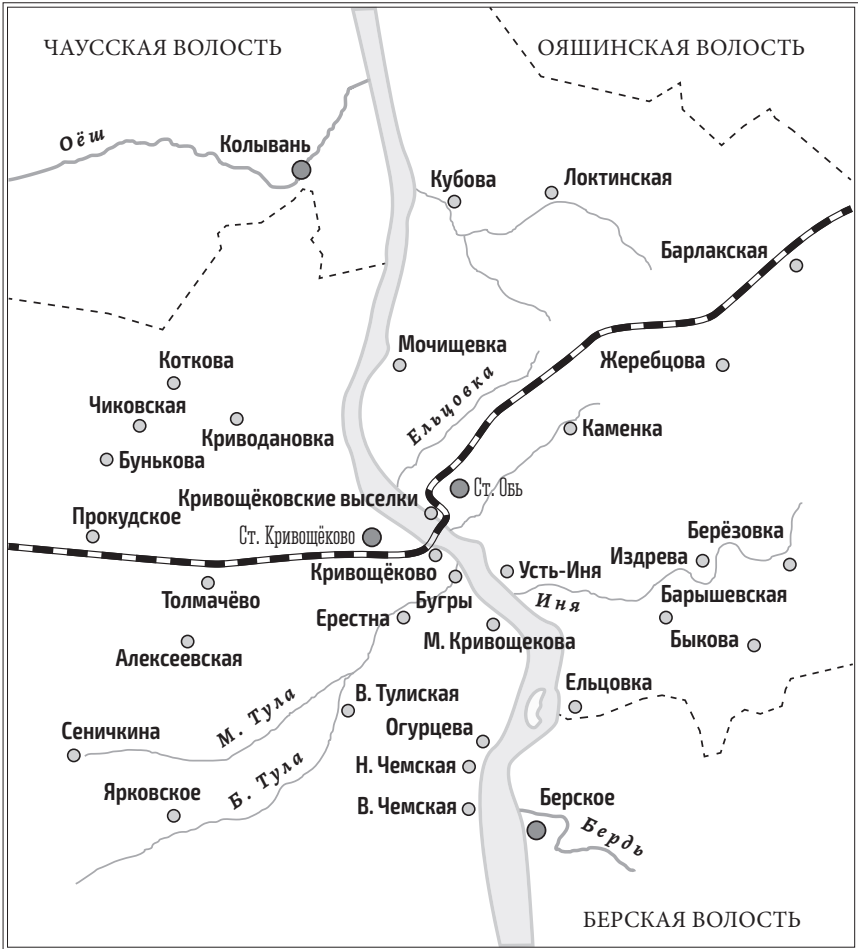
— Да ничуть, просто я ровно на десять лет вас младше, а мне двадцать восемь, и родился я в семье унтер-офицера.

— Занятно. Я, Николай Павлович, окончил Институт инженеров путей сообщения и был определён в Департамент шоссейных и водных сообщений, ну а дальше — откомандирован в распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири. Так что со мной всё ясно — обычное стечение обстоятельств! Представляете, сто лет проектировали Обь-Енисейский канал, а строить начали аккуратно, когда я институт окончил. Сто лет меня ждали! Так я стал помощником начальника работ барона Аминова.

Лошадь везла ходко, уютно поскрипывали колёса, Егорыч невольно что-то шептал.

— Почему вы не курите? — Литвинов откинулся на ворох сена, привычно пошарил вокруг себя, нашёл соломинку и начал

Кривощёковская волость

грызть её. Попалось нечто сладковато-кислое. — Я слышал, что дым отгоняет гнус. Северяне все заядлые курильщики.

— А вы почему не курите?

— А никогда не курил, но зато всё время чего-нибудь грызу. И потом, это чисто профессиональное, нехорошо, когда от доктора табаком разит.

— Согласен. Вонючий доктор вызывает недоверие. А я пробовал курить, помогает, конечно, но слабо. Когда комаров тучи, их никакой дым не остановит, а про мошку и говорить нечего. Больше того, к табаку привыкаешь, а он то кончился, то подмок, вот и думай, где его взять.

— Да, — вздохнул Литвинов, — табак мочёный, что конь лечёный.

— Хорошо сказал. А я знаю другую поговорку: табак и верзилу сведёт в могилу.

Помолчали, прислушиваясь к скрипу телеги и вздохам Егорыча, который теперь был только тем и занят, что продумывал переезд всего хозяйства на новое место. На старости лет и такая забота. Он вздыхал, а изредка, но очень громко отхаркивал и плевал под колёса.

— Теперь ваша очередь рассказывать, как вы попали в железнодорожную историю. — Бобиенский так же откинулся на спину и стал рассматривать балдахин и затейливые облака, которые не плыли, не мчались, а просто висели в небе и слева, и справа, и позади повозки.

— Отец мой Павел Максимович, унтер-офицер, умер рано, матушка моя Татьяна Сидоровна жива-здоровая, слава Богу. Я окончил фельдшерскую двухлетнюю школу в Пензе, учился отменно, только на отлично, — я всегда любил учиться! Собственно, в Пензе я и родился, — начал рассказывать Литвинов. — Отец умер, когда мне только исполнилось одиннадцать лет. Совсем ещё мальчишка. Тяжело жили. Потом мать

устроилась к богатому юристу экономкой, и стало полегче. Я дворы ему мёл, а зимой от снега чистил, за хозяйством присматривал, многому меня конюх обучил — и молоток держать, и топор, и рубанок. После учёбы сразу работа, прежде ординатором терапевтического и туберкулёзного отделения в пензенской больнице. Некоторое время работал в психиатрическом отделении. Уже практикуя, я окончательно и даже азартно увлёкся медициной! Занялся самообразованием, мне посчастливилось работать под руководством очень опытных докторов. Вот это была школа! Прежде познавал хирургию, потом травматологию, но больше всего меня увлекли инфекции, потому что сильно и тяжело сам переболел тифом. Особой темой стали лекарственные травы, различные методики лечения заболеваний. Я жадно наполнял себя знаниями. Скоро я устроился в земской сельской больнице в селе Болотниково. Но не просто я туда переехал, а мы с друзьями организовали в селе коммуну.

— Коммуну? О, так вы, батенька, революционер!

— Побойтесь Бога! Никогда не был и не буду. Всё проще. Видя несправедливость, по молодой горячности решили организовать коммуну, в которой у всех равные права, нет эксплуататоров, всё — по совести. Видите ли, мы так считали, я так думаю, я и сейчас так думаю, что если в мире нет справедливости, то этот мир просто теряет смысл. Вот почему так важно стремиться к созданию справедливого мира. И мы сделали попытку!

— Понял, вы действительно не революционер, вы — романтик. А что такое справедливость в сословном обществе? Её в принципе не может существовать. Справедливость — это иллюзия. Или у вас иное понимание этой фантазии?

— Справедливость — это равные возможности для людей начать свою жизнь, а через трудолюбие добиться того социального положения, которое им оказалось под силу.

Не родовая привилегия, а трудовая, то есть через трудолюбие, целеустремлённость, упорство, настойчивость, одарённость, наконец.

Бобиенский подгрёб ворох сена и сел полубоком, опершись на мешок с овсом.

— Вот вы, Николай Павлович, сын унтер-офицера, не имели средств получить полное образование, вас хватило только на двухлетнюю фельдшерскую школу, после — только бесплатное самообразование, а у меня была такая возможность, и я выучился на инженера, потому что матушка моя дворянка. Но возможно, и я в этом даже уверен, что есть много людей не дворян, но одарённое меня. И вы в этом правы. Чей-то крестьянский сын может оказаться очень талантливым, но чтобы пробиться через сословное препятствие, а теперь и через капиталистов... нет, это под силу немногим. Основная масса так и зачахнет под тяжестью обстоятельств.

— Потому мы и организовали коммуны, чтобы коллективным трудом заработать столько средств, сколько хватило бы нам зажить честной и счастливой жизнью. И чтобы нашим детям хватило этих средств, потому что наше сословие мещанское, ничтожное, а жить хочется равным среди достойных.

— Юношеские фантазии это всё, уважаемый Николай Павлович, к сожалению, только фантазии. Никогда дворяне не оставят свои сословные привилегии, а капиталисты свою прибыль в угоду обществу, в угоду России. Такое невозможно, чтобы лучшие из лучших правили страной, так не бывает, страной правят приближённые. Сейчас это немцы, потому что сегодня и уже триста лет их привилегия, они наверху.

— Так вот кто у нас революционер! И не бойтесь, что я донесу о ваших крамольных мыслях кому следует?

— Нет, не боюсь, потому что вы мне представляетесь честным и порядочным человеком, и почту за честь быть вашим другом. Понимаете, бывает такое: не знаю, но верю.

— Спасибо, Эрнест Андреевич! Мы с вами правы, в нашем мире справедливость — это даже не фантазии, а грёзы Шахерезады. — Литвинов замолчал, задумчиво догрызая соломинку.

— А я скажу ещё крамольнее: сословное общество — это тормоз, это препятствие на пути развития общества.

— Верно. Так же, как и капиталисты, которые всегда будут ставить свои интересы выше общественных, выше государственных.

— Егорыч! — позвал Бобиенский.

— Слухаю, барин, — повернулся возница.

— А вот, к примеру, у тебя стало много денег, очень много, что бы ты стал делать?

— Барином стал бы.

— Это понятно, а чем бы занялся?

— Да ничем. Зачем чёй-то делать, если жратва на столе?

— Теперь понял, Николай Павлович, почему железную дорогу строят не капиталисты, а за счёт казны? Потому что капиталист ничего для общества делать не будет, если «жратва на столе», а если и сделает что-то, то исключительно для того, чтобы этой «жратвы» стало ещё больше.

— Так кто же спорит, Эрнест Андреевич! Всё это верно, но меня сейчас больше беспокоит иное. Скоро станция, и я надеюсь, что там есть хоть какой-нибудь сарай, чтобы пожить первое время, пока амбулаторию построю.

— И не плохо было бы в этом сарайчике печурочку иметь, земля ещё холодная, — согласился Бобиенский.

— И зачем в поле строят? — посетовал Иван Егорыч.

Бобиенский поднял на него взгляд.

— Вот видишь, Николай Павлович, народ у нас любопытствует. Станция, Егорыч, это не только вокзал, но и склады,

ремонтные мастерские и несколько запасных путей для манёвра. Простор нужен. — Над головой засуетились птицы. — Скоро станция, совсем рядом люди, — задумчиво сказал Бобиенский.

— С чего вы так решили?

— Птицы. Птиц кто-то согнал в небо.

— Всё это любопытно, конечно, мы действительно народ любознательный, — задумался вслух Литвинов, — но вот мне двадцать восемь, а позади только фантазии. А ведь я хотел учиться словесности. Слово — вот моя судьба!

— Писатель?!

— А хоть бы и писатель! Можно, конечно, смеяться, но я хотел в газете работать. Статьи писать.

— О справедливой жизни?

— И о справедливой жизни тоже. Ведь только через слово можно достучаться до разума человеческого. Мы же люди, для того нам и дана Богом эта способность говорить.

Литвинов замолчал. Почему он так поверил Бобиенскому, почему так разоткровенничался? Что было особенного в этом человеке? Может быть, то же ощущение неудачи, когда полжизни прожито, а ещё ничего не сделано?

— А чем дело о коммуне кончилось? Казённым домом?

— Почти. Нами заинтересовалась полиция, не понравились им наши мечты о справедливом мире, и название «коммуна» им тоже очень не понравилось. Начали выдёргивать на допросы, и мы разбежались кто куда. Я завербовался на строительство железных дорог. Познакомился с Будаговым, и вот я здесь. Так я бежал из Болотникова. А вы наконец-то вырвались из своих болот Обь-Енисейского канала.

— Ах вот какая у вас логика! Вы романтик мистического толка, потому и поверили мне без оглядки! — Бобиенский накрылся шинелью. — Мёрзнуть стал.

— Как вам можно не верить! Человек, который работал с отпетыми уголовниками, в тяжелейших условиях, всё выдержал и преодолел, подонком быть не может. Да и глаза у вас открытые. Учтите, я с душевнобольными долго работал, для меня глаза — это действительно зеркало души.

— А ведь это верно. Знаете, почему я медведей боюсь? А там, между Кетью и Касом, только медведи и живут. Потому что никогда не понять, что эта зверюга задумала. У медведя нет выражения чувств на морде! Мутная тварь.

— Правильно! Вот и люди бывают такими, не поймёшь, что от него ждать. Люди без выражения лица, как правило, подлые люди! А вот у душевнобольных — чёрные глаза, беспроглядные, пустые, страшные.

— Да, жизненного опыта у нас хоть отбавляй. Спасибо вам за доверие, — задумчиво ответил Бобиенский. — Вот за что я люблю жизнь? За то, что она полна открытий! Переходим на «ты». — Бобиенский протянул руку.

— Переходим, — ответил Литвинов на рукопожатие.

— У тебя семья есть? — вдруг спросил Бобиенский.

— Нет, и не было, хотя уже пора, конечно. Я в Болотникове чуть не женился. Но всё так стремительно изменилось. И я бежал. Да, бежал, но если бы любил...

— А у меня жена и четверо детей. Два мальчика и две девочки!

— Корни ваши польские?

— Польские, а жена русская.

Над головой сотрясался балдахин, в голубом небе висели лёгкие облака, то тут, то там летали встревоженные птицы. Егорыч изредка пенял на кобылу, но более по привычке и от скуки.

Помолчали, каждый задумался о своём.

— Эрнест, а ты веришь в предсказание, что на правом берегу Оби скоро город вырастет?

— Конечно. Алтайский хлеб как вывозить? Да только по воде, а потом перегрузка на железную дорогу — и вези хоть на восток, хоть на запад. Хотя, думаю, в Барнаул тоже ветку тянуть будут, но водой всё равно дешевле. По течению почему не возить?

— И всё-таки скажи мне, на кой чёрт делали Обь-Енисейский канал?

— Резон-то был. Была задумка соединить все реки России от Волги до Байкала водным путём, для этого начали строить шлюзы на притоках. Это значительно дешевле, чем строить железную дорогу. Опять-таки пароходчики требовали, но всё зависит от водосбора. По весеннему половодью пройти ещё можно, а летом только на лодках. И сезонное это дело. Короче, правильно, что отказались²¹.

— Интересно было бы увидеть это чудо. Интересно уже то, что по притокам рек можно пересечь Россию! И я пока себе этого даже представить не могу.

— Всё просто: по Оби до Колпашева, потом в правый приток Кеть. Так себе речушка, завалов много. Потом озеро водораздельное, круглое, из этого озера две реки берут начало, Кеть — в сторону Оби, а Малый Кас — в сторону Енисея. Но глубина малая для судоходства, вот мы и копали канал по колену в грязи. И пустое безумие, там на несколько сот вёрст никакого жилья! Вот просто лес и звери. А самое страшное — цинга и медведи. И работали в основном каторжные. Поножовщина от тоски и безнадёги. А здесь рай, здесь люди.

²¹ Обь-Енисейский канал был сдан в эксплуатацию в 1893 г., но по нему не могли пройти большие суда. Проект оказался неперспективным.

РАЗБОЙНИКИ

— Стоять, Зорька! — прохрипел чей-то голос.

Литвинов приподнялся на локоть. Несколько мужиков обступили повозку, один взял кобылу под уздцы.

— Холёная, — похлопал лохматый мужик по шее пегую кобылу. — Рублёв сорок, а то и полста выручить можно.

— А ну, отойди! — вдруг заорал Егорыч, в его руке невесть откуда появился топор.

— Ты глянь, — не поверил угрозам старика лохматый мужик, видимо средь прочих главный. — Сядь, убогий!

— Kazimierzu, od kiedy zacząłeś rabować przemysł?²² — спросил по-польски Эрнест Андреевич.

— Пан Бобиенский?! — удивился лохматый и ответил по-польски: — Nie chciałem się spotkać! Jak się tu znalazłeś, Ernest Andriejewicz?²³

— Пути Господни неисповедимы, Казимир, но никогда не думал, что ты разбойником станешь.

— А вы всё прежний. И револьвер при вас?

— При мне, — Бобиенский высунул из сена руку с револьвером, направленным на злодея.

— Прости, пан, ошибка вышла. — Казимир отступил от телеги и подал прочим знак, чтобы отошли.

— И чё?! — вдруг возмутился мужичок из банды Казимира. — Без добычи опять? Их трое, порежем очкастого и лошадь возьмём!

— Цыц! Это пан Бобиенский!

²² Казимир, с каких пор ты стал разбоем промышлять? (польск.)

²³ Не чаял встретиться! Как вы здесь оказались, Эрнест Андреевич?

— Нам-то чё с того?!

— Пан Бобиенский — польский шляхтич! — пытался вразумить Казимир товарища.

— А нам-то чё?! Хоть баба на сносях, если деньги есть!

— Ах ты, Матка Боска!

Казимир уже не отвечал, а, размахнувшись, ударил мужика в висок. Тот рухнул наземь.

— Сказал не тронь, значит, не тронь! Пошли мы, пан, прощай, пора нам. — И с разворота пнул лежащего. — Пошли, кому сказал!

— Ну уж, братец, нет, так не пойдёт! — Бобиенский соскочил с телеги, спрятал револьвер за пояс. — Сколько вас человек?

— Шестеро, панове.

— Отлично. Вот, Николай Павлович, тебе готовая бригада. Казимир плотник отменный. — И вновь обратился к главарю: — Есть у тебя ещё мастеровые люди?

— А зачем это?

— Я задал другой вопрос: есть или нет?

— Есть, Афанасий, мастер, а прочие нет.

— Вот так, Казимир, убивать и даже бить я тебя не буду, и в околоток не потащу. Ты понял, о чём я? Ты меня знаешь. А теперь слушай сюда! С этого момента ты поступаешь в распоряжение доктора Литвинова, на станции Кривощёково постройте ему амбулаторию, дом для больных, понял? Тебе и Афанасию за день по полтора рубля, а прочим рубль. Я вернусь через пару недель, чтобы дом уже стоял. Понял? Или есть возражения?

— Ваша воля, панове.

— А потом свободен, и помни: я сейчас тебя от каторги спасаю. Где слово твоё?

— Сделаю, панове, обещаю. *Wiek nie da rady*²⁴.

— А этот? — спросил Бобиенский, указав на поверженного мужичка.

Тот встал, держась за ухо.

— Нормально, у меня не побалуешь, — заверил Казимир.

— Ухо горит, — пожаловался мужичок и отошёл в сторону.

— Всё, поехали, Егорыч, — распорядился Бобиенский и запрыгнул на телегу.

А Егорыч всё ещё стоял с топором, недоверчиво оглядывая банду.

— Ух, была бы моя воля, всех бы порешил! Кобыла ему моя понравилась! Свою заведи, лапоть драный!

Егорыч подсунул под сено топор, уселся и легонько хлестнул лошадь.

— Ну, поехали помаленьку, — сказал он лошади, — хватит тут разговоры разговаривать.

Повозка поплыла дальше, разбойники, постояв в недоумении, скоро поплелись следом.

— Егорыч, а ты дерзкий! — ухмыльнулся Бобиенский.

— А по-другому не выжить. Я пробовал, не получилось. С добрыми надо добрым быть, а с прочими — как получится.

— Как ты, Николай Павлович? — Бобиенский повернулся к Литвинову.

— Мне с револьвером тоже не страшно. Я хоть и не воевал, но в Пензе жил, а там без револьвера, как в американских прериях, не выжить, — и Литвинов показал своё оружие.

— Так вот оно как! И у доктора есть чем защищаться! — Бобиенский взял литвиновский револьвер. — Точно, как у меня, Смит и Вессон тридцать второго калибра. Я купил в оружейном

²⁴ Век воли не видать.

за тридцать два рубля и пятьдесят патронов по два с полтиной за штуку. А ты?

— Я купил с рук, за двадцать рублей, а патронов всего десять мещанин так отдал. Какая-то тёмная история у этого револьвера.

— Ты смотри, как две капли воды, не отличишь. Убил кого?

— Нет, Господь миловал, в воздух один раз стрельнуть пришлось.

— А на мне две души. Обоз хотели ограбить, а мы как раз с Казимиром для рабочих деньги везли, недалеко от Колпашева, вот и загубил двоих из беглых каторжан. Казимир их на обочине закопал. Но не волнуйся, амбулаторию они тебе построят отменную. Он хоть и разбойником стал, но мастеровой, и если сказал, то обязательно сделает. Поляк поляку везде брат, он меня не обманет, не посмеет лживым словом род свой до седьмого колена загубить.

ЧАСТЬ 2

Новониколаевскъ.

Объ

ВСТРЕЧА

Паром был ещё на правом берегу Оби, там только началась посадка, и потому, чтобы не скучать в экипаже, Литвинов забрался на высокую насыпь, примкнувшую к первому пролёту железнодорожного моста на месте бывшего села Кривощёково. Высокий земляной вал километровой чёрной змеей выползал к Оби, крутые склоны под острым углом спадали вниз, влажный обледенелый гравий блестел на скудном солнце. Ряд недостроенных опор шагнул вглубь, а посреди реки уже был установлен одинокий пролёт железнодорожного моста, плотно обвитый бревенчатой паутиной строительных лесов. С левого берега, от насыпи, к нему тянулся береговой пролёт, который сейчас походил на змеиную голову, зависшую над мутной водой широкой реки. Поверх насыпи рядом лежали шпалы, соединённые двумя полосами стальных рельсов, они долгим поворотом уходили прочь и скрывались на крутом берегу левобережья.

Литвинов стоял на самом гребне, осматривал безмерную округу. Леденящий северный ветер вперемежку с мелким, как влажная пыль, дождём, редкими, но резкими порывами хлестал по лицу и норовил сорвать шляпу. По правую сторону насыпи ещё виднелось несколько покосившихся, а то и без крыши, домов умершего села. Старая пристань торчала десятком пьяных свай, чуть далее толпились люди и повозки в ожидании пассажирского парома, который ещё только отчаливал от правого берега. А по левую сторону насыпи подходила однопутка и обрывалась на пирсе, здесь и день, и ночь трудился

Пристань в районе переселенческого пункта

грузовой причал. Здесь же, на левом берегу, стояли бараки, приспособленные под цеха, в которых собирали металлические конструкции для новых пролётов моста. На противоположной стороне Оби виднелось несколько рельсовых веток, переплетённых между собой косыми стрелочными переходами, а к ним от станции Обь шла ветка, там же виднелось несколько высоких складских барakov.

Ровно три года назад, 30 апреля 1893 года, было тепло, и ветер не жёг, а ласкал. Изменилась погода, изменилась округа, всего за три года вырос новый посёлок в несколько сот домов, с магазинами и верфью, а над Обью повис гигантский пролёт моста. Стройка не прекращалась ни в мороз, ни в штормовой ветер, ни под палящим солнцем, ни под проливным дождём.

Николай Павлович по крутой деревянной лестнице спустился с насыпи к пристани, скоро должен был прийти паром, и он покинет левый берег, чтобы уже навсегда остаться на правом. Построив амбулаторию и наладив работу небольшой больницы на десять коек на станции Кривощёково, он выпросил отставку, дождался смены, и сейчас река должна стать рубежом, за которым новая жизнь, новые заботы — всё иное.

Все эти годы ему помогал Иван Егорыч, который не стал другом, но и не был слугой. После переезда к станции Обь он занялся извозом, построил большой дом, сдавал несколько комнат, в основном зажиточным переселенцам, которые только начинали свои коммерческие дела в Ново-Николаевске²⁵. Он стал спокойнее, перестал суетиться и нервничать, его речь наполнилась умом и рассудком, значимым и серьёзным. Он приехал за Литвиновым ещё утром в богатом экипаже с откидным верхом, на рессорах и дутых колёсах, и теперь, укутавшись в зимнюю шубу, не боясь ветра и ледяной измороси,

²⁵ В повести сохранено историческое написание названия города.

сидел на облучке, бессмысленно разглядывая протекающую мимо Обь.

Литвинов увидел эту женщину, ещё когда спускался по крутой лестнице с железнодорожной насыпи. Это была та самая дама, что несколько дней назад привезла в больницу молодого человека с дифтеритом. На ней красовалась модная шляпка, не по сезону лёгкое пальто, руки были в перчатках, но мёрзли, и потому она всё время прятала их за воротник, не явно, а будто придерживая его на шее. Она была стройной и красивой, восхитительно красивой, так показалось Литвинову. Может, потому что кругом стояли крестьяне и рабочие, кто в чём, но в тёплом, и только она — как из сказки, тонкая до прозрачности, в приталенном чёрном коротком пальто.

Николай Павлович из любопытства украдкой посмотрел на неё и неожиданно встретился со строгим, непреклонным и даже жёстким взглядом. При этом у неё были тонкие, почти детские черты лица, скрывающие возраст, так что нельзя было понять, кто она, девушка или замужняя дама.

«Вот это характер», — только и успел подумать он, как вдруг предложил:

— Осмелюсь побеспокоить и предложить пройти в мой экипаж, — и протянул руку.

Она молчала, видимо думала: соглашаться или нет?

— А в экипаже теплее, — заметил Литвинов, не опуская руку.

Женщина, прикрывая щеку гладким воротничком пальто, внимательно посмотрела на него, и тот не удержался от улыбки.

— Покорнейше прошу вас и спешу заверить — я не кусаюсь.

— Не сомневаюсь, — ответила она, оперлась на его руку, поставила сапожок на металлическую ступеньку и легко проникла под козырёк экипажа.

— Николай Павлович, там, за спинкой, пошукай медвежью полость²⁶, — подсказал Иван Егорыч, надменно восседающий на облучке в просторной и тёплой шубе. Он вдруг проворчал: — Апрель нынче будто октябрь, не поймёшь, будет лето али сразу в зиму уйдём.

Литвинов встал на ступеньку и заглянул за спинку сиденья, достал мягкую медвежью шкуру и прикрыл даме ноги. И вдруг от неё пахнуло духами, похожими на запах подсолнуховой ваты.

— Благодарю, вы очень любезны, — ответила дама и поправила шкуру на коленях. — Боже мой, какое тепло!

Довольный любезностью, Литвинов сел рядом, достал из-за пазухи фляжку, обтянутую коричневой кожей, открутил колпачок.

— Сделайте глоток, и вы согреетесь совершенно. Это настой на травах, он не только согреет, но и от простуды уберезёт. Сделайте глоток, этого достаточно.

— Хорошо, тогда вам надо предложить эту микстуру всем, кто сейчас мёрзнет на пристани! Вы же доктор?

— Я это и собирался сделать, — ответил Литвинов и позвал, протянув фляжку: — Егорыч, угости людей моей микстурой.

— Нет, — дама вдруг остановила руку Литвинова. — Я понимаю, это вы так шутите? Не гусарьте, оставьте микстуру мне, тем более что я безмерно замёрзла.

Она осторожно прислонила горлышко фляжки к губам и, решительно запрокинув голову, сделала глоток.

— Что это? Господи помилуй! — воскликнула она. — Какой приятный аромат, но очень сладкий! Он приторно-сладкий!

— Потому что настой на меду. Лекарство бывает не только горьким, но и сладким!

²⁶ Медвежья полость — покрывало из медвежьей шкуры.

Александра Александровна

— Я вас знаю, да, точно знаю, — вдруг сказала дама. — Вы доктор, хоть и не признаётесь в этом. Вы — Литвинов!

— Да, я Литвинов. Кстати, меня Николаем Павловичем зовут. А вот кто вы? Я вас помню, но я с вами не знаком.

— Меня зовут Александра Александровна, я приехала из Петербурга, мы здесь уже три дня, а вещи я в Кривощёково оставила.

— Значит, вы проехали без пересадки в Омске? Там только что сдали мост через Иртыш.

— Да, мы с Романом — это мой младший брат — ехали на поезде от самого Петербурга. Мы в дороге уже больше десяти дней. А по мосту ехать было страшно. Такая высота! А состав красивый: за паровозом вагоны — прежде синий, потом жёлтый, зелёный и серый, потом служебный и багажный²⁷.

— Вы ехали в первом классе?

— Да, в синем, очень удобно: мягкие кресла, ванная.

— И устали?

— Да, комфортно, конечно, но очень долго ехать.

— Вы три дня у нас и уже знаете мою фамилию! Чудеса! Неужели я так популярен в Петербурге?

— Отнюдь, вы популярны в Кривощёково. В дороге у меня заболел брат, он оказался в вашей больнице. Вы меня не помните?

— Прошу прощения, я вас видел, вы пару дней назад привели в лазарет молодого человека с дифтеритом. Ему стало

²⁷ В царской России вагоны окрашивали в разные цвета, чтобы подчеркнуть их принадлежность к определённым классам. С 1879 г. вагоны на частных и казённых российских железных дорогах общего пользования, принадлежащих ведомству Министерства путей сообщения (МПС), окрашивались строго по классам: первый класс — синий; второй класс — жёлтый, светло-коричневый или золотистый; третий класс — зелёный; четвёртый класс — серый.

лучше сразу же, как только я прописал ему противодифтеритную сыворотку. Правильно?

— Правильно.

— И куда вы теперь, потеряв минимум ещё на пару недель своего брата? Вы же его, как я понимаю, не бросите в Кривощёково одного?

— Не сомневайтесь, не брошу. Я еду к старшему брату, он здесь на строительстве вот этого моста, — и она показала на мостовой пролет над Обью.

— Вы богаты на братьев. Кто же этот таинственный второй брат?

— Оленин, инженер. Слышали о таком?

— Алексей Александрович ваш брат?!

— Да, мой непутёвый брат!

— И вы приехали к нему в гости или чтобы забрать его обратно в Петербург?

— Поразительно! Как вы догадались? — она с удивлением посмотрела Литвинову в глаза.

У него, кажется, остановилось сердце, так прекрасны были эти карие глаза напротив! Пока он сидел, переживая впечатление, она забрала из его рук фляжку.

— Ещё глоток, вам же не жалко? Не поверите, но я согрелась. Действительно, волшебный настой.

— Пейте, ещё глоток, но не более. С микстурой надо вести себя осторожно. — Николай Павлович справился с охватившим его волнением. — Но позвольте разочаровать вас, любезная Александра Александровна. Я с Олениным и с другими инженерами прибыл на этот берег ровно три года назад, день в день! За это время в Сибирь приехали десятки, сотни тысяч рабочих на строительство железной дороги и ещё больше переселенцев. Так позвольте доложить вам, обратно уехала, считай, половина, не выдержали ни условий труда, ни климата. По-ло-ви-на!

Но за это время свой пост не покинул ни один инженер! Вы поняли меня? Ни один! Умирали, болели, погибали, были переведены высоким начальством на другие участки строительства, но ни один не уехал домой только лишь потому, что здесь невыносимо тяжело, или потому, что его позвала мама или сестра!

— Но это же безумие! Боже мой! Это какое-то безумие! *Cette décision était une pure folie!*²⁸ Бросить дом, родителей, титул, невесту, чтобы строить вот это? — Александра Александровна опять показала на нависший над фарватером одинокий мостовой пролёт.

— Да, именно так! Более того скажу, инженеры за честь почитают строить эту дорогу. А если невесту бросил, значит, не его это была невеста.

— Боже мой, Рома, который у вас в больнице, он только что окончил Институт инженеров путей сообщения, он поехал по зову Алексея, чтобы посмотреть Сибирь. Это я увязалась за ним, в тайне мечтая уговорить Алексея вернуться всем вместе в Петербург. А теперь я понимаю... что я могу...

— И не сомневайтесь, Александра Александровна, Роман останется здесь. Если он, конечно, настоящий инженер, он непременно останется строить Сибирскую железную дорогу. Он не откажет себе в удовольствии строить нашу дорогу и наш новый город!

— В удовольствии?! Боже мой! Какая глупость!

— Мы с вашим братом друзья, и я не раз его лечил от простуды. Он никогда не уедет отсюда по своей воле или по вашей воле, только по воле царя и Отечества. Да, да, он очень сильный человек.

Александра Александровна посмотрела на серую Обь, бушующую волнами, хмурое, низкое, как потолок, серое небо.

²⁸ Это решение было чистым безумием! (фр.)

Пролёт железнодорожного моста над фарватером Оби

— Как вы думаете, Николай Павлович, где он сейчас? Где мне его искать?

— Он здесь, вот на этом мосту, или на том берегу, вон там, на набережной, на переправе, на складах, а возможно, на станции Обь. Оленин везде, но где он будет точно, так это в железнодорожной школе²⁹. У него сегодня концерт! Он играет своего любимого Чайковского!

— Он и здесь играет? — Александра Александровна отдала Литвинову фляжку и похвалила: — Прекрасный настой, я не только согрелась, но и слегка... голова кружится. Значит, сегодня концерт. Ну-с, что ж, отлично! Алексей играет чудесно, он музицирует лучше меня, у него есть способность к импровизации. Петру Ильичу очень нравилось, как Алексей исполнял его произведения.

— Вы знакомы с Чайковским?

— Были знакомы. Пётр Ильич умер три года назад от холеры, это стало нашей общей трагедией. В прошлом году от этой же болезни умер мой муж, он очень дружил с Чайковским.

— Можно я прикоснусь к руке той, которая касалась этого великого человека?

Николай Павлович взял её руку и поднёс к губам, и опять этот тонкий запах, кажется, вскружил ему голову.

— У вас есть дети? — вдруг спросил он.

— К сожалению, нет, но прошу, не задавайте, пожалуйста, личных вопросов. *Manque de tact*³⁰, даже слишком нетактично, если не дерзко. И ещё, помогите мне встретиться с Алексеем.

²⁹ В январе 1896 г. по инициативе инженера В. К. Жандра, помощника Ф. А. Белорукова и техника А. П. Комлева на средства рабочих и служащих при станции Обь открылась школа для детей железнодорожников на 50 человек. Вначале она располагалась в бараке жилого типа, а затем переехала в типовое здание, построенное в 1900 г. по разрешению инженера-строителя Демидова, который использовал лес, заготовленный для церкви, за что был объявлен неблагонадёжным и уволен со службы.

³⁰ Нетактично (*фр.*).

*Новое здание железнодорожной школы на ул. Владимирской
(сейчас ул. Владимировская), построено в 1900 году*

— А он что, не знает, что вы приедете?
— Нет.
— Вы ему никак не сообщили?
— Я сделала так намеренно, я знала, что он сбежит от меня. Я же писала ему ранее, пыталась уговорить. И вы не выдайте меня, а лучше пригласите сегодня на концерт.

ПЕРЕПРАВА

Скоро подошёл паром — широкая баржа с паровым двигателем и высокой трубой, из которой валил чёрно-седой дым; на тупом носу парома были закреплены и подняты вверх широкие деревянные сходни. Загодя паром сбавил ход и стал медленно дрейфовать по течению, развернувшись к берегу, подрабатывая водяными колёсами. И вот он мягко коснулся песчаного дна. Боцман лебёдкой опустил широкий мост на пологий берег, прыгнул на землю и ловко укрепил трос, обмотав восьмёркой два толстых пня, специально вкопанных в берег и служащих двухтумбовым кнехтом. Приученные к порядку, люди стояли у сходней в ожидании команды. И только после того как боцман справился с тросом, он достал из-за пазухи свисток и дал сигнал разгрузки.

Прежде с парома сошли люди, а потом съезжали гужевые повозки, лёгкие колки и неуклюжие телеги, а уже после началась посадка. При этом командовал погрузкой всё тот же крикливый боцман, распределяющий, кому куда ехать и где встать на зыбком пароме. А паром и правда был неустойчив и, кажется, без особой причины вздрагивал и слегка кренился.

— Господи помилуй, — шептала Александра Александровна, и только когда их экипаж остановился на пароме, вдруг

Пристань на Оби

сама заметила, как крепко вцепилась в руку Литвинова. — Ужасно боюсь паромов.

— У вас печальный опыт? — улыбнулся Николай Павлович.

— Я не была такой трусихой, но прочитала о трагедии на Оке, там паром затонул в прошлом году, осенью. Это случилось тридцатого сентября. А сегодня тоже тридцатое!

— Да, но сегодня тридцатое апреля, а не сентября!

— Пятьдесят человек утонуло. И написали так жутко, я даже помню немного: «Ещё... Ещё... Тридцать... Сорок... Ещё три... Ещё четыре... Боже!.. Когда-же конец?!..» Представляете, так страшно: «Труп за трупом — и один страшнее другого! Посиневшие, с искажёнными от страха и страдания лицами...» И ещё: «А кругом, как тени, бродят мужья, жёны, отцы, матери, дети...»

— Я тоже читал об этой трагедии в «Петербургском листке». Не бойтесь, паром наш исправен, не перегружен, у нас с этим строго. Почему тот паром затонул, знаете?

— Да, его нагрозили сильно, он и утонул.

— Правильно. Не бойтесь, я рядом, если что — спасу. Поверьте, плаваю я отменно. В детстве отец брал меня на речку и научил держаться на воде. А жара у нас бывала просто адская, вот я и не вылезал из реки всё лето. Через Пензу сто рек течёт.

— Сто?

— Ну, может, чуть меньше. Сейчас вспомню, — и Литвинов стал загибать пальцы, — реки Пенза, Пензянка, Сура, Ардым, Мойка, Барковка и ещё ручьи. Я переныривал все, представляете, от берега до берега!

— Все сто рек сразу? — рассмеялась Александра Александровна. Она была так увлечена болтовнёй Николая Павловича, что и не заметила, как закончили погрузку и паром отчалил от берега.

— Нет, зачем все сразу, но по очереди, конечно. Не верите?

— А Обь вы сможете перенырнуть?

— Обь? — Литвинов посмотрел на бушующие волны реки. — Да запросто! Посильнее разбежусь и перенырну, а может, и перепрыгну!

— *Sependant, vous êtes un bon inventeur*³¹, Николай Павлович.

— Наверное, всё-таки — фантазёр! И не говорите со мной по-французски, я не разумею, я учил немецкий и то самостоятельно.

— Но вы же меня поняли!

— Скорее догадался.

Подошёл боцман с кожаной сумкой на груди.

— Доброго здоровья, господа. Оплатим проезд, — сказал он и с подобающим боцману достоинством утёр повисшие, как у сома, влажные усы. — Десять копеек с экипажа.

— Егорыч, рассчитайся, а с тобой я потом сочтусь, — попросил Литвинов.

— Вы зачем смущаете меня, я способна заплатить за себя. — И опять жёсткий взгляд, как стальной клинок, обжёг Литвинова.

— Оставьте, это пустое, мне приятно заботиться о вас, ведь всё это такая малость, прихоть. Вы такая строгая, я уже оценил ваш волевой характер, но позвольте мне этот маленький каприз.

— Хорошо, извольте, если вас это утешит.

— А вы знаете, Александра Александровна, я сейчас рассею ваш страх рассказом. Несколько месяцев назад, а если быть точным, то в конце января, было открыто сквозное движение по Сибирской железной дороге и поезда пошли от Кривощёково до станции Обь без остановки.

³¹ Однако вы изрядный выдумщик (*фр.*).

— Паровоз с вагонами перепрыгивал через реку или, как вы, переныривал её? Набрал воздуха полную трубу и нырнул вместе с пассажирами? Вы опять фантазируете!

— На этот раз нет. Первым проехал министр путей сообщения граф Хилков³². Он провёл поезд прямо по льду. Не верите? А зря, сейчас я вам рассказываю реальную, честную историю. Господин Хилков возвращался с Дальнего Востока, кажется из Японии. Специально к его приезду по льду проложили железнодорожные пути. Всё как полагается: шпалы, а на них рельсы. Больше скажу, министр не просто ехал в вагоне, а сам вёл паровоз!

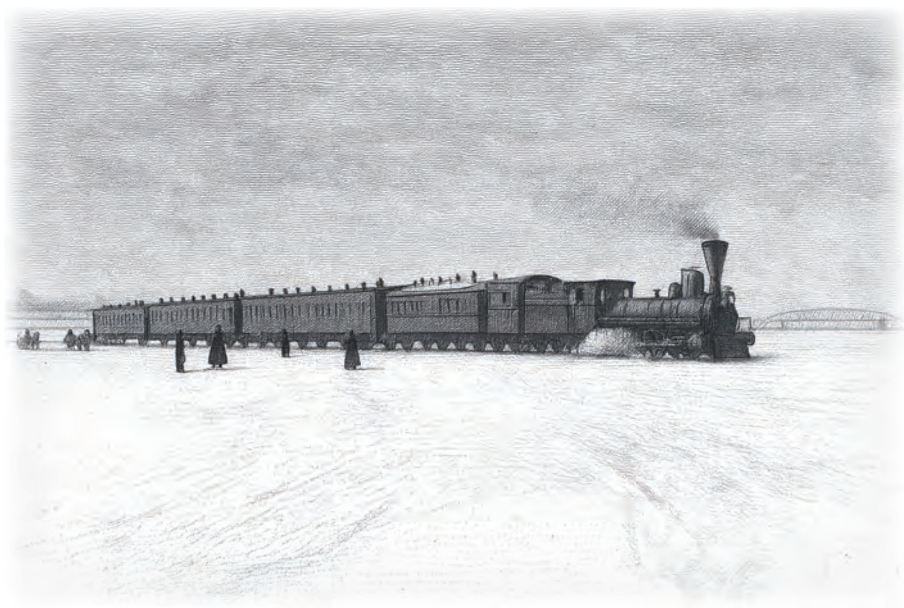
— Да, да, а кочегаром у него был император Николай Александрович, а гудок подавала Александра Фёдоровна. Ох и выдумщик же вы, Николай Павлович! А ещё врач! Вы не врач, а самый настоящий врун!

— Ну вот, так всегда, когда врёшь — верят, а когда говоришь правду — не верят.

— Наидобрейший Николай Павлович, вы не обижайтесь на меня за резкость, я же понимаю, что вы своими сказками отвлекаете меня от моей же трусости, и вам это удалось. Я совершенно успокоилась. Спасибо. Но про Хилкова очень смешно получилось.

Они замолчали. Николай Павлович отвернулся и оглядел серую Обь. Паром натужно урчал паровым двигателем и шлёпал гребными колёсами чуть против течения к правому берегу, ветер бил о борт высокую волну, захлёстывал мелкую изморось и бросал её через паром сырыми облаками. Казалось, что пароход стоит на месте.

³² Михаил Иванович Хилков (1834–1909) — русский государственный деятель из княжеского рода Хилковых, министр путей сообщения Российской империи в 1895–1905 гг. В конце января 1896 г., возвращаясь с Дальнего Востока, М. И. Хилков переехал реку Обь по льду. Были случаи, когда министр вставал на место машиниста.

Поезд М. И. Хилкова на льду Оби

— А ведь Хилкова можно считать человеком из народа. Понятно, что он княжеского рода, но как построил свою жизнь! Да, да, вы можете опять смеяться надо мной, но он работал простым кочегаром. Ещё до отмены крепостного права. Так вот, Михаил Иванович Хилков отпустил крестьян. Раздал им свои земли! Это разве не подвиг? Это разве не мужественный поступок? Ни один декабрист не отпустил крестьян на свободу, они только болтали о свободе, а Хилков отпустил. Потом уехал в Америку практически без средств, принял участие в строительстве Трансатлантической железной дороги простым рабочим, потом работал слесарем в Ливерпуле. Когда вернулся в Россию, устроился помощником машиниста. С того и началось его восхождение, и княжеский титул ему, конечно, помог. В этом году он стал министром путей сообщения.

— Так вот кто ваш кумир!

— Мой кумир — свободный, образованный, культурный русский народ.

— Но такого нет!

— Верно! Такого нет, но такой должен быть, и тогда жизнь изменится на земле.

— Вы хотите изменить жизнь на земле?

— Конечно, этого хотят все люди, и не только в России. Разве можно этого не хотеть? Разве могут об этом не мечтать люди? Тогда какой смысл в жизни, если не стремиться к лучшему, к счастью? И всё ведь к этому идёт. Представляете, Александра Александровна, когда-то здесь был совершенно дикий край, но пришли первые переселенцы из России и появилось село Кривощёково, ему уже двести лет, чуть выше по течению малые деревни Бугры и Вертково, им по сто пятьдесят лет, на той стороне, ровно напротив нас, Кривощёковские выселки... началось заселение пустынной Сибири.

— Выселки? Туда кого-то выселили?

— Прежде часть жителей села Кривощёково от постоянных паводковых наводнений переселились на высокий правый берег, а когда пришло известие о строительстве моста, ещё добавились переселенцы. А потом сменили место переправы моста, и эти выселки опять угодили под снос.

— Вот так! Не повезло людям.

— Не повезло.

— Грандиозно смотрится, — Александра Александровна показала на мостовой пролёт, возвышающийся над фарватером Оби.

— Да, мощно! И это происходит в Сибири! Вот так складывается история — большая история! Россия становится сильной, когда мы вместе с царём и правительством, когда у нас одна цель — сейчас это строительство Сибирской железной дороги. И вот когда деятельная жизнь пришла в Сибирь, и если правительство к ней будет относиться, как к крепостной девке, не будет будущего у Сибири, а то, что будет, — так это колония, то же крепостничество, только целого континента.

— Так и что же, Николай Павлович, вы скажете об объединении сословий? Веками делились, чтобы объединиться?

— Именно объединение! Объединение царя и дворянства, купечества, мещан и людей всяческого чина в один народ — вот когда хлынет сюда прогресс, вот когда развитие станет нашей силой. В колониях силы нет, это вместо грабежа и насилия, грабёж по закону или грабёж без закона — разница невелика, всё одно — грабёж. Я не хочу верить, что для того только и шагнули наши стрельцы ещё при Иване Грозном за Урал, потом Ермак погнал бухарского хана Кучума из Сибирского ханства и русские ратники пошли дальше на восток, чтобы потом грабить эту страну. У меня нет ответа на один вопрос: что случилось с Сибирью, почему она пуста, почему здесь совсем мало

жителей? Отчего? Почему? То нам неизвестно, но жизнь здесь когда-то была большая и кипучая, если окинуть курганные просторы.

— Курганы? Здесь есть курганы?

— Здесь очень много курганов, и есть такой величины, как горы, что ты понимаешь — в них пепел и тлен миллионов людей. Здесь, в Сибири, сжигали умерших, как и в Древней Руси, оттого нет могил князей русских, князей славянских. Поднимись над Сибирью птицею и ахнешь, потому что она в несколько раз больше известной нам России и вся усеяна могильными курганами!³³

— Вот, значит, как, и у Сибири есть своя история! Когда я училась в Смольном, нам рассказывали, что Сибирь — дикий край и всегда была, как пустыня, безлюдна.

— Вам это рассказывали по-немецки или по-французски?

— На русском. Когда я училась, как раз перешли на русский язык, а до того преподавали на французском.

— Оттого и историю нашу превратили в историю дикарей, варваров, хотя существуют карты, которые свидетельствуют совсем об иной жизни Сибири³⁴. В новейшее время

³³ С древнейших времён в Сибири проживали племена самодийцев — населяли северную часть Сибири, занимались оленеводством и ловлей рыбы. Племена манси обитали южнее, жили за счёт охоты, главным промыслом была добыча пушнины. Тюркские племена населяли верховья Оби, их основным занятием было кочевое скотоводство и кузнечный промысел. Буряты жили западнее Байкала, прославились железодельным ремеслом. Тунгусские племена населяли территорию от Енисея и до Охотского моря, среди них было множество охотников, рыболовов, оленеводов, некоторые занимались ремеслом. Эскимосы жили вдоль берега Чукотского моря, к основным хозяйственным занятиям относились собирательство и охота.

³⁴ Карта Сибири (Сибирской Тартарии) Стефана Борджиа (XV век). Карта Фра Мауро 1459 года. Карта Великой Тартарии из атласа мира

в Сибирь приехали каторжане, беглые крепостные крестьяне, мечтавшие о свободе, потом правительство стало поощрять переезд крестьян из России в Сибирь. И если после отмены крепостного права за двадцать лет сюда приехало чуть больше ста тысяч человек, то за последние десять лет более полумиллиона! И поток растёт, не по дням, а по часам, он как лавина. Во многом это заслуга царя и правительства, которые поставили целью заселение Сибири, освобождая от податей и рекрутских наборов³⁵, начали выдавать подъёмные, организованно выделили

Н. Сансона (1600–1667). Карта Великой Тартарии нидерландского картографа и гравёра Ф. де Вита (1630–1706). Чертёж Сибирской земли — российская карта Сибири и Дальнего Востока 1667 года тобольского воеводы П. И. Годунова. Чертёж Сибири Семёна Ремизова 1697 года.

³⁵ Система поощрения включала законодательные нормы, процедуру переселения и льготы для переселенцев. Например, Закон от 26 марта 1861 г. «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» разрешал льготное добровольное переселение всем желающим, каждая семья получала до 100 десятин земли в бесплатное пользование на 20 лет. Закон от 1 июня 1882 г. «О казённокоштном переселении в Южно-Уссурийский край» предусматривал ежегодную перевозку морским путём 250 семей из Европейской России в течение 3 лет, семьям переселенцев предоставлялись льготы: освобождение на родине от всех недоимок, отвод земли (не менее 15 десятин на душу и не более 100 десятин на семью), освобождение от государственных податей и повинностей на 5 лет. Закон от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли»: переселившиеся на Дальний Восток крестьяне получали бесплатно во временное пользование на 20 лет до 100 десятин земли на одну семью с правом последующего выкупа. Послабление в податях и повинностях: например, по прибытии на новое место жительства переселенцы освобождались от казённых платежей и земских денежных сборов на 5 лет, а в течение следующих 5 лет уплачивали их в половинном размере. Денежные пособия (ссуды): переселенцам предоставлялись ссуды на путевые нужды и на общественные надобности и хозяйственное устройство.

земли, где за счёт казны копают колодцы. Вот оно — единство, о котором я говорю, но его может прервать только одно — варварское отношение к Сибири как к колонии, если из нас сделают дойную корову.

— Да, меня впечатлил не только мост, но и ваши рассказы. То, как вы отстаиваете независимость Сибири.

— Нет, неверно, я за равноправное положение Сибири в составе России. Вы, Александра Александровна, осторожнее в выражениях, а то меня в каталажку упекут, даже довести вас до правого берега не успею. У нас уши всюду; бывало, и в тележном колесе находили.

ХРОНОГРАФ

Она оглядела неуютный, чужой простор: низкое серое небо, kloчущая тёмная вода холодной Оби, острый ветер, срезанная над волною сырость, люди, по-бараньи сбившиеся за высокой рубкой, равнодушная лошадь, уныло опустившая голову, методичное шлёпанье водяных колёс — всё это наводило тоску беспробудную и окончательную, за которой нет жизни, нет желания двигаться и сопротивляться нахлынувшим обстоятельствам, за которыми только растерянность и недоумение.

Литвинов вдруг будто понял состояние женщины, непривычную уязвимость, и даже совсем не знакомую ей растерянность, потому что до сего дня обстоятельства всегда были подвластны её воле.

— А хотите, я сейчас вам ещё большее расскажу? Отчего вы полюбите Сибирь.

— Николай Павлович, не чудите. Вы меня уже и так заговорили.

— А вот расскажу самое главное, может быть, то, что вы не видите теперь, а возможно, и никогда не увидите. Потому что здесь главное происходит, как в театре, за кулисами или в оркестровой яме. Чтобы вы уже поняли нас и перестали бояться? Чтобы вы стали настоящей сибирячкой?

— Чтобы я стала сибирячкой? Вы шутите? — И вдруг ответила: — Да, расскажите! Расскажите мне, бога ради, из-за чего вы все здесь сошли с ума!

— Нет, я не шучу, Александра Александровна. К Сибири надо прикоснуться, чтобы понять её. И не только к суровой и очень красивой природе и к нашему низкому зимнему солнцу. Нужно прикоснуться сердцем и даже научиться целоваться с нашим ветром, а не отворачиваться от него, и тогда сам воздух наш станет вам родным. Надо прикоснуться и к труду людей, приехавших сюда, людей, приехавших по великой нужде, и у каждого из них за спиной своё страдание, своя тяжёлая судьба, но именно здесь, в Сибири, многие из них находят свою надежду и спасение. И только после этого, когда ваше сердце откроется, вы сможете с нами породниться, понять и простить себя и своё высокомерие. Понимаете?

— Ещё нет, Николай Павлович. Ещё не понимаю, особенно своё «высокомерие».

— Три года назад мы приехали на этот холодный берег, всего лишь три года назад! Здесь было несколько деревень и непроходимая тайга, полная непуганого зверья. И закипела работа, мы начали строить Сибирский железный путь. Тяжело было особенно в первое время: ни жилья, ни дорог, ни толком людей. Материалы и инструменты доставлялись прежде по воде и по разбитому Сибирскому тракту. Но никогда ещё

Сибирь не видывала такого шумного и отлаженного движения. Прежде крепкие мужики, в основном из бывших каторжан, посередь вековой тайги для будущей дороги прорубили просеку. Звон пил, стук топоров, скрип телег, дым костров, кряхтение и всепрощающий мат, без которого ни один пень не хотел покидать родовое гнездо. Жили в шалашах, деревянных сараях, где от холода и сырости спасали только костры и раскалённые железные печи, благо дров изобилие, какого нигде не бывает. Жгли огромные костры, потом сметали угли и ложились спать на горячую землю, как на печь. Чтобы понять нас, вы должны услышать шум ветра, расчёсывающего макушки могучих деревьев, вы должны услышать этот шум жизни, который прошёл сквозь тайгу.

— Да вы поэт, Николай Павлович, только лишь стихами не говорите. Но продолжайте, мне уже интересно!

— Вы всё смеётесь надо мной. — Литвинов смело взял руку Александры Александровны и поцеловал её, чувствуя желание ещё более удивить прекрасную попутчицу.

— Сосновый лес безжалостно вырубался крепкой рукою, тут же обрабатывался и превращался в шпалы, укладывался по семьдесят пять штук в штабеля вдоль будущей дороги, а следом за лесорубами шли мужики, скорые на ногу, с тачками, лопатами, кирками, ломами. Они вгрызались в обочины будущей дороги и поднимали полотно. Земля поддавалась охотно, а глина срезалась ровными блинами, заполняла тачку и по плахам, пьяная от тяжести, ехала на высокую насыпь, там сгружалась, ровнялась и вбивалась деревянными «бабами» в насыпь будущей магистрали. А на скалистых участках кирка и лом дробили камень, прорубалась середь скал просека, которая делила гору надвое! Суровый климат Сибири пугал, но не мог остановить воли человеческой, которая прорезала

Шалаи

таёжные и болотные дали, будто ножом, чтобы скоро потекли людские судьбы встречу солнцу, будто кровь по жилам, питая и давая силы на освоение великой и непокорной до сих пор Сибири.

Литвинов широко жестикулировал и, будто дирижёр, управлял своим рассказом.

— Сердце Сибири стучит иначе, Александра Александровна! Это вам не какая-то визгливая тётка на базаре, Сибирь продолжает ещё сопротивляться: то штормовые ветры срывают молодую листву с берёз, то морозы трещат стволами сосен, то ливень мнёт травы и, как жёрнов, втирает их в грязь, то град бьёт по цветам, будто раздаёт беспощадные пощёчины, а то солнышко и южный ветерок ласкают обожжённые морозами лица, то освежающий летний дождик смывает горький пот со спин мужиков, а то и просто тихая райская благодать манит в тенёк отдохнуть от суровой жизни.

Александра Александровна наблюдала за Литвиновым и понимала, что Николай Павлович уже влюблён и очень хочет ей понравиться. А Литвинов вёл дальше свой рассказ, старался, как юноша перед гимназисткой.

— Пытливая мысль не давала покоя, а потому осенью всё того же года, как мы прибыли сюда, было решено перенести мост чуть выше по течению, что давало экономию почти миллион рублей, и в устье Каменки дно крепкое, а глубина воды меньше, и именно здесь оказалось проще ставить опоры для железнодорожного моста. Мост должен был быть там, — Литвинов показал рукой вниз по течению, — а встал здесь. Видите? Вот что такое инженерная мысль, Александра Александровна, она никогда не спит, она всегда трудится. Да, строительство моста задержали на год, но бывали и другие трудности, которые приходилось решать не только смёткой или длинным рублем,

но и радикальными мерами. И бывало, хрустели скулы нерадивых работничков, а как ещё, если слова доброго не понимают? Здесь даже продажа спиртного была запрещена.

— Вы удивительный человек, Николай Павлович. Если бы я не знала, что вы доктор, то приняла бы за одного из инженеров. Вы так увлечены дорогой! Но говорите дальше, мне интересно за вами наблюдать.

— Видимо, смеяться и злословить — это ваша привычная работа. Но эта ваша манера мне по душе, и я продолжу свой рассказ. Вопреки всем препятствиям, работа шла споро и давала результаты — по пять вёрст пути в день. После расчистки просек, выкорчёвки пней, отсыпки полотна начиналось главное — укладка пути. А вы знаете, что такое укладка пути? Значит, вы не слышали, Александра Александровна, как поют мастеровые руки. А я вам расскажу. В артели моего друга Бобиенского числится сто пятьдесят человек, и все отменные музыканты, которых разделили на группы, и каждая группа выполняла свою определённую работу, как в оркестре, — тут скрипачи, там виолончелисты. Прежде идёт рабочий с особой рейкой и отмечает места стыков рельсов, следом за ним двадцать рабочих, взяв из штабелей необходимое количество шпал, разбрасывают их, как ноты, между отметками. На версту уходило полторы тысячи нот.

За шпальщиками рихтовщики натягивают шнур, чтобы выровнять правую сторону ряда шпал, если смотреть на восток. Если какая шпала вдруг выдалась правым концом из линии, то тут же с помощью кирок ей указывают на должное место. Потом идут пятнадцать зарубщиков с топорами, которые, как барабанщики, зарубают гнёзда для рельсов. Потом все зарубки просмаливаются специальным раствором! Ни одного лишнего звука в этой симфонии труда!

И вот, как на царском троне, к крайнему звену подплывает платформа с рельсами. Их разгружают шесть рабочих: четверо скидывают рельс, а двое стоят внизу с ломами, упёртыми в насыпь, страхуют, чтобы рельс не укатился под откос. Длинные металлические струны, выкрикивая нечто жалобно рычащее, сверкнув молодыми рёбрами острых углов, будто гигантская стружка, летят вниз и замирают у ног человека, покорно и миролюбиво. Им не дают даже прийти в себя, тут же накидывают на поданные вагонетки. Поехали! Потом уже на месте крепкие парни, вооружённые клещами, захватывают два рельса за передние части и тащат их вдоль полотна, пока те не падут на шпалы. Так разгружается вся вагонетка, которая поднимает восемь пар рельсов, после эту вагонетку сбрасывают на обочину, чтобы разгрузить следующую. Ни секунды простаивая, вагонетка сменяет одна другую. Работа опасная, рельс — это не пёрышко воробьиное, проворонишь, зазеваешься, и нет ноги — инвалид, и спросить не с кого! И так и в ведро, и в дождь, и когда снежная каша хлюпает под ногой, и когда мороз сковывает дыхание, а рельс всё тот же, тяжёлый, длинный, как змей, готовый укусить или перекусить ногу.

— Николай Павлович, а вы не пытались писать рассказы или статьи? У вас же удивительный литературный язык: длинные металлические струны, острые рёбра, как на царском троне, змей, готовый перекусить ногу! Я сейчас не смеюсь и не злословлю, я сейчас искренне вами удивлена. Но не обращайтесь внимания на меня, продолжайте свой чудесный рассказ.

— Мне трудно поверить, что это не злословие или насмешка, но я вижу ваши прекрасные глаза, в которых сияет любопытство, и потому расскажу ещё немного. — Литвинов внимательно посмотрел на Александру Александровну, увидел

Укладка шпал

её добрую улыбку и продолжил говорить. — Но вот рельс нашёл свой вечный покой в зарубочном гнезде, начинается заболтовка. Все стыки рельсов соединяются между собою узловыми накладками и стягиваются горизонтальными болтами. Стыки рельсов располагаются не на шпалах, а расчётливо висят между ними. Подкладки употребляются для смягчения тряски при езде и для более прочного прикрепления рельсов. Чуете, Александра Александровна, какая продуманная и чётко организованная работа? Это вам не блины печь! Эта мелодия труда состоит из грохота, звона, стука и дружного: «Э-эй ухнем! Ещё разок! Да ещё раз!» И чтобы этот оркестр труда звучал без фальши, им руководят наши великие труженики инженеры — молодые, дерзкие, вдумчивые, рациональные и удивительно выносливые, потому что им послабку давать некому.

При укладке рельсов в стыках между ними оставляют зазоры, позволяющие рельсам удлиняться при повышении температуры, и поэтому для свободного перемещения концов рельсов отверстия для болтов в накладках делаются овальной формы. Болтовщиков полагается двенадцать человек, не считая мальчиков, разносчиков скрепления. А костыльщики завершают укладку пути. Забивка костылей производится двумя рабочими, из которых первый поднимает рычагом, положенным на пенёк, шпалу, а другой в это время ударяет в середину головки костыля, стараясь, чтобы костыль сохранил перпендикулярное положение к шпале. Костыли забивают с осторожностью, чтобы не смять головки костыля и не расколоть шпалу. В артели костыльщиков человек сорок крепких и метких мужиков. Как только звено пришито, тотчас же к нему подходит партия рихтовщиков пути, выправляющих большие изгибы в направлении пути, — так заканчивается укладка. Все работы ведутся одновременно. Это не какофония звуков, это оркестр, в котором играет сразу полторы сотни человек.

Но работой сыт не будешь. Теперь, когда уже есть дорога, вся артель рабочих помещается в крытых товарных вагонах, в которых устроены нары, двери, железные печки и двойной пол. Это уже считается жить по-барски! На вагон полагается двадцать человек, всех вагонов для рабочих четырнадцать. Многие рабочие живут в них с жёнами и детьми.

В одном поезде с вагонами для рабочих находятся вагон-контора, вагон распорядителя работ, конторщика и других служащих; три вагона дорожных мастеров, санитарный, лавка, кузница, кладовая, кухня. Весь этот поезд постепенно, по мере работ, продвигается вперёд. Люди всё время едут. Один гудок паровоза — едем вперёд, но машинист выждет секунду-вторую, чтобы все успели забраться в вагон, глянет назад вдоль состава вместе с помощником и только после трогается вперёд. Два гудка — сдаю назад. Три — стою на месте. И так весь день. За три года поезд прошёл тысячу вёрст от Оби до Иркутска, проезжая по пять-шесть вёрст каждый день. Каждый день с утра до вечера гудит паровоз и едет всегда по новому, ещё не хоженому пути.

Пищу рабочие получают казённую. Удар по куску рельса — обед! А вы знаете, как поёт рельс, как он умеет ласкать слух, потому что отдых, потому что живот подвело, не кушать — «жрать» хочется. Там, на прокладке дороги, хлеб пахнет иначе, чем в роскошном ресторане, потому что он сладкий, потому что он трудовой. Все рабочие получают подённую плату. Отработал день — получи! Средний заработок около двух с полтиной, максимальный доходил до четырёх рублей в день. Вот что такое работа железнодорожного оркестра! Продуманность и слаженность! Мужество и уверенность в результате, который нужен Родине и людям.

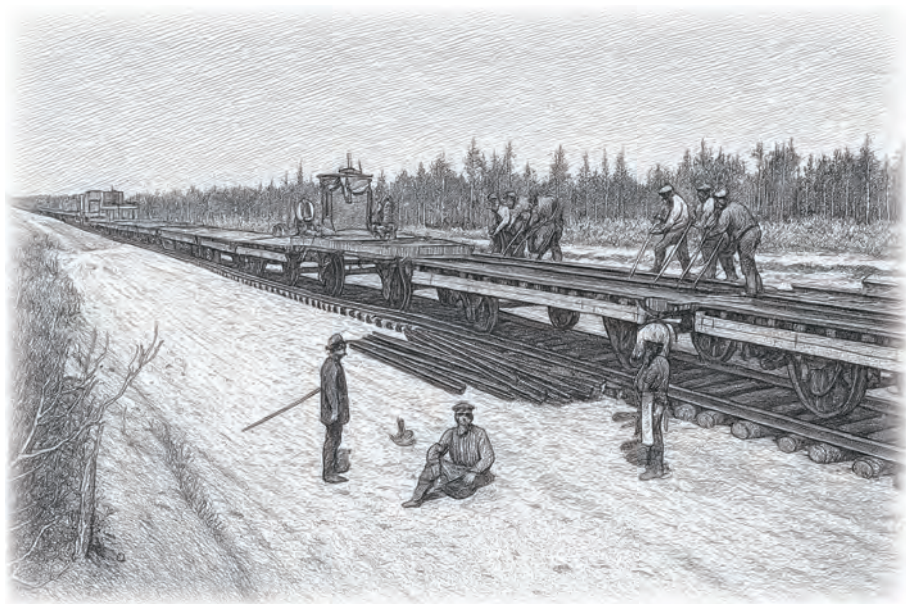
Но, как и в любом оркестре, и в трудовом тоже есть свой жучок-администратор. У Бобиенского, и не только у него, среди

инженерного состава есть инспектор, который следит за общим порядком — важная личность. У Бобиенского инспектора зовут Ярило Аполлон Ксенофонтович — это легенда Средне-Сибирской дороги! Легенда, которую ненавидят все! Маленький, худенький, всегда с бритым подбородком, он похож на ребёнка, но с длинными и острыми усами. Ярило неутомим! Он прячется в кустах, за бочками цемента, таится за шпалами и следит не только за качеством проводимых работ, но и за разговорами рабочих и инженеров, а главное, за исполнением инструкций, которые запрещают садиться в поезд на ходу и наступать на головку рельса, чтобы не подвернуть ногу. Но как садиться не на ходу, если поезд всё время едет?! Аполлона Ксенофонтовича все ненавидят, но именно благодаря ему недавно был ликвидирован обоз с водкой, который тайком прибыл к месту укладки пути. Спиртное было вылито тут же на землю, а смекалистому крестьянину, пожелавшему разбогатеть на зелье, Бобиенский прописал порку вожжами и ещё пригрозил, мол, пусть будет благодарен, что не в каталажку свёл. Дорогая Александра Александровна, я совсем заговорил вас, но интересен ли вам мой рассказ?

— Да, необычайно! Но это не рассказ, это опера Мариинского театра! Хронограф железнодорожной жизни! Вы, Николай Павлович, поэт! И не пытайтесь спорить со мной!

— Вы опять смеётесь надо мной, Александра Александровна.

— Отнюдь, Николай Павлович, вы показали другой мир, он совсем не похож на тот, в котором я ещё недавно жила. Я действительно сейчас прикоснулась к Сибири! Это удивительно! Но, Николай Павлович, как можно устроить такое? Смотрите, сколько металла, — как это всё можно было собрать над водой? Это же опасно! — Александра Александровна показала на мост через Обь.

Разгрузка рельсов

— Да, опасно. Но всё продумано. Ежедневно на монтаж уходит более тридцати тонн металла. Сборка и клёпка производится прямо на месте монтажа на сплошных деревянных подмостках. Да они видны отсюда, видите баржи у опор? Весь мост будет весить четыре с половиной тысячи тонн. Представляете?

— Нет, это трудно представить. Это какой же титанический труд! И строить такие мосты могут только титаны.

— Так и есть, титаны!

— Но откуда вы всё знаете? Вы же доктор!

— Так я кого лечу? Железнодорожников, от них и знаю. Они же больше ни о чём говорить не умеют.

И вдруг она увидела, как нечто сорвалось с пролёта моста.

— Смотрите! Что это?! — Александра Александровна испуганно показала на железнодорожный мост.

Литвинов обернулся, но увидел только, как что-то упало в воду.

— Что вас напугало?

— Человек упал в воду!

— Да, и утоп, наверно. Я тоже видел, — подтвердил Иван Егорыч, — он сорвался с самой верхотуры, потом его шибануло о нижнюю балку, а потом уже в воду. Нет, не выжил, с такой-то высоты. Утоп, ей-богу, утоп.

— Вот вам и тридцатое! Это страшное число!

— Да, может, показалось, — попытался успокаивать Литвинов и погрозил вознице.

Егорыч понял беспокойство Литвинова и вдруг подтвердил:

— Точно, как есть показалось, шпала какая упала или железяка сорвалась. Кому бы в такую погоду, да ещё и в ветер дырявый, кому бы пошло в голову лезть на самую верхушку.

— Но я же видела...

— Железяка, вот ей-богу, инструмент какой шлёпнулся. Это тут часто, упало и пропало.

— Железяка, говоришь, — повторила Александра Александровна, всматриваясь вдаль. — Возможно, и показалось. Действительно, что делать в такую погоду на мосту?

— Александра Александровна, а у вас есть где остановиться на постой?

— Мне сказали, что на станции можно спросить.

— У нашего Ивана Егоровича очень хороший дом. Поверьте. — И позвал: — Егорыч, возьми Александру Александровну к себе, ты же сдаёшь комнаты в наём? — Литвинов повернулся к госте: — У Егорыча очень приличный дом и тёплые комнаты. А ещё он мой сосед.

— Сдавал, теперь нет, но для вашей дамы, конечно, сдам, и даже денег брать не буду.

— Отчего же такая милость? — насторожилась Александра Александровна, которая всё ещё была взволнована и вглядывалась в железнодорожный пролёт, пытаясь увидеть разгадку события.

— А оттого, что полюбила ты Николаю Павловичу. А коль так, то нам денег не надо.

Александра Александровна наклонилась к Литвинову и прошептала:

— Какой дом у кучера? Вы о чём говорите? И почему кучер себя так вольно ведёт?

— Это не кучер, — прошептал Николай Павлович, — это Иван Егорович.

— И в чём разница, не поняла, — ответила Александра Александровна также шёпотом, чтобы не слышал возница.

— Видите ли, Александра Александровна, — Литвинов жестом показал, чтобы собеседница не говорила громко, — здесь люди другие. Сибирь — это другая страна, это не совсем Россия. Это Россия, конечно, но с другим характером. Здесь никогда не было крепостного права, здесь нет холопов, здесь

людьми не торговали. Здесь простые люди ведут себя вольно, как равные. Здесь мы садимся за один стол, ведём беседу, здесь товарищество. Здесь, в Сибири, без взаимовыручки не выжить, это суровый край, который вельможного высокомерия не терпит.

Литвинову было приятно сидеть так близко к Александре Александровне, шептаться с нею и чувствовать её дыхание. Он откровенно рассматривал её, и они встретились взглядами.

— Что такое? — отпрянула она.

— Я плясать хочу! — хлопнул себя по коленям Литвинов.

— И с чего такая радость? — удивилась она.

— От счастья! Дорогая Александра Александровна! Ничегошеньки же вы не понимаете! От счастья!

Они замолчали.

— Вот, мы скоро будем на месте, — вдруг задумчиво произнёс Литвинов. — Правый берег! И у Сибири, как у нас с вами, Александра Александровна, начинается новая жизнь. Сибирь — она такая, древняя, дикая, но быстрая!

Дом на Воронцовской³⁶

Улица Воронцовская шла от железнодорожного полотна, ровно от половины дороги между Обью и станцией Обь, и другим концом упиралась в лог реки Каменки.

Литвинов арендовал участок около железной дороги, начал строиться, но не успел закончить до морозов, однако

³⁶ В настоящее время ул. Свердлова. Дом Литвинова, к сожалению, не сохранился.

накрыл дом крышей и даже печной дым пустил. На первом этаже размещался большой зал, на втором этаже — четыре равные комнаты, а посередине, как ось, голландская³⁷ круглая печь, которая отапливала сразу все комнаты второго этажа. Но до отделки руки не дошли. И причина всё та же — работа.

Поток людей увеличивался не по дням, а по часам. Нынче было открыто временное движение от Омска до Кривощёково, и тут же выяснилось, что желающих воспользоваться железной дорогой значительно больше. Железнодорожники старались, тут же начали строить десятки новых разъездов, увеличили подвижной состав на тридцать паровозов и шестьсот вагонов, и всё равно дорога не справлялась с лавиной переселенцев. Для решения проблемы даже начали строить двухэтажные вагоны для людей.

С ростом перевозок увеличилось и количество больных и травмированных. Амбулатория расширялась, строилась, прибыл новый медперсонал — акушерка и бабка-повитуха, потом уже приехал молоденький доктор. На станции Обь у доктора Игнатова обстановка была не менее тяжёлой, хотя железнодорожная больница, отстроенная инженером Жандром Владимиром Константиновичем, отвечала всем требованиям. Но и здесь желаемое не совпало с реальными возможностями. Только на строительстве моста трудилось более семисот человек.

Дорога к дому от паромной переправы не заняла и десяти минут, хотя разбитые осенними дождями улицы не предполагали быстрой езды. Прямо от пристани дорога шла вверх

³⁷ Своё название голландская печь получила из-за используемых для её наружного оформления голландских глазурованных изразцов.

по Николаевскому проспекту, потом влево ответвлялась улица Кабинетская³⁸.

С Кабинетской сворачивали на Воронцовскую, и вот он — дом, прежде Ивана Егорыча и Настасьи Петровны, с мезонином, а через дорогу — двухэтажный дом Литвинова.

— Николай Павлович, так, может, ко мне, в баньку? Я хозяйке-то приказ оставил истопить к обеду, — обратился к Литвинову Егорыч.

— Нет, я дома помоюсь, а ты гостью не забудь накормить, и банька ей не помешает, с дороги человек. Столько переживаний, устала. — И помогая Александре Александровне покинуть экипаж, попросил её: — Вы отдохните обязательно, а к пяти я зайду, и мы поедem в железнодорожную школу, на концерт Оленина. Вот удивится-то!

— Николай Павлович! — из ворот дома вышла Настасья Петровна. — Никак жёнку привёз! Да красавица какая! Ах, молодец, постарался, искал и нашёл, и правильно, хватит бобылём ходить. Я, прости меня старую, в твоём доме похозяйничала, печь истопила, воду нагрела. Помоешься, да приходите на обед, у тебя там шаром покати — ничёшеньки нет.

— Настасья Петровна, какая ты умничка! Спасибо! Александра Александровна у вас несколько дней пусть поживёт?

— Так не жена, что ль?

— Нет, ещё нет.

— Николай Павлович, прекратите, я вас очень прошу, хватит уже. У меня даже сил нет с вами бороться. Вы же понимаете, что я в вашей воле, обстоятельства заставляют меня мириться с вашим хулиганством, но будьте благородны.

³⁸ Ул. Кабинетская (сейчас ул. Советская) получила своё название в честь уважения к особому государственному учреждению — Кабинету Его Императорского Величества, который был уполномочен распоряжаться землями, принадлежащими царю.

— О-хо-хо, — удивилась Настасья Петровна, — так у вас и впрямь тут дела сердечные.

Но Александра Александровна уже вошла во двор дома Егорыча и сделала вид, что не слышала старушку.

— Через часок заходи отобедать, я накрою, не сумлевайся и не беспокойся за барыню свою, угожу.

— Спасибо, Настасья Петровна, я знаю, я на ней и впрямь жениться хочу.

— Так где же ты её взял? Не видала я её у тебя прежде. Были барышни всякие, а этой не было.

— На реке, на Оби выловил, как в сеть поймал, не отпущу. А про других барышень ты, Настасья Петровна, уже и забудь, не было никаких барышень. Не было!

— Запомнятовала, значит.

После банных процедур, когда Литвинов вошёл в дом Ивана Егорыча, Александра Александровна уже сидела за круглым столом. Настасья Петровна хлопотала у печи.

— Заставляете себя ждать, — улынулась гостя.

— Прошу прощения, с бородой долго возился, всё надеюсь вам понравиться.

Литвинов погладил бородку и занял приготовленное место. Настасья Петровна тут же поставила перед ним глубокую чашку борща.

— Борщ! Господи, как я хочу борща! — Он взял со стола салфетку и заправил её за ворот.

Александра Александровна сияла свежестью. Она мылась в горячей бане, и оттого румянец украшал её щёки, ещё влажные волосы плотно лежали на голове, прихваченные на затылке шпильками.

— Как разместились? Устроила ли вас комната?

— Да, всё устроило. Я, скажу честно, даже не ожидала, что у вас так... совсем по-столичному. И ещё вот эта гора подушек на постели, одна на другой, и полотенце удивительно мягкое.

— Замечательно! Я знал, что вам понравится у Настасьи Петровны! Но позвольте всё-таки звать вас только по имени — Александрой. А вы меня — Николаем.

— Хорошо, Николай Павлович, называйте меня Александрой, а я вас буду звать по-прежнему.

— Ну вот опять! Какая вы несговорчивая, своенравная и неприступная. — Он обернулся к хозяйке дома: — Настасья Петровна, а где Иван Егорович?

Но ответила Александра Александровна:

— Я его попросила съездить в Кривощёково и привезти мои вещи. К пяти он обещал вернуться. Мне нужна одежда.

— Да, конечно, — согласился Литвинов и принялся поедать борщ.

Александра Александровна изредка поглядывала на Литвинова. Ел он красиво, после борща убрал салфетку с груди на колени.

— Николай Павлович, а почему господа инженеры так преданы своему делу? Что побуждает их быть такими? Хочу знать это до встречи с Алексеем. Хочу вооружиться, хотя они здесь тоже как на войне. Но это не война. Они здесь никого не защищают, никто не напал. Что с ними?

— Вопрос очень любопытный. По крайней мере, редкая женщина может задать подобный вопрос.

— Вы мастер тонких комплиментов.

— Это не комплимент, Александра Александровна, это мысли вслух. Тогда позвольте отвечать. Цель проведения Сибирской железной дороги от Москвы до Владивостока очевидна — это новые рынки сбыта товаров из Европейской России. А у Сибири появляется возможность экономического саморазвития. И конечно, здесь, сегодня и сейчас решается очень важный политический вопрос. Думаю, что об этом

Дом зажиточного ново-николаевца

задумываются очень немногие, но с помощью железной дороги легче сохранить контроль над богатейшими территориями Сибири и Дальнего Востока. Время стремиться вперёд. Надо уметь видеть завтрашний день. Кто неспособен прогнозировать, тот умирает. Если мы не сделаем этого шага сейчас, земля пустовать не будет, рядом Китай, Япония, сюда заглядывают голландцы, и англичане, и американцы, а это ещё те проныры.

— Англичане и американцы проныры?

— Наипервейшая опасность! И не сомневайтесь, у них одно в голове: что бы и где бы умыкнуть! Сибирь — неизученная, дикая, но, очевидно, очень богатая страна. Мы даже ещё и не знаем, и даже предположить не можем, что хранится в здешних землях. Салаир — золото, Кузнецк — каменный уголь, миллионы вёрст красного леса³⁹, пушнина, рыба. А какое в здешних степях масло сливочное и кумыс! И господа инженеры знают о значении Сибири для России, потому и преданы своему делу, потому что преданы царю и Отечеству.

— Господи, Николай Павлович! Да вам преподавать надо в Смольном институте благородных девиц. Я сейчас будто на лекции побывала. Нет-нет, вам нельзя там преподавать, вы влюбите в себя всех институток! — рассмеялась Александра Александровна. — Извините, что перебила. И что дальше с Сибирью?

— Сейчас начали прокладку железной дороги на Томск⁴⁰ и её планируют запустить в этом году. Уверен, скоро начнётся прокладка железного пути на Алтай. Вот ещё один удивительный край красоты неопишуемой. Если вы хотите увидеть рай, езжайте на Алтай, в Беловодье, к великой горе Белухе! А дальше Байкал! Вы знаете, каков Байкал?

³⁹ Красным лесом из-за цвета стволов называют хвойные деревья: сосну, ель, пихту, кедр и лиственницу.

⁴⁰ Ветка Тайга — Томск сдана в эксплуатацию 22 июля 1896 г.

— Боже! Николай Павлович, вы объехали всю Сибирь?

— Нет, но наши инженеры объехали всю Россию! Их рассказы столь образны и достоверны, что я невольно побывал там и полюбил те далёкие края. А если жизнь позволит, то и побываю там непременно! Байкал — чудесное озеро, глубины необычайной. А Камчатка — страна гейзеров!

— Просто поразительно!

— Я, Александра Александровна, иногда теряюсь, когда вы злословите, а когда говорите серьёзно.

— Не отвлекайтесь, я всегда злословлю.

— Хорошо, понял. Рассказываю дальше. Остров Сахалин! Смещение природных зон от бамбука до ягеля. Знаменитый адмирал Невельской описал этот край и доказал, что Сахалин — это остров. Он же описал устье Амура и поднял там русский флаг! «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен», — сказал император Николай I. Да, войны нет, а земли приобретаются Россией, осваиваются и делают нашу державу непобедимой. Инженеры — это офицеры. Да, не с оружием в руках, а с нивелиром и теодолитом, но это несколько не умаляет их заслуг.

— Очень интересно. Тогда скажите, Николай Павлович, а вам, не инженеру, вам-то какое дело до этой дороги? Сейчас я не злословлю, мне просто любопытно.

— Я русский, мне до всего есть дело, если это касается моей земли и моей Родины. Я не мыслю себя в модной Европе, я не мыслю о других странах, потому что у меня первая и главная страна — Россия. Вы меня можете не понять, у дворян немного иное отношение к России, они даже языка своего стесняются, потому и говорят то на немецком, то, как в Смольном, преподают на французском, то на английском. Я не имею вас в виду, Александра Александровна.

— Отчего же, я дворянка и знаю все три языка, перечисленные сейчас вами.

— Все три? И немецкий?

— Немецкий язык из всех иностранных я люблю больше всего.

— А я, если бы была моя воля и позволили обстоятельства, я бы стал учителем словесности. Наш язык — удивительный язык!

— Я не буду спорить, я даже согласна с этим, но хочу заметить, что русский язык по-настоящему я поняла, когда выучила иные языки. Всё в сравнении. Но сейчас вы удивили другим, в вас вдруг обнаружилось столько энергии, страсти, силы духа. Да вы просто тайфун!

— Не знаю, вам виднее, но сейчас я был искренним, я говорил от души. Если вы, изучив иностранные языки, остались верны родному языку, то у меня остаётся вопрос: а много ли таких, как вы?

— К сожалению, мало. Все верноподданически кланяются Европе, хотя Россия и русский язык значительно интереснее.

— Здесь, в новом городе... я его зову город N, город, которого ещё нет... — Литвинов вдруг задумался. — Понимаете, Александра Александровна, это наш город, да, официально его ещё нет, но, может быть, это наше ходатайство позволит наконец-то нам стать городом. Наш город...

— Город N, которого нет? — перебила Александра Александровна.

— Да, город N... он совсем другой, потому что его создали обстоятельства и люди, простые рабочие, строители моста, мещане, разночинцы, купцы и в первую очередь, конечно, инженеры! Ново-Николаевск — это народный город, у него сегодня нет земли, он строится на арендных землях, он не город и не посад. На наш город все смотрят и только удивляются: мол, а кто разрешил? А вот никто! Мы сами, сами люди. Это очень свободный город. Здесь жизнь чувствуется особенно ярко! Она

в движении по широченному, как Обь, Николаевскому проспекту, здесь даже пахнет иначе: и дымом, и смолой спиленного дерева, и уксусом свежего сорокаградусного мороза, и это всё вперемешку, а вместе — деятельный, смелый, вкусный воздух нашего города! Кругом грохот и движение, картина меняется каждый день, в облике таёжного берега, на котором, как после дождя, вырастают всё новые и новые дома. Да, ещё много грязного, не очень уютного, но такого стремительного нигде больше нет. Я почему бросил всё там, на станции Кривощёково? Да потому что боюсь отстать от времени, боюсь не успеть сделать то, что должен сделать в своей жизни, а жизнь моя и смысл этой жизни сегодня — это мой город! И в него я войду своим делом и своим словом! Понимаете? Я хочу ещё многому научиться.

— Николай Павлович, вы такой смешной и серьёзный!

— А вы всё кусаетесь.

— Простите, характер такой, но я вами сейчас любовалась, честно говорю, от души. Вы открылись мне совсем с другой стороны. Как, оказывается, важно, чтобы у человека была не просто мечта, но и желание осуществить эту мечту. Я восхищаюсь вами, вы просто какой-то молодец!

— Так вот, Александра Александровна, вы должны понять, что ваш Алексей такой же, и Роман станет таким же. Свобода духа — это как микроб, стоит только вдохнуть этот воздух свободы нашего города — и всё, ты стал его заложником. Вы своих братьев не потеряли и не потеряете, потому что они здесь обрели главное — цель и смысл своей жизни. Возможно, что именно здесь вы обретёте их! Обретёте, как бы вам сейчас это ни странно было слышать.

Литвинов встал из-за стола, подошёл к Александре Александровне и взял её за руку. Они молчали. Он будто слышал стук своего сердца, и казалось, что сейчас все слышат, как

взволнованно стучит оно. Он с надеждой и мольбой осмотрел комнату, но никого больше не было, Настасья Петровна давно ушла.

— Александра Александровна, выходите за меня замуж.

— Нет, Николай Павлович, нет... не так скоро. Мы едва ли знакомы. И откуда в вас вдруг этот пыл, вы же тоже не юнец безусый, влюбляться с первого взгляда. Я в прошлом году схоронила мужа, у нас не было детей, но у нас были очень дружеские отношения, он во всём совершенно порядочный человек, и я не могу, пока не могу даже думать о ком-то ещё. Теплота человеческих отношений ещё очень жива.

Литвинов встал на колени.

— Не надо, Николай Павлович, не смущайте меня, это уже ни к чему делать. Встаньте!

Но Литвинов даже не шелохнулся, так и остался стоять перед ней на одном колене.

— Чтобы вы меня лучше поняли, я немного расскажу о себе. Но вы прежде сядьте, пожалуйста.

Литвинов поднялся с колена, наклонился, поцеловал руку Александры Александровны и только после сел на свой стул.

Они сидели в просторной комнате, которую Настасья Петровна звала горницей. Стол посередине, в углу модная этажерка с иконами и молитвословом, далее русская печь, около — ухват, который никак не сочетался с богатым, украшенным кисточками абажуром над круглым столом.

— Поверьте, я не меньше вашего смущена, — прервала паузу Александра Александровна. — Не обижайтесь на меня, а просто послушайте. Меня выдали за богатого и изрядно возрастного человека, но Иннокентий был очень добрым и порядочным дворянином. Вы простите меня, но я вынуждена отказать вам. Вы молоды, вы ещё такой молодой человек, и, поверьте, вы найдёте свою судьбу.

Литвинов слушал молча, его неожиданное чувство вдруг рушилось, не имело ответа. Это ему показалось крайне жестоким обстоятельством, и не только жестоким, но и несправедливым.

— Александра Александровна, — начал он говорить осевшим и подавленным голосом.

— Подождите, Николай Павлович, ничего не говорите... Впрочем, дайте мне прежде встретиться с Алексеем. Всё прочее после. Не обижайтесь, но и не торопите меня и сами не торопитесь.

Они долго сидели молча в просторной гостиной, потом Литвинов поцеловал руку Александры Александровны и вышел прочь.

КОНЦЕРТ

Выехали загодя, с расчётом увидеться с Олениным ещё до концерта. Экипаж повернул к станции Обь, покатился к Гудимовскому спуску, через переезд⁴¹.

— Смотрите, Николай Павлович, — Александра Александровна показала на открывшуюся Обь, — но это не наш паром, мы переправлялись на другом.

— У нас работают три частных парома и два казённых. Кстати, казённые бесплатны, но ходят редко.

Поехали по высокому, но не очень ровному берегу Оби.

— Александра Александровна, расскажите ещё что-нибудь о себе, — тихо попросил Литвинов, наклонившись к ней.

⁴¹ Этот переезд сохранился до сегодняшнего дня, в него упираются ул. Революции (ранее Дворцовая) и ул. Коммунистическая (ранее Гудимовская), но используется только пешеходами.

— Вот именно, — прошептала Александра Александровна в ответ, — наконец-то образумились. Прежде чем жениться, нужно было полюбопытствовать о невесте! Легкомысленный вы, однако, жених!

— Могу вас разочаровать в подозрениях, ваши рассказы никак не повлияют на моё решение. Я вас люблю необычайно...

— Ух вы, какой герой-любовник! И французских романов читать не надо, всё есть здесь, в Сибири.

— Не смейтесь надо мной, я и так выгляжу жалким и ничтожным, раздавленным и поверженным!

— Но как вы хорошо маскируете свою поверженность. Хорошо, тогда слушайте, буду вас добивать, а потом разбирайтесь со своими чувствами сами! Моё счастливое детство прошло в нашем имении в Саратове, на Большой Даче, это на Волге. Волга — сказка! Она сильная и красивая. Вы знаете, что название произошло от слова «вол», то есть «могучий бык»? Она, как вол, гонит, тащит, несёт свои волны в Каспийское море! Красиво?

— Русский язык для меня, Александра Александровна, это как Божья песня в душе. Но рассказывайте, и не стесняйтесь Егорыча, он — могила. Убивать будешь — не скажет никому и ничего.

— Хороший у вас Егорыч, это правда. Тогда слушайте. На Волге мы жили всё лето, у меня была няня немка — Нелли, в Поволжье много немцев, а у меня была самая добрая, такая... мамочка-мамочка! Я впитала немецкий язык легко, будто и жила в нём всю жизнь. Вы теперь понимаете, почему я называю этот язык любимым? Я в детстве по-немецки говорила лучше, чем на родном языке. — Она помолчала, будто решаясь на что-то. — Что же вы думаете, Николай Павлович! У меня есть своя история и не самого мармеладного качества. Мы жили в Петербурге. Я училась в Смольном институте

благородных девиц. Прекрасное заведение. Строгое. Закрытое. Отец мой занимал солидную должность, и друзья его были все при должностях и с орденами. Я не знаю почему, но отец решил выдать меня замуж за своего друга. Я была убита этой новостью, потому что знала Иннокентия Генриховича Беккера всю жизнь, сколько себя помню. Очень хороший и добрый человек. Дворянин, высокая должность при дворе. Я бывала с ним на балах, но для меня это не стало праздником, потому что около меня стоял солидный, благородный, но пожилой муж. Были ли повесы-искусители? Да, сколько угодно, но надо знать меня, чтобы пытаться найти моей безнадежной благосклонности. И даже эти сплетни доносились до Иннокентия Генриховича, и он гордился этим и даже сам рассказывал о том. Были ли у меня желания? Да, были. Кругом мужчины молодые, красивые, кровь с молоком. Должна вас разочаровать, Николай Павлович, у меня нет любовного опыта, и теперь я не очень уверена, что это хорошо. И именно из-за отсутствия этого опыта мне сейчас так непросто разговаривать с вами. Восемнадцать лет какой-то полусемейной жизни. Жалею ли я о том? Нет. Так зачем-то распорядилась судьба. Мне, Николай Павлович, тридцать восемь, я уже стара для вас.

Литвинов задумчиво поискал платок в кармане, нашёл, вынул, подержал в руке и засунул обратно.

— А мне кажется, что я старше вас. Возраст — это такая условность. — Литвинов посмотрел в сторону набережной: мужики толкали вагон. — Смотрите, на паром толкают... Сколько их? Считайте. Восемь. Паровозов не хватает, лошади устали, а люди толкают вагон на паром, потому что мы дорогу строим. Вот о чём орал Ленин: «Мы приехали в Сибирь создавать Россию!» А вы мне про свой возраст рассказываете.

— Господи, Алексей всегда был сумасшедшим.

— А вы знаете, что это не просто слова, а слова, за которыми конкретные и великие дела. Вы же знаете, кто такой Будагов?

— Нет, не припомню. Вы говорили, но я уже забыла. Он по какой части? Извините, но...

— Он инженер, он руководил строительством моста через Обь, а ещё он школу⁴² для детей рабочих на свои деньги открыл. Понимаете? «Грамотный народ способен идти вперёд, а безграмотный — только подчиняться!» — вот как говорит Будагов!

— Боже мой, кто вы и что вы здесь о себе мните? Николай Павлович, простите, конечно, но, как бы вы ни нахваливали Сибирь, сегодня это захолустье России.

— Мы — Прометеи! Если вам это покажется понятнее. И ваш Алексей — это Прометей, который пытается осветить и освятить тёмную Сибирь и пробить дорогу к Богу!

— Вы тут то титаны, то Прометеи, видимо есть и Зевсы, и Гераклы, и Аполлоны, и Ахиллеса, в общем весь Олимп. Но кто ваш Бог? Николай Павлович, вы понимаете, куда идёте?

— Если мы идем к просвещению, образованности, к нравственной чистоте, разве мы не на верном пути?

— Но кто ведёт вас? Совесть? Дух святой?

— Да, это дух святой. Вот почему мы хотим открыть читальню, библиотеку, нам нужна газета! Да, городу нужна газета. И город N никогда не станет городом, даже если в нём будет жить сто тысяч человек, если у города не будет своей газеты! Вот оно, главное, что хотим мы, — слово! «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог!» Вот тебе и цель! Газета будет формировать будущее города, честная газета, справедливая газета!

⁴² Первая школа Ново-Николаевского посёлка, открытая в начале 1890-х годов на средства Г. М. Будагова. Находилась в начале нынешней ул. Большевицкой.

Грузовая пристань на Оби

— Вы здесь все сумасшедшие! И вы, Николай Павлович, тоже. И самое, наверное, страшное, что я хочу быть с вами! Вы меня просто увлекли, нет, заразили своей Сибирью!

Экипаж плёлся по ухабистой улице, железнодорожная школа выдвигалась фасадом на просторную, но грязную улицу. Около входа топталось несколько человек в железнодорожной форме, курили. Но стоило из экипажа появиться Александре Александровне, все поспешно попрятали дымящиеся папиросы.

Литвинов сделал полупоклон, и прочие ответили полупоклоном на приветствие Александры Александровны.

Зала была полна, окна на улицу раскрыты, но стул около пианино ещё пустовал.

Александра Александровна сняла пальто, вернее, оно упало с её плеч в руки Литвинова. Она оказалась в чёрном платье, оно сидело плотно на груди и талии, и только от пояса распускалось мелкой складкой. Дамы с интересом разглядывали модницу.

— Дамы и господа, — объявил громко Литвинов, — позвольте представить вам Александру Александровну, родную сестру Алексея Александровича Оленина. Она сегодня прибыла из Петербурга.

Некоторые зрители встали и захлопали в ладоши.

— Господа, я очень волнуюсь, потому что давно не видела брата. А где он и когда будет?

— Оленин будет с минуты на минуту.

— Хорошо, тогда можно я что-нибудь сыграю для вас, мне не так томительно будет ожидание.

Весь зал вдруг стал аплодировать, и Александра Александровна прошла к инструменту. Она сделала несколько движений в воздухе, будто разминая пальцы, но скоро положила руки на клавиши, и раздались первые, чуть слышные звуки.

Александра Александровна играла великолепно, время шло, но никто не задался вопросом, а где главный артист сегодняшнего дня. Звуки лились из открытых окон на улицу, текли по ухабам, поверх грязи, не замечая мусора и луж, мелодия покрывала улицу желаниями, надеждами и верой, что скоро наступит праздник чистоты и порядка, счастливой жизни и благородной уверенности в завтрашнем дне.

Александра Александровна играла проникновенно, трогательно и взволнованно, Литвинов слышал в извлекаемых из пианино звуках волю и нежность, силу и слабость, уверенность и робость, просьбу и приказ. Он слышал нечто большее, он слышал дыхание её души, её чувств, которые давали и надежду, и уверенность, и смелость.

— Дамы и господа! — прервал концерт быстро вошедший в залу Владимир Александрович Линк⁴³. — Господин Оленин Алексей Александрович погиб. Он сорвался с моста. Спасательная операция продолжалась восемь часов. Прошу прекратить концерт.

И все посмотрели на Александру Александровну. Она встала, но молчала.

— Господа, я ничего вам не скажу, не ждите. — И вдруг повернулась к Литвинову: — Это ужасно, Николай Павлович! Значит, сегодня я всё видела сама? Значит, не показалось?

⁴³ Владимир Александрович Линк (1862–1911) — инженер, помощник производителя работ по строительству моста Е. Е. Зенкевича. 10 октября 1895 г. в числе других жителей подписал прошение о закрытии в городе кабаков и строительстве храма Александра Невского. На собрании жителей его избрали заместителем председателя комитета по строительству церкви. В. А. Линк был назначен попечителем работ по постройке храма, следил за подвозом материалов и оплатой расходов. После отъезда из поселка Г. М. Будагова отвечал за содержание основанной им библиотеки.

Литвинов подошёл к Александре Александровне, обнял её и прошептал:

— Значит, не показалось. А теперь терпи! Просто терпи! От смерти лекарств не бывает.

Он помог ей надеть пальто, взял под руку, и они вышли из школы, экипаж ждал на том же месте. Сели под пристальными взглядами людей и тронулись по ухабистой улице прочь. Ехали молча. Вот он, переезд. Они остановились, ожидая, когда проедет паровоз с конусной трубой, и вдруг паровоз загудел как-то обессиленно и одиноко.

— Я не могу, — сказала Александра Александровна.

— Что не можешь? — нагнулся к ней Литвинов.

— Николай Павлович, я терпеть больше не могу!

И вдруг рыдания, неистовые и жалобные, вырвались из её груди. Она плакала, уткнувшись в его плечо, содрогаясь всем телом, а он только гладил её по голове и говорил:

— Поплачь, милая, поплачь! Теперь можно...

МОЛЕБЕН

Темнело быстро; казалось, тёмный туман окутывал округу вязким киселём. Звуки стали глухими, дыхание тяжёлым, и коляска катила с каким-то усилием, будто дорожная грязь цеплялась за колёса.

— Егорыч, сверни к Василию Посельскому, думаю, сейчас самое время к нему заглянуть.

— Так и я о том мысль думал, но молчал, — согласился Иван Егорыч и стал разворачивать экипаж.

— Кто это? — удивилась Александра Александровна.

Паровоз

— Отец Василий, — торопливо пояснил Литвинов, — местный батюшка, а церковь наша пока молитвенный дом⁴⁴. Помолиться сейчас самое время, да и сорокоуст заказать.

— Да, Николай Павлович, ты прав, помолиться и свечку поставить за упокой. Господи помоги, какое горе, боже мой! Ведь совсем молодой!

— Да, молодой, — поддержал разговор Николай Павлович. — У нас ещё нет полноценной церкви, да и молитвенный дом появился не так давно, но там даже колокольня есть, правда не настоящая, на столбах, во дворе, — Николай Павлович старался отвлечь внимание Александры Александровны от тяжких дум. — Не так давно, на сходе жителей, решили храм построить на горе, недалеко от молитвенного дома, в честь святого Александра Невского, и проект подобрали приличный. Он, кстати, ваш, столичный. Ровно такой есть в Галерной гавани в Петербурге.

— Спасибо, Николай Павлович. Умереть молодым! — Она обхватила голову руками. — Он всего-то на два года старше меня! Ему даже сорока не исполнилось! — И вновь откинулась на спинку сиденья. — Уже темнеет, поздно, наверное, в церковь ехать?

— Не поздно. Мы с батюшкой Василием в добрых отношениях, и живёт он по соседству.

— Устала я, помолчи, Николай Павлович. Тяжело мне.

Темнело быстро. Скоро уже грязь стала выглядеть ровнее, и дома придавило тяжестью тьмы. Вдруг раздалась хлопки, несколько отчётливых и пронзительных.

— Егорыч, сверни в проулок, — попросил Литвинов, — целее будем.

⁴⁴ Молитвенный дом находился недалеко от храма Александра Невского и появился в Ново-Николаевске осенью 1895 г.

— А что это? Кто-то стрелял?

— Гулеванят ново-николаевцы. Стреляют, — пояснил Литвинов. Раздалась новая череда выстрелов. — Вот, слышали? Прежде револьверный, потом ружьё и опять револьвер. Правильно я говорю, а, Егорыч?

— Ваша истина, кого-то хлопнули! — Егорыч спешно погнался в проулок.

— Что значит хлопнули? — заволновалась Александра Александровна.

— Убили, видно. Того, кто из ружья палил, — солидно рассудил Егорыч. — Кабы попал, то второго леворверного выстрела уже и не было бы. А не было второго из ружья, зная, попал, кто леворвер держал.

— Да что же за город у вас такой?! — возмутилась Александра Александровна.

Литвинов пожал плечами и поправил медвежью полость на коленях Александры Александровны.

— Молодой город. У нас кто здесь? Переселенцы да бывшие каторжные. Кто ещё может вынести адские условия жизни? Они же в землянках, шалашах живут, как звери, как черви в грязи, и мост строят. Жилья не хватает, народу приезжает каждый день, город растёт, земли нет, вот и роют норы да землянки. Приезжает к нам за порядком следить полицейский из Кузнецка⁴⁵, и то не на всю неделю. Пока сами отбиваемся. А те полицейские, что при железнодорожном ведомстве, им на стройке дел хватает, они же и регистрируют приезжих, и с ворами воюют. А город, получается, сам по себе.

— Дикие люди, дикие нравы! Господи, помилуй! — перекрестилась Александра Александровна. — Здесь действительно выжить очень трудно.

⁴⁵ Сейчас Новокузнецк.

— А всё от тьмы, тёмные кругом люди. Если бы образование всем дать, так и дикости б не стало. Что вы хотите, Александра Александровна? Живут в условиях как свиньи, едят как свиньи и говорят только матом, а потому и понимают только зуботычину. Вот почему Будагов школу организовал, а в ней по вечерам концерты и чтения устраивают — всё для людей, чтоб душа просветлела. Кстати, и Жандр железнодорожную школу открыл.

— Школа! Да у вас тут за каждым углом Соловей-разбойник сидит.

— Ну, не совсем за каждым, но подстрелить могут.

— Всё равно, страшно вы живёте! Ох, Николай Павлович! Как хорошо, что вы ко мне подошли там, на пристани. Ну что бы я без вас теперь делала? Я мало чего боюсь и смело ехала в Сибирь, но теперь я понимаю, что одной здесь не выжить. Здесь же просто беда! Роман Александрович в больнице, кругом какая-то тьмутаракань, да ещё и стреляют! И Алексей мёртв.

— Александра Александровна, душа человеческая нетленна и бессмертна. Закончился путь земной, начался путь небесный.

— Николай Павлович, помолчите, пожалуйста.

Егорыч остановил экипаж около большого дома на пересечении только ещё наметившихся улиц.

— Огонь в храме, знать, батюшка тута, — пояснил Егорыч своё наблюдение.

Когда вошли в молитвенный дом, священник и псаломщик тушили свечи. К ним подошёл высокий молодой, лысоватый человек в сером подряснике.

— Батюшка, здравствуй. — Литвинов поцеловал руку священника. — Прости, что мы не в урочный час. Я пришёл с горем. У Александры Александровны сегодня погиб брат. Он сорвался с верхней балки моста.

— Кто такой? Инженер?

— Да, инженер Оленин.

— Алексей Александрович?! Ах, жалость-то какая! — Батюшка перекрестился и попросил псаломщика: — Иннокентий, неси молитвослов и поставь поминальную свечу на канун.

— Боже милостивый, псаломщика Иннокентий зовут! Будто муж меня преследует. И теперь сплетни собирает, — прошептала Александра Александровна и перекрестилась.

Сам же священник достал из ящичка тонкие свечи и подал их прежде Литвинову, а после Александре Александровне.

— Зажгите, Николай Павлович, от лампадки, что у распятия. — И не дожидаясь, когда Литвинов вернётся, густо запел, перекрестив высокий лоб, уходящий лысиной на затылок: — Господу помолимся! Господи, помилуй!

И потекла молитва по тёмному и просторному дому, вкруг заставленному утварью, со стенами, увешанными иконами.

Литвинов стоял не шелохнувшись, Александра Александровна рядом, она изредка утирала слёзы и крестилась невпопад.

«Вот Василий нас потом и обвенчает. Жаль, Алексей погиб, не порадуется за нас, — подумал Николай Павлович и перекрестился. — Нехорошо в день горя наслаждаться мечтой». И вновь, но уже трижды Литвинов перекрестил себя размашисто и повинно.

После панихиды, простившись с отцом Василием, уже на крыльце, Александра Александровна вдруг сказала:

— Здесь останусь. Не оставляю я одного Романа! Он такой же отчаянный и безрассудный, как Алексей. Отец наш ещё в детстве говорил, мол, ты, Алексей, своей смертью не умрёшь. И действительно, Алексею всегда было больше надо, чем всем остальным. Встревал в споры, и дрался он, и правду искал, невзирая на чины. Столько неприятностей у отца из-за

него было. И здесь, ну кто бы ещё решился лезть на самый верх по обледенелому железу. Он был настоящим мужчиной, не боялся ни тьмы, ни холода, ни высоты, ни ответственности, ни драки. Его же отец с радостью отправил на строительство железной дороги, потому что Алексей дважды вызывал на дуэль соперников. А стрелял он отменно и меня научил. Точно бы каторгой кончил свой путь, если бы не железная дорога.

— Да, он отчаянный и решительный, правильно вы сказали, Александра Александровна. Он настоящий, таким и должен быть мужчина — смелым и решительным. Кто-то сказал: если гусар дожил до тридцати, то это плохой гусар. Вот и инженеры наши — редко кто до шестидесяти доживает.

Литвинов вдруг повернулся к молитвенному дому, широко перекрестил себя.

— Пойдёмте, Александра Александровна. Настасья Петровна, видимо, уже приготовила ужин. Пойдёмте, помянем Алексея.

Она не сдвинулась с места. Литвинов обернулся к ней, она смотрела на него с верхней ступеньки внимательно и чрезвычайно строго.

— Я выйду за вас, Николай Павлович, но не теперь, позже. — И подала ему руку, чтобы тот помог ей спуститься с высокого крыльца.

ЧАСТЬ 3

Новониколаевскъ.

Объ

Коронация

Май в 1896 году выдался удивительно тёплым и солнечным, днём температура поднималась до двадцати четырёх градусов, а ночью не опускалась ниже восемнадцати. Зелень на деревьях и молодая трава скрасили несчастный пейзаж растоптанных улиц Ново-Николаевска. Чистые облака белой ватой плыли по небу, солнце отличалось молодым задором, а ветерок — ласковым нравом.

Новорождённый, а оттого и капризный город N не был обременён ни статусом, ни управлением, ни контролем. И если крестьяне, переселенцы и местные мужички собрались на Обском берегу для строительства моста и Сибирской железной дороги, влекомые «длинным рублём», то каторжане скатились в беспечный городок прямо с Сахалина, амнистированные в честь коронации Его Императорского Величества.

Организовать жизнь посёлка был командирован из Кузнецка полицейский чиновник, при нём несколько стражников, однако в городе не было ни единой каталажной камеры, отчего арестованных приходилось отправлять за реку, в село Бугры.

Для удовлетворения элементарных потребностей и наведения общественного порядка необходима была некая действенная, но законная форма управления. Однако губернский Томск не хотел признавать новый город и не стал обращать внимание на то, что ещё в конце прошлого года сход жителей ходатайствовал перед высоким начальством о переименовании посёлка в посад или город.

*Императрица Александра Фёдоровна
и император Николай Александрович Романовы*

Младший брат Александры Александровны поступил на службу и был командирован на завершение строительства железнодорожной ветки от станции Тайга до Томска⁴⁶. Попытки говорить с Романом о возвращении в Петербург не имели успеха и не изменили желания молодого человека продолжить дело старшего брата.

В тот майский день тёплый юго-западный ветерок, как и сотни лет назад, неторопливо стекал со склона высокого левобережного «бугра», потом облизывал холодную гладь Оби, полную вешними водами буйной Бии, стремительной Катунь и доброй Ини, поднимался по широкому, в двадцать пять саженей⁴⁷, Николаевскому проспекту, наполняя молодой посёлок свежим дыханием влажной весны. Торопливые деревянные тротуары, выющиеся неровной лентой вдоль новых домовладений, не стеснялись своей девственной белизны. Чищенные сапоги, ботинки, порою растоптанные лапти, а то и кокетливые сапожки плотной толпой стучали, шаркали, ступали в одном направлении — к молитвенному дому отца Василия.

Густой замес новоиспечённых горожан начал праздновать коронацию Николая II ещё накануне, 19 мая, не дождавшись назначенного для того срока, определённого на 21 мая 1896 года. К сему дню Ново-Николаевск уже насчитывал, по очень приблизительным подсчётам, более пяти тысяч народа. Сельчане тоже были горазды поесть-попить на дармовщинку, и их телеги нафаршировали Николаевский проспект до плотной и непроезжей массы.

Во всём был виден праздник: флагами украсили крыши домов, на некоторых магазинах установили полотнища наряд-

⁴⁶ Строительство Томской ветки железной дороги было начато летом 1895 г. и окончено осенью 1896 г.

⁴⁷ Около 50 м.

ной ткани, гирлянды из зелени, вензеля из заглавных букв имён царственной четы и, конечно, необычайно плотное столпотворение — все признаки предстоящего веселья. Для вечерней иллюминации использовали глиняные плошки-жировики.

Молебен длился недолго, но торжественность момента выдержали все: и чины, прибывшие из Томска, и местное строительное начальство, пришедшее со своими жёнами и чадами, и великая толпа народа. Всё шло степенно и благородно, и ничто не предвещало беды, пока вся многотысячная толпа не развернулась в сторону базарной площади⁴⁸, на которой ещё загодя установили столы с подарками от императора, на подводах привезли чашки, кружки с символикой венценосной четы. Однако всемилостивейший государь, предугадывая радость народа, повелел со дня коронации в Москве 14 мая и до конца месяца считать праздничными днями, принуждения не чинить и казённым службам быть лояльными к усердно выпившим, более того, угощать народ наливками и закусками всякого свойства за счёт казны, а также вручать подарки, дабы явить свою милость, любовь и единство с народом.

Торжества в Ново-Николаевске планировали завершить за два дня, чтобы утром в понедельник люди смогли выйти на работу. Основными в программе праздника были народные гуляния и разного рода застолья с тостами-здравиями в честь виновников торжества — коронованных особ, членов царского дома, томского начальства и прочих уважаемых чинов.

Николаевский проспект скоро задохнулся от пыли, дымкой поднявшейся над проспектом. Тысячи людей, уже еле

⁴⁸ Первая базарная площадь была рядом с устьем реки Каменки, вторая — «ново-старая» — там, где сейчас Детская больница скорой медицинской помощи на Красном проспекте, 3 и Новосибирский художественный музей на Красном проспекте, 5. Третья — новая базарная площадь — на нынешней площади Ленина.

видимых в грязном тумане, спешили к накрытым столам вверх по Николаевскому проспекту. Гул радости и предвкушения гнал народ на праздник, и первые уже бежали — и мужики, и бабы, и дети, вперемешку и по отдельности. Остановиться перед столами было немыслимо, первые были смяты следующими, а следующие последующими. Началась давка и ор, плач, визг. Толпа смешалась, уже казалось, что всё вертится и крутится в живом водовороте.

Никому не досталось ни вина, ни закуски, всё было разбито, разлито и втоптанно в грязь. И под крики «Нас обманули!», «Царя обидели!», «Царское угощение украли!» толпа устремилась за справедливостью и торжеством правды, громя лавки и магазины. В порыве праведного гнева прежде орали угрозы неведомому начальству, а растерзав несколько винных подвалов, уже орали песни, смеялись и танцевали. Томские и железнодорожные начальники скрылись, опасаясь расправы и ещё большего погрома.

К вечеру отупелая толпа уже не пела, она просто орала и дралась, то тут, то там бились обезумевшие мужики и даже бабы. Но теперь веселье стало злым, гнетущим и беспощадным. И вдруг рык порвал базарную суету, рык зверя. Люди отхлынули, — среди сломанных столов, растоптанной еды и разбитых бутылок стоял Мизгирь, в его руке сверкнул окровавленный нож, тут же лежали двое поверженных.

Мизгирь прибыл в город несколько дней назад, отпущенный всемилостивейшим императором с каторги. Но этих нескольких дней хватило, чтобы его узнали многие. Он носил шубу, вывернутую мехом наружу, мохнатую высокую папаху из чёрной скатанной сосульками овчины, отличался круглым сизым от пьянки лицом и ярыми глазами — безумными, чёрными, неистовыми. Встретив однажды, забыть его было уже нельзя.

*Базарная площадь на Николаевском проспекте
(с 1920 г. Красный проспект)*

Но вот Мизгирь тронулся прочь, толпа расступилась перед ним, и тот ушёл, даже не спрятав окровавленного ножа. Люди стали расходиться по домам, казармам, землянкам и шалашам.

Над трупами стонали женщины, видимо жёны, и теперь плач стал песней праздника, потому что к ним присоединялись всё новые и новые рыдания, далёкие и близкие, от горя и от водки, но все одинаково горькие.

ВМЕСТЕ

Литвинов вместе с Александрой Александровной покинули церемонию празднования коронации Николая II сразу же после молебна, когда толпа устремила на базарную площадь к праздничным столам.

— Нам лучше уйти, — сказал Литвинов и, волевым движением подхватив даму под руку, направился к дому.

— Отчего же? — удивилась влекомая Александра Александровна. — Праздник только что начался.

— Это опасно. Позвольте, я вам всё дома расскажу, а сейчас лучше уйти.

Александра Александровна с неудовольствием ушла к себе в съёмную комнату, она категорически отказалась от приглашения Литвинова переждать праздник у него. С базарной площади доносились крики и гул пьяной толпы. Бдительный Иван Егорыч сообщал о событиях Николаю Павловичу.

После начала погрома прикомандированный из Кузнецка полицейский чиновник скрылся в молитвенном доме у отца Василия, но скоро вместе со священником они сели в лодку и переправились на безопасный левый берег. Семь поселковых стражников бежали на станцию Обь и вместе

с железнодорожной охраной укрылись в безопасном месте. Но разбушевавшуюся толпу празднующих не интересовало ничего, кроме винных погребов и магазинов⁴⁹.

Литвинов закрылся у себя, на всякий случай зарядил револьвер и положил его в ящик стола. Очевидно, день коронации мог обернуться не только грандиозной пьянкой, но и ночным грабежом.

В дверь постучали. Литвинов уже ждал приготовленный Настасьей Петровной обед, но его принесла гостя. Александра Александровна вошла в дом с корзиной, полной угощений. Она огляделась кругом и поставила корзинку на стол.

— У вас в доме так всё изменилось! И когда успели? Мебель, шторы... очень красивые шторы. — Она потрогала материал. — Абажур, кресла... Стало очень уютно. Позвольте полюбопытствовать, с чем связаны такие перемены?

— Вы знаете, Александра Александровна, всё из-за вас.

Гостя внимательно посмотрела на хозяина и не смогла сдержать лукавую улыбку.

— Николай Павлович, я всё поняла и вас прощаю. Я по распоряжению Настасьи Петровны принесла вам немного еды.

— Именно по распоряжению?

⁴⁹ Из газетной статьи: «19 мая громадная толпа рабочих по постройке железной дороги произвела беспорядки: разбита катажка и освобождены арестованные, разбиты два буфета и разграблена в них касса, разбит ренский погреб Олюнина, разграблено имущество на 5000 рублей. Причина беспорядков не выяснена. Произведены многочисленные аресты» (Сибирский вестник. 1896. № 107). Другие источники говорят, что рабочие требовали продолжения праздника, выдачи денег, якобы присланных царём, но укрываемых местным начальством. «Священник и некоторые железнодорожные служащие спаслись от избиения толпой тем, что первый из них вскочил в лодку и уплыл на противоположный берег, вторые же успели заскочить на стоящий вблизи паровоз и уехать» (Сибирский вестник. 1896. № 114).

— Почти. Считайте, что это фигура речи.

— Такая забота — это великая честь, — удивился и обрадовался Николай Павлович.

— Я буду обедать с вами. Вы не возражаете? Вы не пригласили меня, а потому приходится навязывать вам свою персону.

— Я вас пригласил, но вы ушли так стремительно и, мне показалось, с обидой. Располагайтесь, бога ради! Почту за честь, дорогая Александра Александровна!

— Не повторяйтесь, и прошу с сего дня обращаться ко мне по имени — Александра. Но никогда не называйте меня Шурочкой, не терплю этого, так мы звали прислугу.

— За честь почту... простите, Александра Александровна, разволновался. Не ожидал уже видеть вас у себя, а повторить приглашение не решился, уж очень вы были рассержены.

— Отчего же вы стали столь робки и не в меру косноязычны, Николай Павлович? А ведь ваше кредо⁵⁰ — слово. Будет вам краснеть. Даже удивительно, что вы — и краснеете. Как вы не похожи на себя, того, что был в первую встречу на пароме. Там вы блистали смелостью до дерзости, а нынче — робкий ягнёнок. Коротко говоря, давайте условимся, кто старое помянет, тому глаз вон!

— Хорошо. Я согласен. Право, Александра Александровна... Можно вас Сашенькой звать?

— Вам, любезный Николай Павлович, всё можно.

— Вы присядете к столу или в кресло?

— Как смешно видеть вас растерянным. — Гостья подошла к столу и начала доставать угощенья.

— Александра Александровна, не смейтесь надо мной. — Литвинов помолчал секунду и вдруг спросил: — Вы навсегда пришли ко мне?

⁵⁰ Кредо — личное убеждение, основа мировоззрения человека.

— Да, Николай Павлович, — Александра Александровна резко повернулась и с вызовом сказала, глядя ему в глаза: — навсегда. Я решилась остаться у вас.

Они молча расставили еду и закуски на столе.

— Что же вы молчите, Николай Павлович, или вы не рады моему решению?

— Да почему же не рад... Вы же знаете, что рад. Но что послужило причиной столь решительному поступку? Я порою не знаю, чего от вас ждать.

— Вы чуткий и заботливый, а это редкое качество современных мужчин. Мой супруг, Иннокентий Генрихович, был добрым человеком, даже снисходительным, но я для него была игрушкой, утехой его гордыни и не более. Он всё время гордился мной. Мне кажется, даже если бы я ему изменяла, он и этим бы гордился. Я не знаю, что такое настоящая семья. И мне показалось, так я себе придумала, что вы и есть именно тот человек, с которым я смогу понять, что такое «и будут два в плоть едину»⁵¹. И мне хочется не просто быть рядом, но заботиться, потому что забота и есть смысл человеческой жизни. Не правда ли? Или вы не рады мне?

— Отчего же такие сомнения?! Конечно, рад!

— Не рады, потому что я не вижу на столе шампанского. Или мы не будем отмечать торжественный день коронации императора Николая? Город N сегодня празднует особенно рьяно, так почему же нам не присоединиться к неистовству толпы?

Литвинов достал из шкафа шампанское, водрузил на стол.

— Однако вы обманщик и уже были готовы к празднику.

⁵¹ «И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:5-6).

— Присаживайтесь, Александра Александровна, — предложил Литвинов и помог ей сесть, придвинув стул. — Я, действительно, очень робко, но ждал вас.

— И всё же, почему вы говорите «город N»? — Александра Александровна развернула салфетку и положила себе на колени.

— А как же ещё? В декабре прошлого года мы — жители посёлка, — Литвинов вдруг начал говорить официальным тоном, будто докладывал на собрании, — мы обратились к губернатору Герману Августовичу Тобизену с прошением называть наш посёлок Ново-Николаевским. Так что правильно говорить город NN⁵².

— Ново-Николаевским? Любопытно. И что ответил венценосный Николай Александрович?

— Пока ничего, ждём.

— Видимо, ответ будет положительным.

— Вы сегодня очень... я бы сказал...

— Язвительна?

— Да, именно, язвительны.

— Конечно. Мне тоже непросто далось это решение перейти жить к вам. Я волнуюсь, а потому и дерзка. Но моя дерзость от неуверенности. Мне тридцать восемь, а вам только тридцать один. Хотя здесь, в Сибири, всё странно.

— Что же вас удивляет у нас? Неуют, пьяная публика? Преданность и героизм инженеров? Что?

— Вы живёте в городе, которого нет.

— Увы, Сашенька, уже есть. Да, Высочайшего рескрипта ещё нет, но город уже живёт. И главное, наверное, что его создали — мы сами!

⁵² 3 декабря 1895 г. жители посёлка строителей железнодорожного моста через Обь обратились с очередным прошением на имя томского губернатора называть свой посёлок Ново-Николаевским. В 1898 г. это название утвердил царь Николай II.

— Это те, кто сейчас орёт на улице? Это люди? Это чернь!

— Не сразу Москва строилась, да и Петербург претерпел многое, прежде чем стал великим городом.

— Хорошо, пусть так, оставим эту тему, пусть этот ваш придуманный город существует. Почему вы меня увели с гуляний? Нет, вы не увели, вы буквально уволокли меня с праздника! Вы будто чего испугались?

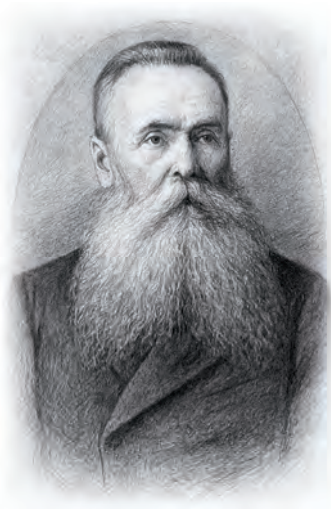
— Да, глубокоуважаемая и почитаемая Александра Александровна, да, я испугался. И я скажу почему. Два дня назад я был в Томске, там встречался с издателем и главным редактором газеты «Томский листок», господином Макушиным⁵³.

— И вы, Николай Павлович, вспомнив о Макушине, решили увести меня с праздника?

— Опять смеётесь. Но я продолжу! Когда я встретился с Петром Ивановичем, он только что пришёл из почтово-телеграфной конторы.

— О! В Сибири есть телеграф?

— Да, с марта этого года. Не ёрничайте, милостивая Александра Александровна, я сейчас скажу главное. По старой традиции в Москве на Ходынском поле был организован

П. И. Макушин

⁵³ Пётр Иванович Макушин (1844–1926) — томский предприниматель, основал книгоиздательское дело в Сибири, учредил «Общество попечения о начальном образовании» в Томске, с девизом: «Ни одного неграмотного». Он учредил в 1884 г. народную бесплатную библиотеку, первую не только в Сибири, но и в России.

праздник, новый царь угощал подданных вином и мясом, хлебами и медами. Царские гостинцы состояли из пакета с колбасой, сайкой, большого пряника, леденцов и орехов. К этому подарку прилагалась и памятная «коронационная кружка» с гербом и инициалами императора. Подарков было заготовлено очень много, говорят, более четырёхсот тысяч. Число немалое, но никто не подумал, что их может не хватить. Откуда-то взялся слух, что кружки эти не простые: тем, кому попадутся с изображением коровы, — корову подарят, а для тех, кому достанется кружка с избой, — дом построят. И, конечно, повезёт далеко не всем, надо успевать. И толпа начала волноваться. И тут кто-то кому-то что-то сказал, затем этот кто-то понёс болтать дальше... Пошли слухи, что буфетчики присваивают дармовую снедь. И сколько бы ни пытались успокоить и вразумить людей, говоря, что никаких коров не заготовили, толпу уже нельзя было остановить. Началась давка. Так вот, Александра Александровна, погибло несколько сот человек, есть предположения, что больше тысячи, люди топтали друг друга. Когда Пётр Иванович мне рассказывал о том, он был бледен и даже растерян и вдруг спросил меня, стоит ли давать эту новость в газету, в «Томский листок»⁵⁴. Я сказал, что не надо. Во-первых, нет точности, а во-вторых, людей уже не вернёшь, и, в-третьих, поздно что-то изменить здесь, но надо попытаться предупредить власти и организаторов.

— В-четвёртых, — продолжила Александра Александровна, — ни московским, ни томским чиновникам эта статья не понравится. Здесь лучше промолчать или сделать вид,

⁵⁴ Газета «Томский листок» (ранее «Томский справочный листок») выходила в Томске с 1894 г. по январь 1918 г., с ноября 1897 г. под названием «Сибирская жизнь», с сохранением нумерации. Основатель — П. И. Макушин.

что телеграфа в Томске всё ещё нет. Так удалось в Томске предотвратить толчею?

— Там всё прошло хорошо и организованно, а у нас и предупредить некого, у нас нет городского управления, я предупредил только руководство строительством Сибирской железной дороги. — Литвинов взял бутылку шампанского, но вновь поставил на стол. — Помните, когда мы с вами встретились, там, на пароме, вы рассказали мне о гибели людей на Оке, а теперь я рассказываю вам другую и не менее страшную историю.

— Но отчего они случаются, все эти несчастья?

— От глупости и легкомыслия. На пароме паромщик сказал: «Всех перевезу» — и утопил. А тут поиграть с народом захотелось, позаигрывать, а организовать умения нет. Нехорошо получилось, на крови взошёл на трон.

— Плохая примета. Последнее время я стала верить приметам. А эта очень плохая примета.

— Плохая! — согласился Литвинов. — Вы теперь понимаете? Увидев всю бескрайнюю толпу народа, я побоялся, что и нас растопчут, и других предостерёг. Вот почему инженеры после молебна не пошли на площадь.

В дверь вдруг постучали.

— Николай Павлович, — раздался встревоженный голос Ивана Егорыча, — на гуляньях Мизгирь двоих порешил, а ещё восемь до полусмерти забиты.

— Спасибо, Егорыч, ты больше из дома не выходи, поберегись. — Литвинов вернулся к столу. — Вот видите, что делает образование?

— А при чём тут образование?

— В Томске праздник прошёл без жертв, организованно. А почему? А потому что там народ другой, другая культура, даже у крестьян, приехавших на праздник. Они умеют вести себя

культурно. Печально всё это, но давайте всё-таки откроем шампанское.

— Действительно, в России трезвым жить трудно. Наливайте, Николай Павлович, и давайте, как условились, обращаться друг к другу на «ты».

— Привычка. Трудно сразу перейти на «ты». Хорошо. Тогда давай, Александра Александровна, на брудершафт?

— Согласна, Николай Павлович, на брудершафт!

Николай Павлович разлил по бокалам шипучее вино, они выпили, потом посмотрели друг на друга и поцеловались. Поцеловались не любовно — сухо, по-товарищески, но запомнили этот поцелуй навсегда.

УТРО

Утро только проснулось, оно пролезло в тонкую щель между плотными шторами на окне. Но им не хотелось ни света, ни звуков, ни мыслей, ни чувств, просто хотелось застыть навечно в ощущении счастья и покоя.

— Давай не будем просыпаться, — сказала она.

— Давай не будем просыпаться, — ответил он.

— Но если бы не жизнь, то мы никогда бы и не встретились, — прошептала она.

— Никогда бы, — согласился он.

Александра Александровна повернулась, обняла его и положила голову ему на грудь.

— Я счастлива, — прошептала она и зажмурилась, будто боялась увидеть и потерять своё счастье. — Я не хочу открывать глаза, ведь лучше не видеть, но знать, что ты рядом!

— Я тоже счастлив. Но я хочу видеть тебя и уже давно люблю тебя! Любимая, это утро похоже на сон, но на счастливый сон! — Он погладил её по голове, но вдруг дёрнулся и привстал. — Сколько времени? В десять приедут Жандр и Бобиенский!

— Девять часов. Но зачем к нам приедут Жандр и Бобиенский?! — изумилась она, глядя на него широко распахнутыми карими глазами.

— Мы едем на пикник, на Обь. Разве я не говорил?

— Нет, ты не говорил.

— Всё, встаём. Надо успеть собраться!

— Я никуда не поеду!

— Почему? У нас ещё целый час в запасе, мы успеем собраться!

— Так не делают!

— Что не делают?

— Надо предупреждать заранее.

— Я забыл. Вчера был такой тяжёлый день, и я забыл.

— Вот, забыл, и я не поеду.

— Но почему?!

— Потому что мне мало часа, и это неуважение — не предупреждать. Тем более будут люди, нужна причёска. Женщине нужно время! Это вы подпоясались и пошли. Почему я должна объяснять простые вещи? Поедешь один.

— Ну вот, первый день семейной жизни начался с ссоры!

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Хорошо, я потороплюсь. Я уступаю, но запомни — в первый и последний раз!

— Ты хочешь стать хозяйкой?

— Да, я уже хозяйка, но я ещё хочу запомнить это утро навсегда мирным!

— Какая же ты красивая!

— Но Жандр с Бобиенским этого не оценят, если я не успею сделать причёску.

— Они оценят, а вот их жёны — нет.

— Как! Они будут с жёнами?!

— Да. Разве я тебе не говорил?

— Бежим, надо успеть! Жёны — это уже испытание!

— Ты мудрая женщина.

— Почему?

— Потому что говоришь совершенно верно! Жена — это всегда испытание для мужа!

Созидатели

К десяти часам к дому Литвинова подъехали два экипажа, в одном Бобиенский Эрнест Андреевич с супругой Эмилией Антоновной, в другом Жандр Владимир Константинович с супругой Ольгой Георгиевной. Эмилия Антоновна Бобиенская была худа и стройна под стать супругу, а Ольга Георгиевна отличалась плотной невысокой фигурой, низким голосом и очень гармонировала с таким же крепким телосложением мужа. Она недавно родила, слегка располнела, слегка потеряла красоту тонкой талии и, видимо, оттого нынче была не в меру раздражительна и резка в суждениях.

Когда Литвинов и Александра Александровна вышли из ворот дома, то встречающие их дамы и господа удивились красоте новоиспечённой пары. Николай Павлович был в модном прогулочном костюме из коричневой шерсти и в точно такого же цвета цилиндре, а его спутница блистала чёрным прогулочным костюмом: длинная юбка, будто царская мантия,

скользила по земле, на плечах красовалась чёрная узорчатая накидка, а на голове примостилась пышная шляпка с немислимыми цветами на полях.

— Друзья мои, — обратился Николай Павлович, взяв Александру Александровну за руку, — позвольте представить вам мою супругу Александру Александровну, родную сестру почившего Алексея Александровича и родную сестру Романа Александровича Оленина — инженера-путейца, который нынче трудится на строительстве Томской железной ветки.

После знакомства под любопытствующие взгляды, обязательных слов и комплиментов хотели ехать к устью Ини, но Владимир Константинович, приложив пухлую руку к козырьку и загораживая глаза от солнца, возразил:

— Друзья, последнее время жители деревни Усть-Инской ведут себя крайне злобно. Они сопротивляются всякому нашему появлению, затрудняют разработку тамошнего карьера, не разрешают заготавливать лес для нужд строительства. Отстаивают угожья Кабинета Его Величества, как свои собственные. Предлагаю не омрачать сегодняшний день войною с аборигенами, а проехать к Ельцовке. Достаточно вчерашней резни, что случилась на базарной площади. Давайте не будем испытывать судьбу, тем более мы с дамами.

— Но мы вооружены, и нам не страшны даже черти лесные! — воскликнул Бобиенский, похожий в этот момент на отважного Дон Кихота — высокого, решительного и украшенного острыми и лихими усами.

— Мы знаем о вашей способности подраться при первом удобном случае, — возразила его супруга Эмилия Антоновна, — но я соглашусь с Владимиром Константиновичем и предлагаю ехать к Ельцовке, — она качнулась, будто ивняковая ветвь, выражая свою решительность и непреклонность. — Тем более я не взяла сегодня бинты вас лечить,

дорогой мой супруг, но взяла удочку, чтобы половить тамошних жирных ельцов.

На том и порешили. Первыми тронулись довольные жизнью Жандры, следом, как осторожно шутили сослуживцы, «сухостойные» Бобиенские, и замыкал кавалькаду богатый экипаж Ивана Егорыча с молодой и счастливой парой на кожаных сиденьях с пружиной. Они немного проехали вдоль железнодорожной линии и на стыке Дворцовой и Гудимовской свернули на переезд через линию, чтобы скоро оказаться на берегу Оби. Экипажи проехали разбитой дорогой до улицы, которую называли Владимирской, памятуя, что всю залинейную часть станции и паромную переправу добротнo и продуманно строил Владимир Константинович Жандр⁵⁵.

Справа проехали уже знакомую железнодорожную школу⁵⁶, увидели празднично разукрашенную станцию Обь, далее шли несколько бревенчатых бараков, в которых жили инженеры, по левую сторону улицы расположилась одноэтажная барачного вида больница для железнодорожников и переселенческий врачебно-питательный пункт⁵⁷, а потом уже начался сосновый бор.

На берегу Оби, в устье Ельцовки, под редкими и разлапистыми соснами уже отдыхало несколько семей. Здесь были Владимир Александрович Линк, Виктор Степанович Королёв,

⁵⁵ Улица названа в честь Владимира Константиновича Жандра, который жил на Владимирской и активно участвовал в её благоустройстве. Первоначально улица называлась Владимирская, но в 1960-х годах после ошибки в документах она стала именоваться Владимирской.

⁵⁶ Здание сохранилось до сих пор и находится по адресу ул. Владимирская, 6.

⁵⁷ На этом месте сейчас располагается Клиническая железнодорожная больница.

Ефим Евграфович Игнатъев, Михаил Павлович Чепурнов, Владимир Михайлович Алперс с супругой Людмилой Васильев-ной⁵⁸.

— Прекрасно! — воскликнула Эмилия Антоновна. — Совершенно нет гнуса! — Она распахнула руки и покружилась, будто в вальсе. — Вы только посмотрите, здесь уже все наши друзья!

Решили объединить столы, и скоро на зелёной мягкой траве дамы расстелили белые платки, на которых тут же появились закуски. Вместо сидений пригодились специальные подушки.

— Господа! — обратила на себя внимание Эмилия Антоновна. — Предлагаю сегодня поговорить о мечте. Ведь у всех нас есть мечта, и я полагаю, что каждый из нас сегодня может поведать историю своей мечты! Предлагаю начать с Александры Александровны!

Эмилия Антоновна была слегка экзальтирована, она постоянно находилась в несколько восторженном состоянии, хотя, это было удивительно, она уже родила четверых детей и занималась их воспитанием крайне ответственно. Но жизнь интересна неожиданностями, а потому Эмилия Антоновна была всегда прекрасна своим возвышенным состоянием.

— Нет уж, голубушка наша, Эмилия Антоновна, — не согласилась непримиримая Ольга Георгиевна Жандр, — ты предложила тему, с тебя и начнём. Всё прочее — после, тем более Александра Александровна ещё новенькая в нашей компании,

⁵⁸ Владимир Михайлович Алперс (1863–1921) — экономист, работал счетоводом при строительстве Сибирской железной дороги. Владимир Михайлович из интеллигентной, дворянской семьи, музыкант-любитель. Был знаком с Чайковским, Римским-Корсаковым, Глазуновым. Писал сам, печатался, посвящал произведения Шаляпину, Смирнову, жене. Людмила Васильевна Алперс — супруга Владимира Михайловича, певица. В семье Алперсов родилось четверо детей.

пусть осмотрится, на нас поглядит и если совсем не разочаруется, то расскажет о своей мечте любить нашего красавчика Николая Павловича всю жизнь.

Никто не рискнул возразить категоричной и волевой Ольге Георгиевне.

Все пробовали и хвалили острое мясо, приготовленное Бобиенским. Мясо, как сказала мадам Бобиенская, просто «отлетало».

Солнце поднималось над Обью, отдыхающие гуляли по берегу, играли в крокет, бирюльки и даже шахматы, дети беспорядочно и озорно пинали нечто похожее на мяч. На противоположном берегу неприступной и плотной стеною стоял Кудряшовский бор, влажный галечник блестел ярким разноцветьем, соревнуясь с бликами чешуйчатой Оби. Делать решительно никому и ничего не хотелось, истома и нега владели людьми.

— Не скучно ли вам, голубушка, после Петербурга окунуться в нашу горемычную жизнь? — обратилась Ольга Георгиевна к Александре Александровне.

Та несколько подумала и ответила, зацепив двумя пальчиками новый кусочек маринованного мяса.

— Да некогда было скучать. Я скоро месяц как приехала в Сибирь, и столько событий! Прежде заболел Рома, потом погиб Алексей, — Александра Александровна глубоко вздохнула и показала на реку, — где-то он здесь, на дне этой реки. Потом встреча с Николаем Павловичем, вчерашняя резня... Знаете, как-то не скучно здесь у вас в Сибири.

— Вот и нам не скучно, — вздохнула тяжёлой грудью Ольга Георгиевна, уже понимая, что собеседница достойная и может ответить не менее остро, а потому с нею нужно вести себя осторожнее, однако продолжила свою мысль: — Но уже благо, что нынче мы живём хоть и в бараке, но в своей квартире, с водой, титаном и электричеством.

— У вас есть электричество? — удивилась Александра Александровна.

— Да, недавно нас подключили к электричеству и воде. Вы видели водяную башню, мы проезжали её, недалеко от паровозного депо?⁵⁹

— А у Николая Павловича красивая керосиновая лампа из бронзы, но коптит. Лучше всё-таки муромские цветные свечи, и светят, и нагара мало. Удивительно красиво они горят!⁶⁰

— А моего мужа опять отправляют невесть куда, — вдруг пожаловалась Эмилия Антоновна. — Прежде десять лет просидел в болотах между Обью и Енисеем, а теперь отправляют в какое-то село Болотное или Болотнинское, строить дорогу от нашей станции до Красноярска.

— Эрнест, тебя отправляют в Болотное? — спросил стройный и подчёркнуто интеллигентный Линк.

— Мне Жандр подсказал, он там, считай, три года прожил. Я занимаюсь балансировкой пути. Пока пустили только рабочее движение. От Болотного до Оби и Томска одинаковое расстояние, удобно работать⁶¹.

⁵⁹ На первых улицах Ново-Николаевска «зажигальщики» ходили от столба к столбу с лестницами и зажигали керосиновые лампы, чтобы с рассветом вновь погасить. Освещался электричеством только небольшой район вблизи построенного в 1896 г. паровозного депо. От динамо-машины, установленной в этом первом каменном здании посёлка, была построена линия электропередачи для освещения Владимирской улицы и нескольких домов, в которых жило железнодорожное начальство.

⁶⁰ В Муроме было налажено свечное производство, принадлежавшие купцам Жадиным. Муромские сальные и восковые свечи были высокого качества: они давали мало нагара и ярко горели. Во второй половине XIX века в моду вошли окрашенные парафиновые свечи. Считалось особым шиком освещать квартиры в праздники розовыми, голубыми, красными свечами.

⁶¹ Э. А. Бобиенский занимался балансировкой пути и жил какое-то время в Болотном, позже отправлен управлять временным движением от Красноярска до Иркутска.

— А семья? — удивилась маленькая, тонкая и обаятельная Людмила Васильевна Алперс.

— А что семья?..

— Нет, вы слышали! «А что семья?..» — воскликнула, манерно всплеснув длинными руками, Эмилия Антоновна.

— Эмми, не шуми, — попросил Бобиенский и обернулся к изящной Людмиле Васильевне. — Я планирую домой приехать или заберу всех с собой в Болотное, ещё не решил. Владимир Константинович жил наездами, и я буду. Подо мной дрезина, есть добрый конь, зимой тёплая кошёвка, четыре часа хода — и я дома, поезда пустили, ещё проще.

— Дрезина механизированная? — уточнил Литвинов, утирая усы белой салфеткой.

— Нет, ручной привод. Два работяги меня возят. Бывает, и сам тренируюсь.

— Это я посоветовал Эрнесту Андреевичу пожить в Болотном и дом ему съёмный уступил, — подтвердил Жандр. — Очень удобное место. Я там жил и частью с семьёй, с августа 1893 года и до последнего времени, когда был назначен начальником первой дистанции пути Средне-Сибирской железной дороги. И теперь ещё там частый гость. Вся инфраструктура от Оби до Красноярска — моя забота.

Наступила неожиданная пауза, которой тут же воспользовалась Эмилия Антоновна.

— Так вот, господа, если говорить о мечте, то я хочу заявить решительно, у меня никакой другой мечты нету, только чтобы Эрнест Андреевич наконец-то остановился и жил с семьёй. Я так устала его ждать, двадцать лет жду, а он всё куда-то едет, едет, потом бежит и ещё обязательно с кем-нибудь дерётся. Господа, повлияйте на своего друга! Это же не человек, а сущий скандал!

— Ждать — это профессия жены железнодорожника, потому что муж всегда в пути, — поучительным тоном

Владимир Константинович и Ольга Георгиевна Жандр

пояснила Ольга Георгиевна. — Мы жили в Вильно, там строили Палесские железные дороги, потом жили в Киеве, там тоже строили железные дороги, теперь на Оби строим Средне-Сибирскую железную дорогу. И вы думаете, что скоро не уедем куда-нибудь ещё? — Ольга Георгиевна смотрела на Александру Александровну, и казалось, будто она спрашивает именно её о своём будущем.

— Я не знаю своей мечты, — вдруг сказала Александра Александровна. — Я хотела бы встретиться с младшим братом, Романом Александровичем, он работает где-то недалеко, на прокладке Томской ветки. Пишет мне ровно две строчки: «Всё хорошо! Всё отлично! Занимаюсь балансировкой пути. Целую, твой любимый брат Рома». Вот и всё. Где живёт, как здоровье? Ни слова. Господа инженеры, если встретите моего непутёвого братца, усовестите его, пусть приедет навестить сестрёнку. Это он меня так всегда зовёт: «сестрёнка». Но это, конечно, не мечта, это желание видеть брата. У меня, наверное, нет большой мечты, настоящей. Мы с Николаем Павловичем только помолвлены, но ещё не обручены, и я не знаю, готова ли я жить в Сибири. Я хочу быть с ним, тем более он не железно-дорожник. Но Сибирь меня пугает. Меня пугает ваш город N, которого нет, меня пугает ваш энтузиазм, он какой-то неземной, меня пугает ваш народ — он совершенно дикий.

— Дикий, голубушка, совершенно дикий! — всплеснула руками и будто ужалила крапивой Эмилия Антоновна.

— Господа, а вы встречали иных, не диких? — удивилась Людмила Васильевна Алперс.

— В Томске совсем иные люди! В Петербурге, Москве, там, конечно, тоже дикости хватает, но не в такой мере! — отозвался Линк.

— Хорошо, тогда я скажу свою мечту. Позволите? — Литвинов сосредоточенно посмотрел на Обь.

— Да, Николай Павлович, даже очень интересно! — под-держал Жандр. — И сразу скажи нашим дамам, будь любезен, о нашем городе, почему они так не любят его, а мы любим.

— Да, обязательно, и о городе, конечно, скажу, — согласился Литвинов. — Дамы и господа! Наш город N... Да, сегодня Александра Александровна уже несколько раз сказала, что мы живём в городе, которого нет. Но мы живём в городе, который будет, обязательно будет. Да, сегодня нет высочайшего повеления, но город уже есть, а значит, и повеление будет. Я мечтаю, чтобы наш город стал удивительно светлым, да, именно светлым, чтобы в нём были широкие улицы, как наш Николаевский проспект, чтобы наши дети, как в Томске, все учились в школах, были грамотными, умели музицировать, как Оленин, были преданы своему городу, как наши инженеры своему делу. Я мечтаю о городе счастья, городе, в котором у всех будут равные — вы не ослышались: равные! — возможности на счастливое будущее. А это бесплатное обучение в школе и потом в университете. Бесплатное! Вы посмотрите: города ещё нет, а сколько уже сделано! Григорий Моисеевич Будагов открыл школу и до последнего времени содержал её за свой счёт! Мне жаль, что его нет сегодня среди нас, эта обидная ссора с генералом Березиным. А Меженинов Николай Павлович, он же не просто прокладывает железную дорогу, он буквально устраивает новую жизнь в Сибири, в каждом городе и посёлке строятся гимназии, больницы, церкви, библиотеки. Наш друг Жандр Владимир Константинович включил в план строительство школы, но уже построил железнодорожную школу, и во всех школах до поздней ночи работают кружки, проводятся театрализованные представления, литературные чтения!

Публика заплодировала, но всех прервала волевая Ольга Георгиевна.

— Господа, это всё пустое, все ваши школы и чтения. Вся эта чернь понимает только дубину и каторгу. Неужели не ясно: дубина и каторга! — круглые щёки Ольги Георгиевны налились красотой, как спелые яблоки.

— Ой, как вы правы, любезная! Я прямо не знаю, можно ли оперой или азбукой сделать из нашего рабочего — человека. Ведь они порою как животные, — поддержала разговор взволнованная Эмилия Антоновна.

— Несколько дней назад я выступала перед рабочими паровозного депо, — тихо произнесла миниатюрная Людмила Васильевна Алперс. — Мне помогал мой добрый супруг Владимир Михайлович, он играл на скрипке. Я исполняла очень сложную партию из оперы Пуччини «Богема»⁶², на итальянском. Господа, меня давно никто так внимательно и, скажу, проникновенно не слушал и так неистово и искренне не аплодировал. И они просили ещё петь. Нет, господа, душа у наших рабочих есть, и она... добрая. И согласитесь, мы все иногда бываем чуть-чуть, но дикими.

— Не верю, что из хама может получиться человек! Вот не верю — и всё тут. Приведите пример, ну хотя бы один пример! — горячилась Ольга Георгиевна.

— Простите, господа, — извинилась Людмила Васильевна, её глаза на красивом личике горели ярким чувством. — Но они, эти простые люди, в церковь ходят, и каются, значит, понимают, что есть добро, а что есть зло, значит, есть надежда. И почему вы отделяете их от нас? Или почему вы сравниваете их с нами? Как можно равнять? Мы родились в семьях, где родители могли дать образование и воспитание, где семейные

⁶² «Богема» Джакомо Пуччини признана одной из самых популярных опер в мире. Сюжет оперы взят из романа Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы», в котором повествуется о жизни необычайно талантливых, но весьма бедных артистов.

Будаговская школа

традиции нравственности живут столетиями, а что видели они — эти бедные рабочие и крестьяне? Халупы, холод, нищету, пьянку. Верно и очень правильно строить школы, и это могут и должны делать только грамотные и воспитанные люди. И ещё! Вот что такое народ? Если они — это они, а мы — это всё лучшее, то это не народ, это значит нет народа! Но есть нечто ужасное, некрасивое, уродливое, если хотите.

Вдруг заговорили все. И к компании стали подходить другие отдыхающие.

— Господа! Дамы! Не все сразу! — взмолился Линк. Он чувствовал себя ответственным за всё, что было вокруг, и сейчас понимал себя как руководителя. Он походил на строгого дирижёра, который пытался прекратить какофонию звуков.

— Позвольте мне, — опять попросил слово Литвинов, и все вдруг смолкли, будто давно ждали его решающего слова. — Да, вы правы, вы во многом правы, милые дамы, города ещё нет, но здесь есть желание жить! Поножовщина, пьянка, разгул и разврат, да, это всё есть, но и школы уже есть, и наши инженеры есть. И купцы, и капиталисты наши другие! Разве вы не заметили, что у нас всё другое? Они хотят видеть город и счастливых людей и вкладывают свои капиталы в развитие города. Да разве они просто купцы и капиталисты? Это люди будущего, это люди удивительные! С такими, я знаю точно, мы построим красивый, очень образованный и культурный город и назовём его Ново-Николаевском. И высочайшее прошение молодому государю уже подано! И все скоро забудут, что его звали городом N и что его не было на карте.

— Да! Правильно! Литвинов говорит здорово, он молодец! Но нашего инженера-строителя, который использовал лес на строительство школы вместо церкви, вытурили, он был уволен со службы! А это как понимать? — ударил по ноге Бобиенский.

— Дураков в России всегда хватало, и среди начальствующих лиц тоже, но этот случай — исключение, и по нему нельзя судить об общем и главном — о стремлении к просвещению, — парировал раскрасневшийся от обильной пищи Жандр.

И опять все загалдели, заговорили.

— Господа! Дамы! Покорнейше прошу вас, давайте по очереди, мы так и до поножовщины дойдём! — опять попытался навести порядок Линк.

Народ

После бурных споров отдых в устье Ельцовки наконец-то обрёл семейный характер. Дамы и господа гуляли под вековыми соснами, дети успокоились с игрушками, чей-то белый пудель наконец-то наелся воровством. Некоторые господа, подстелив тёплые пледы, уснули, храпел громче всех грузный господин, имени которого никто не помнил, но его трели смешили отдыхающих.

Литвиновы разместились под разлапистой сосною на знакомой медвежьей полости, и Николай Павлович решительно задремал, положив голову на колени любимой Александры Александровны. А та, в свою очередь, боялась пошевелиться, чтобы не нарушить нечаянный сон Николая Павловича, осматривалась кругом, наблюдая жизнь незнакомых людей. Она не могла объяснить себе, счастье ли это, обретённое на неведомом берегу сибирской реки, или случайная тайная увлечённость, маленький каприз или прихоть? И не грех ли чувствовать себя счастливой, когда не минуло сорока дней после гибели брата?

Александра Александровна внимательно всматривалась в широкий поток огромной Оби, которая несла паводковую мусть, щепу, смытые с берега брёвна и грязную, ушибленную о камни пену. Сколько лет этой реке? Куда стремится этот жёрнов времени, сколько она забрала судеб, сколько родила жизни? Зачем она, источаясь из неведомых родников, наполняясь силой и мощью, исчезает в волнах северного моря? Она похожа на жизнь, которая берёт своё начало в утробе матери, рождается и затем умирает. Зачем живёт человек, зачем течёт река, зачем светит солнце, если итог не ясен? Зачем существует мир, если он может оборваться в любую секунду и тебя унесёт, как ту щепку, в неведомую и холодную даль? И вот эти люди зачем-то зацепились за край берега реки и строят город, и мечтают о новом времени и счастье. Мечтают о времени, которое конечно, и о счастье, которого ещё нет. Какое же это счастье, когда любовь смешалась со смертью близкого человека, когда праздник омрачён кровью? Жизнь непонятна, как эта сибирская река, миллионы лет несущая свои воды просто так, без видимой причины и цели, перемалывающая судьбы, стирая память, — и только люди зачем-то думают о будущем.

Александра Александровна погладила Николая Павловича по голове, но разбудила его не она. Инженеры и их дамы начали вновь собираться под сосною. А Бобиенский, который уже изрядно отдохнул, тот вовсе гаркнул:

— Литвинов! Ты что, спишь, что ли?!

— Уже нет, — ответил Николай Павлович, — я уже давно слышу, как наша неугомонная компания опять подкралась к нам с Александрой Александровной.

— Нет, брат, так не пойдёт. Наслаждаться одиночеством будете дома, а здесь наша воля. Вставай! Тема сегодняшнего дня не окончена, не все ещё сказали о своей мечте! И ты ничего

ещё не сказал. Николай Павлович, а почему ты скрываешь от нас свои мечты? Александру Александровну выдал, а мечту прятать. Господа, согласитесь, это нечестно.

— Друзья, это неправда, я уже поведал вам мечту о нашем прекрасном городе N!

— Не лукавь, Литвинов, ты не сказал главного! — поддержала Бобиенского решительная Ольга Георгиевна.

Литвинов уже сидел, жмурился на яркое солнце и улыбался. Он встал, подал руку Александре Александровне, помог подняться.

— Николай Павлович, расскажи о главном, — попросила Александра Александровна. — Ты сегодня так много говорил, что умудрился скрыть от всех самое главное! Господа, это очень интересный манёвр: спрятать тайну за словами.

— Извольте, я могу продолжить, если это так интересно! — Литвинов поднял руку, требуя внимания. — Хорошо, господа, я признаюсь совершенно! Я собираюсь открыть в нашем городе книжный магазин, при нём бесплатную библиотеку. А когда соберусь с силами и средствами, открою типографию, в которой выйдет первая ново-николаевская газета. И знаете, почему я уверен, что газета обязательно выйдет? — Литвинов выдержал паузу. — Потому что у неё волшебное название: «Народная летопись»! Слышите, народная!

Литвинов задумался, будто не решаясь сказать нечто очень важное, но его никто не прервал, и он продолжил:

— Жить честно — трудно, а жить по совести — ещё труднее, но, господа и милые наши дамы, совесть — это тоже мания преследования, но преследования светом, а не тьмой. Вот почему вслед за нами, вслед за моей газетой будет идти свет просвещения и правды, — потому что без правды, как и без совести, жить человеку невозможно. Без совести жизнь теряет свой смысл и

важность, совесть — главное достоинство жизни и всего этого мира. Для понимания этого и нужны школы, только образованный человек поймёт, что он человек! И когда у нас появится инструмент, а газета — это инструмент, который поможет нам научиться жить по совести, то и правда станет щитом этой совести.

Стояла тишина.

— Какая чудесная речь! Господа! Это же прекрасно! — трогалась Эмилия Антоновна.

— Да, вот это мечта! — сказал задумчиво Бобиенский. — Пригвоздил, как муху булавкой!

— Я согласна, что это неожиданно! Но, голубчик мой, это очень дорого, — засомневалась Ольга Георгиевна.

— Такая мечта стоит уважения! — согласился Линк и сделал полупоклон.

— За нашу общую мечту! За город N! — воскликнула Эмилия Антоновна Бобиенская.

— За город Ново-Николаевск! — поддержала тонкая и, кажется, прозрачная Людмила Васильевна.

— Господа, я тоже хочу присоединиться к мечте Литвинова, — сказал Линк, — потому что мы смотрим в будущее. Понимаете? Мы все вместе смотрим в будущее! Но газета, господа, газета — это просто грандиозно! «Народная летопись» — это чудо какое-то! Я не знаю, удастся ли когда людям жить по совести, но стараться мы будем.

— «Летопись» звучит, конечно, красиво, Николай Павлович, но всё-таки где вы видели народ? Да, я слушала трогательную Людмилу Васильевну, но позвольте не согласиться, это всё такой сироп, особенно про совесть и правду. Вы же не мальчик, в конце концов, — возразила Ольга Георгиевна.

— Хорошо, — взволнованно продолжил Литвинов. — Я скажу, как я рассуждаю. Не обессудьте, если кому

Отдых на берегу Оби

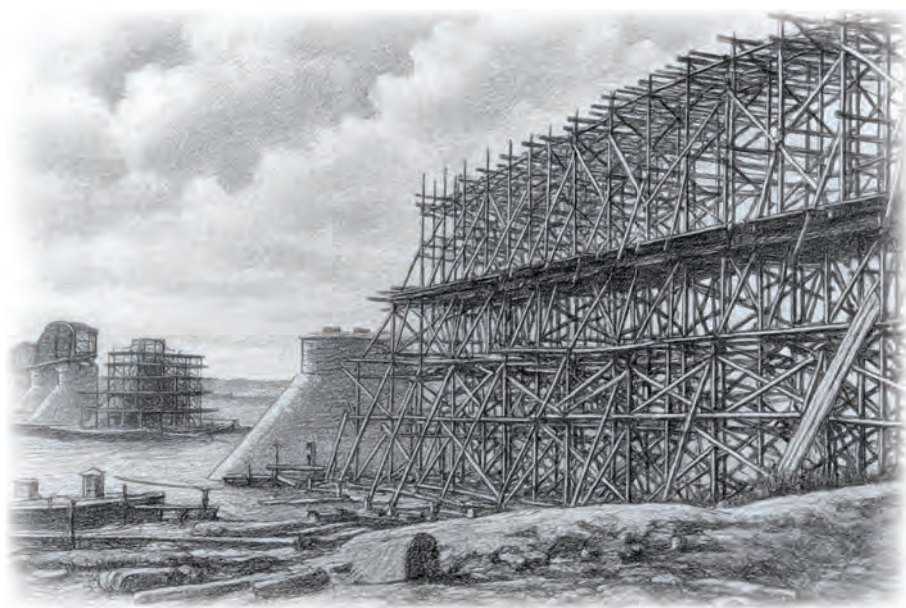
не понравятся мои мысли. Но если мы считаем себя народом, то есть лучшими, не просто населением, а народом, то есть теми, кто движет общество по пути прогресса, то эта избранность даёт нам только одно право: помогать населению становиться народом — не обывателями, жаждущими удобств, а народом! — становиться лучшими и учиться служить общим заботам! Не они нам служат, а мы им служим, — вот что такое народ и его лучшие представители, вот в чём заключена избранность. Лучшим позорно иметь привилегии, привилегии могут быть только у бедных и необразованных, некультурных, а наша привилегия и состоит только в том, что мы им обеспечиваем, открываем, если хотите, строим дорогу к богатству знаний! А в жизни почему-то всё иначе! В жизни многим хочется, чтобы люди ничего не знали, но работали, как волю, безропотно, а ещё лучше если молча. В нашем обществе, особенно среди аристократии, считают, будто им все должны уже за то, что они воспитаннее и грамотнее прочих. Господа, но это же глупость! Отец и мать отдают свои знания, опыт и свои силы детям, так и аристократия должна стать отцом и матерью, а не бичом и каторгой. Мы же всё перепутали! Если ты велик и благороден, значит, ты способен на жертву, а если не способен на жертву, то при чём тут твоё воспитание и образование и какое оно имеет значение для людей? Ты просто дикарь, неуч, хам. Или я не прав?

— Вот, Николай Павлович! Хамы и чернь всё-таки есть!

— Есть любезная Ольга Георгиевна, есть, но они точно не те, кого вы считаете чернью. Я сейчас говорил о светской черни⁶³, вторя гению. Светская чернь, Ольга Георгиевна, страшнее любой подзаборной черни.

— Я всегда знала, что вы гроза женщин!

⁶³ Словосочетание «светская чернь» употребляет А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин».

Строительство железнодорожного моста через Обь

— Это не я, это Пушкин. Но главная мысль — прекрасна!

— Главная мысль прекрасна! — выступил вперёд решительно Владимир Александрович Линк. — Избранным может быть только тот, кто способен стать на жертвенный путь ради людей, ради всех людей, без исключения. Вот она, истинная избранность. Если ты дворянин, то сословное положение уже обязывает тебя служить людям! Но ведь прав Литвинов, избранные требуют себе служения! Надо взять камень и разбить это кривое зеркало избранности, чтобы узреть не химеры, а настоящие идеалы, чтобы и другие люди через образовавшиеся дыры увидели настоящий мир и научились нас понимать. Вот что должно стать мечтой народа и всего самого образованного и культурного человечества. Правильно я понял вас, Николай Павлович? Избранный не может быть бессовестным, избранный может жить только правдой!

— Быстро сказка сказывалась, — буркнул Жандр. — Владимир Александрович, а как реально это должно выглядеть, как осуществить благородное дело? Вот без фантазий и грёз?!

— Это просто, это я ещё в гимназии знал: недоволен — возражай, возражаешь — предлагай, предлагаешь — делай, делаешь — отвечай, не готов отвечать — сиди на печи и молчи, и не морочь людям голову!

— Правильно, потому что ты ещё не народ, а только население!

— Гениально! — Воскликнула Ольга Георгиевна. — Никогда не слышала ничего подобного! Но всё разумно. Кто пойдёт по этой лесенке, тот сразу обнаружит, кто дворянин, интеллигент, а кто сопляк. А если болтун...

— Дальше мы знаем, Ольга Георгиевна, — того дубиной и в каторгу. И это тот редкий случай, когда мне с вами хочется согласиться, — улыбнулся Линк.

— Подождите, господа! — слово взяла Александра Александровна. — Дайте я скажу. Мне кажется, что сейчас я очень

многое поняла иначе, чем прежде понимала! Я хочу сказать, мне это важно. Господа, я не знаю, как сложится наша жизнь завтра, и этого никому нельзя знать, но то, что я никогда не забуду вас, ваш город и вашу веру, какую-то безудержную веру в счастливое будущее, это совершенно точно. Это незабываемо! Я думаю, что мы уже счастливы, потому что идём к счастью. Мы, нет, не мы, а вы знаете, где оно, а значит, найдёте его! Вы удивительные люди, многие из вас родом из Петербурга или учились там, но поверьте, в Петербурге таких людей, как вы, я не встречала. Видимо, Петербург расцветает в Сибири во всю мощь своего благородного сердца! Понимаете? Россия, та древняя Россия расцветает здесь, в молодой Сибири! И потому что вы здесь, и я здесь, но это же не случайно! Я буду участвовать и в открытии первого книжного магазина, и бесплатной библиотеки. И, конечно, газеты! У меня внушительное состояние, я способна сделать многое. Мне очень нравится ваше новое название — Ново-Николаевск, потому что мой супруг Николай. И как это прекрасно, когда мужчины строят новый мир!

— И дорогу в этот новый мир!

— Господа, но всё же это не так! Почему опять мужчины?! — возмутилась Ольга Георгиевна. — Я тоже хочу с вами!

— Да, — вдруг очень громко сказал Бобиенский, — нашим жёнам очень тяжело, но и отдадим им должное в строительстве железных дорог России. Как без их поддержки выдержать все невзгоды и трудности. Возможно ли нам жить и трудиться без веры женщины? Будут ездить люди по нашим рельсам, им будет комфортно, они даже не будут знать, что в каждой версте, в каждой шпале и рельсе слёзы терпения наших жён! Прекрасные слова Оленина: «Мы приехали в Сибирь созидать Россию!»

— Господин Бобиенский, это вы сказали сейчас?

— Да, я.

— Но почему вы? Вы же не русский!

— У меня семья русская! И если бы не семья, я бы сдох, как собака, не выдержал, если бы меня не ждала семья — моя жена и дети!

Наступила тишина, даже онемение. И вдруг Линк тихо произнёс:

— Три года назад здесь, на этом берегу прекрасной Оби, появились наши инженеры, три года назад прозвучали знаменитые слова Оленина. А сейчас я понял ещё большее! Предлагаю тост. Предлагаю поднять тост за Николая Александровича и Александру Фёдоровну Романовых — не очень русских царей, за Владимира Жандра — француза, за Бобиенского — не очень русского поляка, за Будагова — не очень русского армянина, за меня, не очень русского немца, за Оленина и многих других очень русских инженеров, которые приехали на этот берег Сибири, чтобы созидать Россию. Мы сильны, пока вместе. За Россию, господа!

— За Россию! — подхватили отдыхающие.

Обь привычно текла в Северный Ледовитый океан, солнце летело с востока на запад, тёплый юго-западный ветерок бежал на северо-восток, деревья тянулись к солнцу, склонялись под ветром и пили подземную влагу, а люди хотели счастья.

— Ну сегодня и денёк, столько новостей! И каких удивительно прекрасных! — заметил всё это время вдумчиво молчавший Владимир Михайлович Алперс, немногословный и малоподвижный человек, рядом с которым его миниатюрная Людмила Васильевна смотрелась юной девушкой. Он глубокомысленно сжал губы и произнёс: — Значит, нужно спешить, господа!

— Но куда и зачем спешить? Опять беспробудная суета! — не согласилась категоричная Ольга Георгиевна. — Сказано же вам: «Что было, то и будет; и что сделано, то и будет делаться,

Пикник

и нет ничего нового под солнцем»⁶⁴. Делай — не делай, а будет всё то же!

— Да, — ответил Владимир Михайлович, будто не на слова Ольги Георгиевны, а на свои мысли, — жизнь действительно суета, но спешить всё-таки нужно.

— Господа, не богохульствуйте! Если жизнь, как вы утверждаете, суета, то выходит, что Бог создал глупость?

— Господа, не надо вольнодумничать, а не то скоро обявят нас неблагонадёжными и попрут с работы! Будьте внимательны в словах, — горько усмехнулся Бобиенский.

— Господа, — заговорил Литвинов, — спешить надо уже потому, что жизнь человеческая коротка, а любовь к Родине сильна! И любовь наша — это не вздохи-ахи, не причитания, и даже не молитва, а конкретные и реальные дела. Нужно спешить, чтобы успеть как можно больше сделать для Родины, а это значит — сделать для людей. И не только железную дорогу, что крайне важно для развития Сибири. По этой дороге должны пойти знания, культура, духовность, правда и справедливость. Без такой задачи железная дорога не нужна, без нравственного подъёма Сибирь навсегда останется дикой страной, даже если мы у каждого пенька построим заводы и фабрики, мельницу или кузню, если засеём эти просторы пшеницей, — Сибирь без души, чистой и светлой, останется диким и невежественным краем.

— Да, друзья, сегодня всё как-то по-особенному. Видимо, из-за того, что в нашем полку прибыло, из-за вас, наверное, Александра Александровна, — сказал Линк.

— Нет, Владимир Александрович, дело не во мне. Хотя мужчину делает женщина. Я сегодня очарована Николаем Павловичем!

⁶⁴ Из Книги Екклесиаста (1:9).

— Ура! Друзья! Это любовь! — закричал Бобиенский.

Аплодировали бурно, потом вдруг все смолкли.

— И всё-таки что-то сегодня изменилось, но что, господа?! — вдруг спросил Линк.

— Смотрите, мы приехали все в разных экипажах, но теперь мы оказались вместе. Разве это не случилось? Разве это не праздник? Будем гулять и наслаждаться тёплым вечером, — предложил Литвинов.

— А я предлагаю соревнование! — предложила Александра Александровна. — Мы должны выяснить, кто среди нас лучший стрелок. Вы же зачем-то носите с собой оружие? Я обожаю стрелять из револьвера!

— Наш человек! — сказала Ольга Георгиевна и съела толстую колбаску.

ВЫСТРЕЛ

На голое бревно, видимо вынесенное вешними водами на песчаный берег Оби, выложили камушки разной величины и цвета. Вся публика, приехавшая отдыхать в устье Ельцовки, собралась на импровизированном стрельбище.

— Господа! У кого есть оружие, прошу к барьеру!

Поразительно, но оружие оказалось у всех инженеров.

— Господа, — удивилась Ольга Георгиевна, — у меня такое ощущение, что я оказалась в компании головорезов! Но прошу стрелять только по мишеням.

Николай Павлович сел на пень, он просто наблюдал за предсоревновательной суетой. Свой револьвер он безоговорочно

и с большой охотой отдал Александре Александровне, тем более стрелял он скверно.

— Господа! Держите оружие стволами вниз, будьте осторожны! — командовал Линк.

Но вдруг на реке появился плот из нескольких брёвен. На нём стоял человек с шестом в руке. Человек на плоту, видимо, не ожидал увидеть здесь людей и замер, вглядываясь в берег.

— Осторожно, господа, человек на реке! Не стрелять! — приказал Линк.

— Да это же Мизгирь, — прошептал кто-то. — Удрал душегубец!

Да, очевидно это был Мизгирь, потому что никто более не носил полушубок, вывернутый наизнанку, и лохматую высокую шапку.

Течение быстро несло преступника по реке. Мизгирь очнулся первым, он понял, что недосыаем, и начал греметь смехом и показывать неприличные жесты. Ругательства с плота лились потоком.

— Господа, я его сейчас убью!

— Эрнест, не бери грех на душу, прошу тебя, у нас четверо детей!

— Ну-с, Николай Павлович! Начинай воспитывать это животное! Что, изволишь ему стишок прочесть или, может, споешь на пару с Людмилой Васильевной? — злилась Ольга Георгиевна. — Не только дамы, но и дети слушают его сейчас! Позорище!

И вдруг раздался выстрел. Пуля сбила папаху с Мизгиря, и та упала в воду.

— Прекрасный выстрел, Александра Александровна! — похвалил Линк.

— Как вы его ловко заткнули! Просто прелесть! — восторгалась Эмилия Антоновна.

Мизгирь пытался выловить шапку из воды, он топтался на самом краю плота, орудуя шестом.

— Чтоб ты сдох, гад, — прошептал кто-то на берегу.

— Господа, это не по-христиански, — возразила Эмилия Антоновна.

— Зато по совести, — не согласилась с нею Ольга Георгиевна.

И вдруг Мизгирь поскользнулся и упал в воду.

— Господа, наш оскорбитель, кажется, тонет!

— Теперь мы его возьмём! — обрадовался Бобиенский и направился вдоль реки, предполагая, что Мизгирию теперь спасение есть только на берегу.

За Эрнестом Андреевичем поспешили и другие мужчины. Но скоро вернулись.

— Что случилось? — спросили дамы. — Где преступник?

— Нет преступника, всё-таки удрал, — ответил Жандр.

— Да как же он мог удрать, господа?

— Утонул, гад! Видимо, шуба намокла и утянула его на дно.

Удрал, от каторги удрал! — опять посетовал Линк.

— Надо же! Человек утонул, и не жалко!

— Вот так их надо воспитывать! — воскликнула довольная Ольга Георгиевна. — А вы им школу, азбуку! Топить их надо и в каторгу!

— Господа, я понимаю, что всё это крайне неожиданно и курьёзно, всякая гибель человека — это всегда трагедия, но разве не он себя наказал? Разве не он загубил двух человек на базарной площади, разве не он сейчас оскорблял нас и наших дам? Пустая жизнь закончилась справедливым приговором. — Линк повернулся к Ольге Георгиевне, но обратился ко всем: — Да, вы правы, таких ни грамота, ни театр не спасёт, а каторга может защитить нас от подобных субъектов, это верно, но давать людям, а особенно детям, возможность стать

людьми благородными духом — это наш долг, человеческий долг. А потому школы мы строить будем, театры тоже, и библиотеки, и когда-нибудь наш город прославится не бандитами, а умом и талантами!

Все молчали, смотрели на пустую Обь, на которой уже не было видно бревенчатого плота.

— Ну что ж, друзья, пора домой! — предложил Литвинов.

— Да, конечно, испортил, гад, настроение! — поддержала Эмилия Антоновна. — Но я теперь знаю, чем вы, Александра Александровна, влюбили в себя нашего красавчика Николая Павловича!

— И чем же, откройте секрет, — любопытствовала Ольга Георгиевна.

— Решительностью, любезная! Решительностью!

ЧАСТЬ 4

Новониколаевскъ.

Объ

Сход

Трудно жилось в Ново-Николаевске, заработки хорошие, а порядка нет. Как по горке, скатились в него мастеровые за «длинным рублём», переселенцы с рачительными кубышками, чтобы строить новую жизнь, ушлые крестьяне начали промышлять торговлей. А за ними, как мухи на мёд, прикатили лихоимцы всякого рода: каторжане, воры, люди, полные страсти поживиться, ограбить, а если потребуется, то и убить ради корысти своей и сладкой жизни, — замес, в котором доброму обывателю жить становится опасно.

Рабочий, черновой люд жил на берегу речки Каменки: кто-то вкопался в обрывистый берег, кто-то соорудил нечто похожее на тёплый сарай, а были и совсем лачуги, в которых жить нельзя. Но люди приспособились — и выживали, много пили, но каждое утро, а зимой потемну, брели строить город, с хмельным ещё духом, но всё ещё крепкими и мастеровыми руками, готовыми дробить камень, укладывать его в основание нового дома, пилить, строгать, изгоняя из себя, будто беса, ночную неуютную дрожь похмелья.

Однако с начала строительства моста через Обь минуло три года, посёлок продолжал расти и насчитывал уже более пяти тысяч жителей, и чем дальше от Каменки, к центру и станции Обь, где обосновались железнодорожники, тем крепче строились дома, основательнее, каждая усадьба с плотным забором и массивными воротами, будто всякий хозяин хвастал перед людьми то ли своим достатком, то ли рачительностью, но ворота из брёвен в мужицкий обхват порою возвышались над домом и верхняя балка позволяла проехать всаднику,

не склонив головы. Такие дома походили на каравай ржаного хлеба, доброго, с хрустящей пропечённой корочкой.

Тополя, высаженные вдоль улиц, уже давали тень в жаркую июньскую погоду, тротуары поднялись над сливной канавкой, а прозрачные палисадники, будто праздничные корзины, наполнились молодой акацией, рябиной либо пышной сиренью. То здесь, то там виднелись голубятни над сараями, они, как пожарные башни, возвышались над округой, и всё источало свежесть жизни, потому что стариков в домах было мало, не успели ещё назреть в молодом городе.

Ещё в декабре 1895 года на сходе жителей было принято ходатайство о переименовании посёлка в Ново-Николаевск с прошением к губернатору о преобразовании посёлка в «посад или город». Приговор⁶⁵ подписали более тысячи человек. Для вручения прошения томскому губернатору избрали специальную делегацию; в неё вошли купец-часовщик Яренский, мещанин Шапкин и крестьянин Попов, которым сход поручил «явиться пред всеми должностными лицами и правительственными учреждениями, где то потребуется».

Но не жалуют губернские власти растущий не по дням, а по часам город, полицейский и десять стражников не справляются ни с регистрацией пришлого люда, ни с наведением порядка. Ходатайство легло под сукно в губернском Томске. Так и мучаются люди: работа есть, заработок есть, а жизни нет. И не только простые люди страдают, но и богатые, на сторожей и охрану расходы несут великие.

В следующее лето озаботились жители своим спасением от безвластия и по согласованию с приехавшим губернским

⁶⁵ Так в царское время называли решение, распоряжение Боярской думы, бояр, Земского собора (приговорная грамота), центральных и местных правительственных учреждений, народных собраний и ополчений (приговорная запись). Приговор мог являться самостоятельным документом, а также мог быть составной частью судебного дела.

окружным исправником решили провести всенародный сход и выбрать старосту «поимённым голосованием». По улицам и дворам степенно пошли стражники с сообщением, что в среду⁶⁶ после обедни около молитвенного дома свершится сход жителей посёлка по выбору старосты и его поверенных в делах.

Тот день выдался сухим, но пасмурным. С Оби тянул тёплый ветерок, плотные облака плыли высоко, не обещая дождя. Мужики толпились кучками, курили, говорили, а где-то уже и спорили. Женщин было мало, женщины права голоса не имели, а потому визга и скандалов не ожидалось. Недалеко от съезда Кабинетской с Николаевского проспекта, там, где задумали строить каменный храм во имя святого благоверного князя Александра Невского, начали собираться жители посёлка, на возвышенном месте был сооружён невысокий помост для официальных чинов и выступающих. Но прежде ударили колокола, стучали перезвоном, приглашая людей на доброе дело.

Люди отметили, что собралось вполовину меньше, чем на прошлый сход, но оттого шума, разговоров, а где-то и брани, и смеха не стало меньше. Не всем сподручно было прийти, потому как день будний, день рабочий.

— Калину собирал? — спросил один, чтобы уж совсем не молчать.

— Рано. Пусть ещё повисит, повянет, мёда наберётся, — ответил другой.

— Много рябины — зима холодная, — всё в том же тоне отозвался первый.

— Врут, — ответил второй.

— Врут, а дров готовить надо больше, — заметил первый.

⁶⁶ Сход жителей состоялся 12 августа 1896 г.

Водовоз

— Знамо, больше, вреда не будет. А вдруг и впрямь жажнет под сорок, деток морозить не будешь. Правильно?

— Так я о том же, да и баба тоже человек.

— Моя — зверь, люди такими не бывают, — вздохнул первый.

— Бывают, люди всякими бывают, — задумался второй.

— И то верно, — согласился первый. — А жить всё же тяжело.

— А когда жизнь лёгкой была?

— И что теперь делать?

— А ничё! Жить хочешь, люби что есть.

— И то верно, по-другому не выжить.

На помосте появился томский полицейский исправник⁶⁷ Попов, оглядел толпу, обской простор с тёмной полосой левого берега, опустил взгляд на прикатанную грязь проспекта.

— Сей сход надобен нам, дабы возбудить всем миром ходатайство, обращённое к его превосходительству начальнику Алтайского горного округа господину Болдыреву, повергнуть к стопам его императорского величия всеподданнейшее прошение жителей Ново-Николаевского посёлка, дабы повелено было названный посёлок переименовать в город и наделить его землёю под усадьбы и выгон скота, с правом именоваться вновь образуемому городу в виде особенной милости Ново-Николаевском, по имени его императорского величества государя императора. Ново-Николаевск до сего дня не имеет никакого общественного устройства, почему нет возможности позаботиться о благоустройстве посёлка, в котором по улицам и площадям невозможно безопасно ездить, так как на каждом шагу встречаются пни, того больше, нет общественной больницы,

⁶⁷ Исправник — должностное лицо полицейского управления в России в 1775–1917 гг. После реформы 1862 г. руководил сельской и городской полицией уезда.

Исправник

и даже полиция содержится на случайные, — здесь исправник задумался, но скоро продолжил, — добровольные взносы обывателей. По сему, дабы упорядочить жизнь до Высочайшего рескрипта, предлагаю избрать кого-нибудь старостой Ново-Николаевского посёлка.

И толпа будто проснулась, зашевелилась, зашумела.

— Так его и кормить нужда будет?!

— Да, жалование нужно, работа великая.

— Знать, нахлебничек!

— Поскрёбыш!

— Дармоед!

— А кого сам хочешь?! — крикнул кто-то.

Полицейский исправник будто ждал этого вопроса.

— Я предлагаю известного всем купца Яренского и в помощники ему домовладельца Попова. Вам на выбор. Можно напротив — старостой Попова, а помощником Яренского. И тот и другой люди здравого рассудка и трезвые. — Исправник остался недоволен собой, уж очень неумело и быстро высказал фамилии кандидатов. Надо было подготовить кого, чтобы выкрикнули эти фамилии из толпы. Но слово не птичка: вылетело — не поймашь.

— Хрен редьки не слаще!

— Ага! Уголь сажи не белей!

— И чёрт дьявола не лучше!

— Не нужны нам твои!

— Попов-то никак твой родственничек?!

— А почему Кабинет на содержание не берёт?

И загудел сход, заволновался, не понравилось людям, что полицейский исправник своих протаскивает и даже скрыть не сумел, а тот такого дружного неприятия не ожидал и теперь казался обескураженным и даже растерянным. Но вдруг на помощь пришёл местный извозчик, крикливый, но во всём справедливый Старостин Иван Егорыч.

— Люди добрые! — зашёл на деревянный помост Егорыч. — Вы меня знаете, никого не обманул никогда и теперь хочу сказать правду.

— Валяй, Ваня, нам и не такие песни пели!

— Шуметь и кричать мы могём и до утра, а если ты меня ещё раз сбивать вздумаешь, я тебе зуб выломаю. Я с людьми вышел говорить! — продолжил Иван Егорыч. — Я здесь с первого дня, почитай, полвека в Кривощёково прожил, раз двадцать под затоплением был, но порядок среди нас завсегда был прочный. А теперь живу вроде и высоко от воды, а покоя нет! Если кого знаете, и чтобы человек был серьёзный, и к народу ближе, говорите. А вдруг кто и сам хочет? Нам нужно многое поправить. Вечером на улицу не выйти: разбойники, кабаки с девками без присмотру общественного, наш брат, извозчик, порою в смертушку пьян. Опять-таки дороги без стоков, деревья вырубili, а пеньки на каждом шагу, бочки водовозов грязные, ямы выгребные текут улицами! Трупы убрать некуда. Негоже так жить людям. И если кандидаты господина полицейского исправника не нравятся, говорите своих! Но говорите человека порядочного, строгого и честного, и чтобы дом у него был, и семья, и дети, а не залётная какая птица!

И опять зашумела толпа, задвигалась, забурила и вдруг:

— А есть такой! — гаркнул кто-то из толпы. — Знаем мы его! Титлянов Илья Григорьевич! — К помосту подошёл мужик с окладистой и ровно стриженной чёрной с проседью бородой, известный на весь посёлок отменный кузнец. Он снял с головы кепку и потряс ею над головой. — Илья

И. Г. Титлянов

человек поведения должного, под судом и следствием не состоял. Служил писарем, значит, грамотен и порядок знает, а предлагаю я его как человека, хорошо мне известного, и также крестьянина, всем весьма доступного. А в помощники его предлагаю евонного соседа, тоже крестьянского рода, Дмитрия Налимова. А Попов с Яренским личности известные, добрые мужики, хозяйственные, но дюже привередливые для своей выгоды, нам мало что перепадёт. А ты, господин исправник, обиды не держи, на то он и сход, чтобы всем миром приговор чинить.

— Им уже поручали ходатайствовать, а воз и ныне там! — крикнул кто-то из толпы.

— А давай тебя! Тебя-то мы всякого знаем! — поддержал иной голос.

— Точно, Емелю-кузнеца! Он и выпить, и подковать горазд! Наш человек!

— Емельянушка, иди на царство! Не робей!

— Какой из меня староста? Нет грамоты и другой способности. Вот подкову гнуть могу, а править — упаси Бог, это не железку крутить в бараний рог.

— Давай Титлянова сюда! Где Титлянов?!

— А Титлянов лихоимец ещё тот! Вор он! При кабаке полушку ломит!

— А кто сказал?! Рыло, твою мать!

— Да, он своего не упустит, и мать его жидовка!

— Ты на кого руку поднял?

— Заткнись, гад!

Поднялся гвалт несусветный.

На помосте появился худощавый мужичок, невеликого роста, но с усами, будто пики торчат, брови гуще леса заросли и взгляд острый и умный.

— Говори, Илюша, как нами править будешь?!

— Коль выберете, то на себя потом пеняйте, спуску никому не дам, порядок люблю! — и погрозил кулаком.

— Во! То разговор, с нами по-другому нельзя! — голос из толпы.

— С охотой ли идёшь или по принуждению? — иной поддержал первого.

— Приемлешь власть над нами?! — спросил ещё голос.

Посмотрел Илья Григорьевич на толпу бурлящую, тёмную, на обскую полосу серебряной воды, на небо сизое и высокое и выдохнул, будто поклялся:

— Принимаю!

На том и закончился сход, приговор избирательного собрания подписали 677 домохозяев, прочие отказались, не все подписали из тех, кто пришёл, но подавляющее большинство. Свобода выбора — это когда с добром и одобрением. И тут же враги родятся, прежде прячутся, а потом нож в спину.

После схода Иван Егорыч пришёл домой, умылся и неспешно уселся за стол.

— Так вот, супруга моя, Настасья Петровна! — уверенно произнёс Иван Егорыч. — Помог я господину полицейскому исправнику Попову сход провести. Среди людей говорить, с помосту. А зря меня старостой не избрали, я бы согласился. А Илюша личность тёмная, и вся дрянь за него глотку драла. Почему это они так за него уцепились? Никак он им по чарке обещал. Илья может, он не смотри, что мал, он — дёрзкий.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Осенью того же 1896 года договорился Литвинов с купцами барнаульскими, братьями Ворсиными, и женой барнаульского же мещанина Раисой Олюниной получить участок земли под книжный магазин в самом начале соседнего

квартала⁶⁸. Упрямая задумка и уверенная помощь Александры Александровны заставляла спешить к осуществлению мечты — открыть в Ново-Николаевске первый книжный магазин. Магазин решили строить деревянный, из соснового бревна, с подвалом и большими окнами. Планированием магазина, внутренним расположением прилавков и печей занимался сам Литвинов. Стройка увлекла его с азартом, и, пока Александра Александровна ездила в Петербург улаживать свои наследные и финансовые дела, Николай Павлович погрузился в изучение строительного вопроса и вычисление затрат на стройматериалы. К возвращению любимой он был готов, как школьник к экзамену, более того, его просто разрывало от нетерпения рассказать свои задумки, а более — похвастать своей смекалкой. И уже на третий день он разложил на круглом столе в зале первого этажа листки бумаги с желанием поведать супруге свой рачительный талант.

В то же время Александра Александровна вынашивала иные планы и надеялась увлечь Николая Павловича разговорами о Петербурге и увезти его из неуютной Сибири навсегда. Но когда она увидела на столе аккуратно выполненные чертежи дома, фасада, внутренней расстановки, а более горящие глаза любимого человека, то поняла, что в Сибирь уехать проще, чем из неё вернуться. Она присела к столу, положила руки на чертежи и прошлась некоторой дробью по ним своими пальчиками, такими тонкими и красивыми, отчего Николай Павлович всегда приходил в полный восторг. И теперь шагнул к ней, взял руку и поцеловал.

— Николай Павлович, будь серьёзней, — отняла руку Александра Александровна. — Позволь, начну я. Дорогой мой супруг, —

⁶⁸ Сегодня на этом месте (ул. Советская, 6) находится Новосибирская государственная областная научная библиотека.

Дом И. Г. Титлянова

она опять прошлась взволнованной дробью по листкам, — другой, — повторила она, — прошу внимательно выслушать меня.

— Не надо. — Николай Павлович опять поймал руку любимой. — Я не поеду в Петербург, не мани и не зови.

— Ты меня всегда пугал своей способностью читать чужие мысли! Это ужасно! Но сейчас это не главное. Ты должен понять, что там все деньги, там столица, у меня большие связи, я знаю таких людей, которые помогут нам начать любое дело! Это министры, руководители департаментов, люди, приближённые к его императорскому величеству. Ты понимаешь, какая у тебя может быть перспектива?

— Нет, не представляю...

— Там нет грязи, там чудесные дома, там Невский проспект, там электричество и вода в доме!

— А здесь Сибирь. Я позволю себе не согласиться. Надо понять сердцем, что мы здесь нужны и наш книжный магазин здесь будет важнее, чем такой же в Петербурге. Здесь мы важнее, а там и без нас людей хватает.

— Нет! Это уже невозможно слушать! — Александра Александровна встала и подошла к окну.

А за окном шёл холодный мелкий дождь. Он походил на питерский, такой же мелкий и долгий, холодный и дробящий подоконник, и, если бы не железная дорога и строящаяся на берегу Оби высокая мельница за окном, трудно было бы отличить прозрачные слёзы на стекле от таких же на питерских окнах. Редкие деревья уже стояли голыми и оттого казались несчастными и одинокими, — вот такое же чувство одиночества сейчас испытывала Александра Александровна. Рядом остановился Николай Павлович, он тоже смотрел в окно, на рябые и переполненные лужи, и вдруг листик, яркий, жёлтый, метнулся в окно и прилип к влажному стеклу.

Они стояли рядом и смотрели на это яркое пятно на стекле.

— Кленовый, — произнёс Литвинов.

— Одинокый, — ответила Александра Александровна.

— Ну почему же? Её любимый где-то рядом. Видимо, она бросила его?

— А может, это он бросил её, откуда ты знаешь?

— Нет, это она убежала от него, — уверенно кивнул Николай Павлович.

— Отчего так уверен?

— Она красивая, от таких не убегают.

И вдруг рядом о стекло ударился ещё один лист, пополз вниз, но будто зацепился за что-то и замер. Он был красным с полужелёным уголком.

— А вот и он, — удивился Литвинов.

— Догнал, — засмеялась она и посмотрела на Николая Павловича.

Потом они обнялись и долго целовались, нисколько не стесняясь того, что на них смотрели два совершенно мокрых кленовых листка.

Скоро они пили чай, пили молча, иногда смотрели друг на друга, потом улыбались каждый своему.

— Ты надо мной смеёшься? — спросила она.

— Нет, над собой.

— И что же в тебе такого смешного?

— Я влюбился, как мальчишка. Разве это не смешно? Мне иногда кажется, что я поглупел. Почему любовь делает человека глупым? Это ужасно, и это совсем не смешно.

— Нет, это всё потому, что я хорошая.

— Разумеется. Ты сказала о своих великих знакомствах, а у Ново-Николаевска есть большие трудности. Мы строимся на землях Кабинета Его Величества, землю берём в аренду на двадцать четыре года, и это становится причиной, сдерживающей развитие нашего города. Надо получить разрешение

от царя на право покупки земли, а лучше, если бы он выделил земли под город безвозмездно. Это бы стало ещё большим поводом для начала коммерческих и заводских дел. Я готов был бы поехать в Петербург с прошением от жителей Ново-Николаевска, если бы у меня была возможность или протекция кого-нибудь из членов правительства.

— Николай Павлович, у тебя совесть есть? — Александра Александровна задумалась на секунду. — Хотя, хорошо, давай по-деловому, я договариваюсь о встрече с кем-нибудь из членов правительства, например с министром финансов Витте Сергеем Юльевичем, он курирует строительство Сибирской дороги и близок к царю, — ты решаешь вопросы своего любимого города, и мы уезжаем в Петербург навсегда!

— У тебя есть такие связи?

— Отнюдь, но у моего Беккера были связи, и я, надеюсь, смогу их восстановить через наших друзей.

— Нет, это слишком большая цена... Торгуешься?

— А как же. Сегодня время деловых людей.

— Но ты моя жена!

— Я деловая женщина и жена.

— Но жена идёт за мужем, а не наоборот. Куда иголка, туда и нитка!

— Николай Павлович, не начинай, а то денег на магазин не дам.

— Но это уже... нечестно!

— Знаю, а потому показывай свои чертежи, не зря же ты всё это рисовал. Но магазин оформлять будем на меня, а ты будешь управляющим.

— Я согласен! Только прошу... про деньги... это нехорошо, это унижительно.

— Знаю, прости, пожалуйста, — Александра Александровна примирительно погладила Литвинова по руке. — Не дуйся, поведай мне свои планы.

— Да что-то настроения нет. Давай после.

— Не капризничай, я же уже попросила прощения. Ну, рассказывай. И не думай, я тебя одного не оставлю, ты мой. В Петербурге таких нету.

— Ты смотрела?

— Да, насмотрелась, пока твои задания выполняла. Кстати, я привезла тебе список твоих будущих поставщиков книг и даже познакомилась с одним пройдохой, он готов поставить тебе печатный станок, кажется английский.

— Станок? Но зачем мне печатный станок? — удивился Литвинов.

— Открытки печатать. Привыкать к печатному делу. Ты же газету задумал, вот я и позаботилась.

— Да скажи толком, какие открытки?

— На Рождество, Святки, Радуницу⁶⁹.

— А что, на Радуницу поздравляют? Или ты так шутишь?

— Это я так шучу, — Александра Александровна изобразила улыбку.

— И всё-таки интересная мысль — открытки! С видами Ново-Николаевска!

— Понимаю, это теперь ты шутишь! Города нет, а открытки с видами города будут. И совершенно забыла сказать, что первая партия книг уже в дороге, но по моему вкусу, прежде я читать буду, а после в магазин твой отдам. Ещё едут коньки и для тебя, и для меня, мяч резиновый... что-то ещё. Да, вспомнила, мольберт, холсты, карандаши цветные и краски.

— А краски зачем?

— Я буду рисовать. Что ещё прикажешь делать в этой, прости меня, дыре? У меня когда-то недурно получалось, особенно

⁶⁹ Радуница (Радоница) — день поминовения усопших в православном календаре.

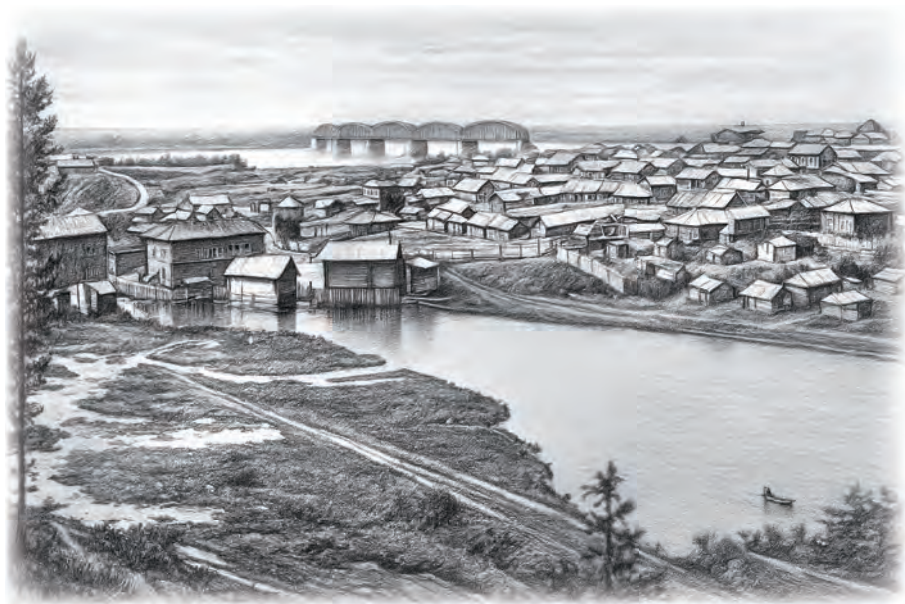
пейзажи и натюрморты. Я буду рисовать, а ты — продавать мои произведения в своём магазине. И как тебе моя идея?

— Даже не знаю, неожиданно всё это. В Ново-Николаевске катастрофически не хватает врачей, и я вынужден вести приём больных, который в то же время выгоден мне изрядным доходом. Однако я думал, что ты займёшься просвещением. Здесь также не хватает учителей, а ты, кроме знания трёх языков, ещё и музицируешь прекрасно, знаешь нотную грамоту.

— С детьми? Да упаси боже! Они же шумят и бегают. Впрочем, может быть, и решусь. Иначе я здесь умру от скуки.

Для Литвинова вдруг стало многое очевидным. Что любовь не заменит приобретённых привычек. Что светская жизнь — это то, чем жила Александра Александровна, и именно этого в Ново-Николаевске нет, собственно, чтобы она появилась, ещё предстоит очень многое сделать. Николай Павлович даже растерялся оттого, что Александра Александровна вернулась к нему совершенно другой. Он вдруг понял, что она увидела Ново-Николаевск не только как увлечение супруга, но уже и как препятствие, и её больше всего поразило, что этим препятствием стал город не просто с туманным будущим, но с совершенно грязными улицами и диким народом. Поездка в Петербург будто провела границу между восторгом первых встреч и семейной жизнью. И вот, когда, кажется, надо начинать жить, выяснилось, что она, его любимая женщина, имеет совсем иное представление о будущей жизни и что от своих планов перевезти его в Петербург она, очевидно, не откажется. И ему предстоит сделать нечто совершенно оригинальное, чтобы отношение Александры Александровны к городу N изменилось и она захотела бы жить здесь.

В это время Александра Александровна думала иное, она возмущалась несовершенством мира. В прошлой жизни было

Вид на Обь с левого берега Каменки

всё очень красиво, но со старым мужем, а теперь, когда она познала, что такое любовь близкого человека, когда она буквально открыла для себя ещё одну сторону семейной жизни, жить приходится в чёрт знает какой дали от роскошного четырёхэтажного особняка на Невском проспекте, в пяти минутах от Дворцовой площади. Как это всё соединить, как преодолеть эту несправедливость? Александра Александровна посмотрела на задумчивого Литвинова и непроизвольно погладила его по голове.

— Да, да, хорошо, давай расскажу про магазин, — очнулся от дум Николай Павлович. — Первое, вот общий план. Размер — двенадцать с половиною на семнадцать аршин⁷⁰. Магазин состоит из двух частей, первая в два раза больше второй — это основной торговый зал. На весь магазин три печи, понятно, что большую отапливают две печи, а меньшую одна печь. Основа дома и подвал из бута, местный камень хорош, молодой гранит, крепкий. Далее, пристройка-склад...

— Николай Павлович, я верю тебе, что ты всё хорошо придумал. Сходи к Настасье Петровне, пусть баньку истопит, я погреюсь и ещё посплю. Не поверишь, дорога меня совершенно измотала. И в дороге не было тебя!

Доктор

Петербургские покупки: мячи, теннисные ракетки, коньки, книги, этюдник, краски, цветные карандаши и бумага — разместились в комнате Александры Александровны. Немного пострадал зал: круглый стол сдвинули в сторону

⁷⁰ Один аршин равен 0,711 м. Предлагаемый размер дома — 9 x 12 м.

и самоуверенный мольберт нашёл своё устойчивое место около окна, за которым открывался чудный вид обского простора. Николай Павлович помог супруге закрепить холст зажимами, после чего зал уже не казался как прежде просторным.

Вечером всё того же дня Александра Александровна приступила к рисованию выразительного заката, разлившего розовый коктейль красок над кромкой левобережья. По этому особому случаю она оделась по самой последней европейской моде, привезённой вместе с кистями и красками из Петербурга: в чёрный просторный джемпер и обтягивающие серые брюки, заправленные в высокие чёрные сапоги тонкой кожи, голову украшал чёрный берет. Когда Литвинов увидел её в этом наряде, то невольно присел на стул около круглого стола, столь восхитительна и свежа была Александра Александровна. Она казалась не женщиной и даже не девушкой, а девчонкой — тонкой, стройной, а тёмные глаза её смеялись беззаботной радостью. Она стояла у мольберта и смешивала краски на овальной палитре⁷¹, потом сделала несколько смелых мазков на холсте. Творческий процесс был прерван долгим поцелуем.

— Что ты хочешь рисовать? Или, может, кого? Нарисуй меня.

— Нет, Николай Павлович, портреты — это не моё, я предпочитаю создавать пейзажи. И мне далеко ходить не надо в поисках натуры, прекрасный вид из нашего окна. И посмотри, как удачно: окна выходят на восток, юг и запад! Можно рисовать и восход, и закат!

— Ты очень изменилась, Александра Александровна, в тебе пропала... жёсткая воля, ты стала мягче.

— Нет, Николай Павлович, я всё та же, но я перестала бороться с обстоятельствами, я просто хочу побыть женщиной,

⁷¹ Палитра — небольшая тонкая и лёгкая доска, на которой художник смешивает во время работы чистые краски для получения необходимых цветов. Часто палитра имеет отверстие для большого пальца руки.

слабой и легкомысленной, и, может, даже глупой... ну, может, не совсем, но немного, совсем чуть-чуть глупой. Я вышла замуж, я теперь за мужем молодым, красивым и очень любящим. Когда женщина защищена, она перестаёт бороться со всем окружающим миром, она начинает прятаться за мужем. Вот и я решила немного спрятаться и немного поглупеть. Хватит ума, мне от моего ума самой тошно. — И вдруг добавила: — Haben Sie verstanden, mein liebenswürdiger Ehepartner?⁷²

После столь неожиданного разговора возобновлять сеансы рисования не было смысла. Пейзаж за окном померк, а настоящая ночь требовала отдыха.

И жизнь потекла какой-то новой неведомой стороною. Александра Александровна увлечённо занялась живописью, а к Литвинову толпою повалили «болящие» люди. Каждый день в дверь стучал Егорыч.

— Беда пришла, — говорил он, и Литвинов спешил к больному.

Приём он вёл в специальной комнате в доме Ивана Егорыча, иногда ему помогала Настасья Петровна, она же вела расчёты с больными. Николай Павлович в какой-то момент заподозрил Егорыча в его умышленном поиске больных, которых требовалось и привезти, и увезти на добрых дрожках.

Скоро Александра Александровна по рекомендации госпожи Бобиенской наняла горничную, которая и в доме прибиралась, и обеды готовила, и Литвинову помогала на приёме больных. Бездетную женщину-вдову поселили во флигеле, задуманном для этих нужд. Ольга Ивановна была небольшого роста, но крепка телом, не боялась тяжёлой работы, отличалась добрым нравом. Скоро Александре Александровне очень понравилось общение с этой простой женщиной, и она даже поделилась

⁷² Вы поняли, мой любезный супруг? (нем.)

с нею своим модным гардеробом. Николай Павлович остался доволен этой дружбой и теперь мог спокойно отпускать Александру Александровну в город в сопровождении Ольги Ивановны. Опасения были не беспочвенны: ограбить в Ново-Николаевске могли и средь бела дня.

В действительности Ново-Николаевск остро нуждался в докторях, на осень 1896 года в посёлке на станции Обь в железнодорожной больнице работал один доктор — Ефим Евграфович Игнатьев. Совсем недавно томский предприниматель Пётр Степанович Ковнацкий, уже владевший сетью аптек в Томске, получил свидетельство на открытие первой аптеки в Ново-Николаевске⁷³. Вот и вся медицина. Тяжёлые случаи Литвинов отправлял в Томск, но переломы, ножевые ранения, вывихи, ожоги, простуды он лечил сам. Правда, пришлось несколько раз принять роды, хотя в Ново-Николаевске этим делом занимались опытные бабки-повитухи. Заработок сам шёл в дом, удобно, хотя Александра Александровна оставалась не всегда довольна, потому что больные прибывали и в неурочное время. Самой же Александре Александровне жилось в достатке, во-первых, незабвенный первый супруг оставил ей значительный капитал, а во-вторых, два этажа дома на Невском проспекте, сдаваемые под магазин готовой одежды, приносили солидные средства.

Как правило, Николай Павлович вёл приём больных по утрам. Александра Александровна просыпалась к одиннадцати, делала несколько физических упражнений — модное увлечение столичных дам, принимала душ, ежедневный и обязательный, после — косметические процедуры, по окончании которых случалось чаепитие вдвоём. На завтрак Ольга Ивановна подавала бутерброды с русским маслом⁷⁴, нарезанный хлеб,

⁷³ Первая аптека в Ново-Николаевске появилась в 1895 г. на том месте, где сейчас находится «Универсам» (ул. Ленина, 10).

⁷⁴ Так называлось топлёное масло.

яичные блюда — глазунью либо яйцо всмятку, куски ветчины или отварной буженины. Иногда сыр и козье молоко к чаю. Если Николай Павлович задерживался с больными, Александра Александровна пила чай в компании Ольги Ивановны, которая рассказывала различные истории из жизни города и о пациентах. Это было удивительно интересно и сильно развлекало Александру Александровну.

— Сегодня была у нас одна барышня, воровка! — сообщала Ольга Ивановна. — Пришла бледнущая, как смерть, изо рта нитка торчит. Работает в ювелирном магазине Григория Маштакова, что на углу Александровской и Воронцовской⁷⁵. Пришла вся в слезах, рыдает, успокоиться не может. Николай Павлович говорит: «Я тебе не помогу, если не узнаю, в чём дело». А та, аж до икоты. И Николай Павлович говорит мне: «Уводи, зови следующего». А та и рыдать перестала. Я, говорит, воровка. Работаю в магазине Григория Даниловича Маштакова. Решила вчера своровать кольцо, уж очень оно ей приглянулось. Привязала нитку за один конец к кольцу и проглотила его, а второй конец нитки на зуб намотала. У нас, говорит, строго. Пришла домой, это она рассказывает, тяну нитку, а кольцо внутри застряло! Не идёт, и всё тут!

⁷⁵ Братья Фёдор, Гаврила и Григорий Маштаковы уже вели мануфактурную и галантерейную торговлю в Барнауле, но в 1894 г., понимая перспективу роста посёлка строителей моста через Обь, решили переехать в будущий Ново-Николаевск. Старший Фёдор арендовал большой участок земли на главной улице посёлка, построил каменный дом, сохранившийся до наших дней (Красный проспект, 9). Брат Григорий торговал ювелирными изделиями, аптекарскими товарами и галантереей. (Его участок находился на месте нынешнего областного архива по адресу ул. Свердлова, 16. Предположительно и магазин ювелирных изделий находился по этому адресу.) Гаврила имел два магазина мануфактурных товаров и лавку. Братья вели большую общественную и благотворительную деятельность, которая сделала их известными и уважаемыми людьми города.

Александра Александровна сидела напротив рассказчицы, широко открыв глаза, даже жевать забыла.

— Так ведь умереть можно!

— Как есть, можно! Берёт Николай Павлович ножницы, такие маленькие, и говорит: «Открой рот». А та говорит: «Зачем это?», а он: «Кольцо доставать будем». А та говорит: «Как же его достать? Оно внутри». «Резать будем, — говорит он. — Прорезать дырку до самого кольца. Открывай рот». И что тут было! Как заорёт! Настасья Петровна прибежала с Иваном Егорычем и говорят ей: «Ты чё, дура, орёшь? Тебя что, убивают?» А та: «Убивают!» Вот так, и смех и грех. Николай Павлович ей говорит: «Не будет тебе больно, обещаю». Еле-еле она рот открыла, он взял и перерезал нитку, глотай, говорит, и суёт ей полстакана воды, мол, пей. Та всё выпила и сидит. А Николай Павлович говорит ей: «Не сиди, а домой беги, это я тебе касторки⁷⁶ дал выпить. Тебе теперь до горшка надо спешить, но не в сортир с дыркой, а на горшок. Когда выйдет кольцо, ты к Григорию Даниловичу иди, в ноги падай и прощения проси. А если сильно осерчает, то передай: доктор Литвинов сказал, что повинную голову топор не сечёт. Поняла?» — спрашивает. «Поняла», — отвечает. «Только кольцо помой хорошенько, с мылом помой. А как облегчишься, да прощена будешь, тогда и со мной рассчитаешься. А теперь беги, а не то не успеешь».

— Чудеса! Ну и работа у Николая Павловича!

— Нормальная работа, людям помочь.

— Очень интересная.

— Вот я и думаю, успела или нет. Но какой Николай Павлович умный! И от кольца спас, и душу помиловал. Он с неё даже денег не стал брать. Когда простят, сказал, тогда и меня отблаговаришь.

⁷⁶ Касторовое масло используется для очищения кишечника.

— Странно, не когда вылечил, а когда её простят, — вот что ему важнее, — задумчиво произнесла Александра Александровна.

— Да, — вторила Ольга Ивановна, — он у вас как батюшка, о душе заботу имеет. Вот и мне надо к нему на исповедь. Я красть ничего не крада, а человека убила.

— Кого?! — отпрянула Александра Александровна.

— Так мужа своего, ну, не специально, а получилось, что из-за меня помер. А вы и не слышали? Так расскажу. Пил мой Никита немерено, меня, сиротинушку, так за волосы таскал, да о косяк всё норовил ушибить. И как-то пришёл, избил меня смертным боем, тут же споткнулся о порог, упал и уснул. Связала я его, а утром, как проснулся, говорю: «Всё, гад ты эдакий, силушки моей нет, одна страсть, что в дому жить, что на каторге. Отрублю тебе башку твою поганую». Взяла кухонную тряпицу, на голову ему накинула и легонечко поленом по лбу стукнула, а он и помер от страха, говорят, сердце лопнуло. Пошла я к уряднику⁷⁷, так, мол, и так, а тот моего Никитку-то хорошо знал. Урядник мне и говорит: «Иди, Ольга, с богом домой, похорони мужа и поживи немного, без побоев лютых». Простил меня урядник, вот и живу теперь хорошо, спокойно, волосы отрастать стали, а то ключьями выдёргивал. А всё равно грех чувствую.

— Нет, Ольга Ивановна, ты не к Николаю Павловичу иди, — перекрестилась Александра Александровна, — а к отцу Василию, он тебя исповедует и грех простит. Он батюшка добрый.

— Добрый, говорите? Схожу, а то тяжесть под сердцем устала носить. Хороший у вас муж, Александра Александровна. Такой хороший, что таких, наверно, больше и нет на белом свете.

⁷⁷ Урядник — нижний чин уездной полиции в России в 1878–1917 гг.

ВЕНЧАНИЕ

Молитвенный дом легко вместил немногочисленных гостей и свидетелей бракосочетания. Понятное дело, торжество проходило без привычных в этом случае свадебных излишеств, и то верно, не дети уже в свадьбу играть. На клиросе пели Людмила Васильевна и Владимир Михайлович Алперс, помогали Владимир Константинович Жандр и Эмилия Антоновна Бобиенская вместе с детьми. Её супруг Эрнест Андреевич перед отъездом в Иркутск заканчивал дела в Болотном.

Молодожёны остановились недалеко от входа, поющие ушли на клирос, который отделялся от общего помещения громоздким кандилом с горящими свечами. Отец Василий трижды благословил брачующихся, подал им горящие свечи и протяжно запел низким голосом, начал вести службу:

— Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков.

Хор подхватил слаженно и красиво:

— Аминь.

Вступил дьякон Иннокентий и пропел тонко грассирующим голосом:

— Миром Господу помолимся!

И опять хор:

— Господи, помилуй.

Далее опять отец Василий:

— О рабе Божиим Николае и рабе Божией Александре, ныне обручаемых друг другу, и о спасении их Господу помолимся. О том, чтобы им были посланы дети для продолжения рода и исполнены все их прошения во спасение, Господу помолимся.

— Ты меня любишь? — спросил Литвинов Александру Александровну, наклонившись к её уху.

— Поздно спрашивать, не мешай.

— А я тебя очень люблю, — прошептал Николай Павлович, но последние слова услышали все и улыбнулись.

Батюшка поднёс палец к губам, таким образом делая замечание, и запел далее:

— О том, чтобы Бог дал им совершенную и мирную любовь и даровал им Свою помощь, Господу помолимся. О том, чтобы Бог сохранил их пребывать в единомыслии и твёрдой верности друг другу, Господу помолимся. О том, чтобы Бог сохранил их в непорочной жизни, Господу помолимся. О том, чтобы Господь Бог наш даровал им честный брак и ложе неосквернённое, Господу помолимся. О том, чтобы избавиться нам от всякой скорби, гнева и нужды, Господу помолимся. Ибо Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Священник читал последование⁷⁸, дьякон помогал ему, хор подпевал. Наконец-то все успокоились и сосредоточились на молитве. Свечи горели ровно, вытянувшись как по команде вверх, кадило источало приятный запах, дым от тлеющего ладана повис голубоватыми прозрачными вуалями у единственного окна.

Скоро священник перевёл брачующихся на середину наоса⁷⁹, они остановились на белом коврике.

Хор пел многократно: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!»

И вдруг священник спросил Николая Павловича:

— Имеешь ли ты, Николай, свободное и доброе желание и твёрдое намерение взять себе в жену сию Александру, которую здесь перед собою видишь?

— Имею, батюшка.

⁷⁸ Последование — последовательное изложение молитвословий и указаний по ведению службы.

⁷⁹ Наос — основное пространство православного храма.

Отец Василий опять спросил:

— Не обещался ли ты другой невесте?

— Мысль была, но вслух не говорил.

— Ну и нечего вспоминать, — ответил священник.

Те же вопросы он задал невесте, после чего служба потекла своим чередом. Скоро отец Василий взял венец и, благословляя им жениха, сказал:

— Венчается раб Божий Николай рабе Божией Александре, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Потом пили из чаши кагор, после священник повёл молодожёнов вокруг аналоя⁸⁰, пока совершали три круга, он непрестанно пел низким голосом:

— Отец, Сын и Святой Дух, святая и единосущная Троица, едино Божество и Царство, да благословит вас и да подаст вам долголетие, благочестивых детей, успех в жизни и в вере; да насытит вас земными благами и да удостоит вас также получить и обещанные блага, по молитвам Пресвятой Богородицы и всех святых.

Когда батюшка помянул о детях, Николай Павлович глянул на Александру Александровну, а та, увидев его намёки, нахмурила брови. На том и закончилась церемония, которая слегка утомила всех, а потому после поздравлений все дружно потянулись на выход. После сумрачной церкви с тёмными иконами и робкими свечами улица показалась другим миром, действительно земным раем. Перед взором раскрылся простор Оби, широкий и тихий, серебристый и живой.

— Друзья! — вдруг воскликнула Эмилия Антоновна, простирая руки в сторону реки. — А на какую рыбу похожа наша Обь?

Все невольно повернулись к реке.

— Она стальная и блестит, как осётр или таймень.

⁸⁰ Аналой — высокий столик с наклонной поверхностью для размещения богослужебных книг.

— Нет, таймень с розовым оттенком.

— Таймень лилово-красный!

— Стерлядь!

— Нет, стерлядь колючая, а Обь мягкая.

— На щуку! Точно, щука серебристая.

— Но хищная! Щука — она подлая, из укрытия норовит сожрать. А Обь другая, Обь — она безобидная.

— Безобидная?! Оленина сожрала и не поперхнулась!

— Тогда у нас Обь ни на кого не походит, только на себя, на такую длинную, большую и красивую рыбу!

— Господи, как хорошо на улице! Господи, помилуй! — Эмилия Антоновна перекрестилась на парадные двери молитвенного дома. — Николай Павлович, какой вы счастливчик! Вы завтра увидите моего любимого супруга! Он так похудел, а его уже отправляют в Иркутск. Но и мы скоро за ним, вот он определится, квартиру снимет, и мы следом за ним, сядем на поезд и поехали. Так ведь, деточки мои? — Она обернулась к детям, которые стояли и смиренно ждали, когда им выдадут обещанные подарки.

— Какие вы молодцы, — надменно произнесла Ольга Георгиевна, — никаких пышных застолий, а вместо скуки — свадебное путешествие в Болотное! Свадебное путешествие — это хорошо, но что, более приличных мест не нашлось? Вот мне бы никогда в голову не пришло после венчания с Владимиром Константиновичем поехать в Болотное к Бобиенскому. Я вам уже говорила и готова повторить: вы просто сумасшедшая пара! И я это говорю с завистью, я бы тоже хотела поехать с Литвиновым в Болотное к Бобиенскому, — хохотнула Ольга Георгиевна.

— Ольга Георгиевна, вы хотя бы своего супруга и немного меня пожалейте, говорить такие шутки, — сказала Александра Александровна, приобняв женщину.

— Юмор юмором, а счастья у вас не отнимешь! — качнулась Ольга Георгиевна и хохотнула, будто в трубу дунула. —

Поезжайте с богом, привет Бобиенскому, и обязательно сходите в тамошний бор. Очень красивое местечко.

— Любви вам, — пожелал Жандр, — не растеряйте. Любовь — это сила, ох, великая сила, но с условием.

— У любви нет условий и не бывает! — удивилась Александра Александровна.

— Бывает. Любовь сильна, когда ты любишь, а не когда тебя любят. — Владимир Константинович дружески обнял Александру Александровну, а после Литвинова.

Гости простились, Литвиновы собирались на вокзал, — скоро уходил поезд на восток. Эрнест Андреевич пригласил молодожёнов приехать к нему сразу же после венчания, он завершал свою работу в Болотном, его отправляли заведовать временным движением поездов от Красноярска до Иркутска. И Литвиновы решили не устраивать застолья, а совершить путешествие в Болотное и попрощаться с другом перед долгой разлукой.

Дорога не стояла; как говорили железнодорожники, «дорога ехала»: уже действовало постоянное движение поездов от станции Обь до Красноярска, несколько дней до того, 15 октября, была введена в постоянную эксплуатацию дорога от Челябинска до Кривощёково, а 22 июля в Томск прибыл первый поезд со станции Обь, то есть Томск теперь оказался в общей сети дорог России. Началась стройка железнодорожного пути от Татарско-Кулундинской железнодорожной линии до Славгорода протяжённостью почти триста вёрст. И все эти немыслимые по объёму и срокам работы были выполнены вручную — лопата, тачка, кайло, лом, кувалда, топор с пилой. Правда, в степной зоне для сооружения земляного полотна использовался один грейдер-элеватор на конной тяге, выписанный из Америки.

Подслушанный разговор

Прежде власти рассчитывали, что достаточно трёх пар поездов для нужд малонаселённой Сибири, но скоро выяснилось, что заложенные в проекте размеры провозной способности дороги совершенно недостаточны для удовлетворения действительных потребностей в перевозках. И в том же 1896 году, как только «дорога поехала» от Челябинска до Иркутска, были дополнительно построены разъезды, добавлены на Сибирский участок паровозы и вагоны. Но и этого оказалось мало, некоторые товары ждали своей отправки месяцами. Насыпи, не рассчитанные на большие нагрузки, постоянно укреплялись и ремонтировались, отчего случались многочасовые задержки поездов. Разъезды, станции, вокзалы строились, но дорога не поспевала за собственной популярностью.

К осени 1896 года железнодорожный вокзал станции Обь принял первых пассажиров. Среди редких сосен, временных сараев и штабелей пиломатериала одноэтажный деревянный вокзал казался дворцом. Его выделял каменный фундамент из громоздкого, но ровно уложенного гранитового бута. Вокзал имел три зала — первого, второго и третьего класса, багажное отделение и буфет с отдельным входом. Внутри залов по углам возвышались круглые голландские печи, более похожие на толстые колонны, обитые чёрным листовым железом. Фасад, обшитый ровным тёсом, украшали сдвоенные окна, объединённые резными сандриками⁸¹, а карниз красовался пропиленной резьбой. Около вокзала работал ресторан с приличной

⁸¹ Сандрик — архитектурный элемент, небольшой профилированный карниз, горизонтальная «полочка» над наличником оконного или дверного проёма.

кухней, меблированными комнатами и бильярдом. Здесь можно было просто попить чаю и почитать столичные газеты недельной давности. Крыша крыта листами железа, соединёнными ровными фальцевыми рёбрами. Конёк над центральным входом и шесть кирпичных труб, возвышающихся над крышей, украшали металлические короны. И если всё здание было покрашено зелёной краской, то крыша выделялась тёмно-коричневым цветом. На перроне, между зданием и рельсами, утвердились скамейки с резными спинками, а вся привокзальная территория была отделена от перрона невысоким зелёным штaketником, за которым томились тонкие стволы недавно посаженных лип.

Когда Литвинов с Александрой Александровной прибыли на вокзал, поезд уже стоял на первом пути, но посадка ещё не началась. Они прошли в заложидания первого класса. Высокие сдвоенные окна наполнились светом, эхо гуляло по потолку, за стойкой в углу суетился расторопный буфетчик. Полоска солнца лежала на деревянном полу и на каменных плитах, уложенных вокруг голладской печи. В столбе света, будто мошка, резвилась пыль.

Литвиновы поздоровались с незнакомой молодой парой, прошли и расположились за столом у окна. Осмотрелись.

— Хочешь чашечку шоколада? — спросил Николай Павлович.

— Хорошо, закажи, — ответила Александра Александровна и стала оглядывать зал ожидания.

Литвинов позвал буфетчика.

Посреди зала стояло несколько диванов, на одном из них сидел молодой мужчина и вдумчиво читал книгу, его лицо украшали не тронутые временем усы, они придавали ему романтический вид. Около него красивая и спокойная женщина, с веерным размахом ресниц, тонкой шеей и большими карими глазами, а рядом маленькая девочка, дочь, с золотыми волосами, по-хулигански пышными и слегка растрёпанными.

Девочка сидела на широком диване среди уставших сумок и надменных чемоданов, болтала ногами, озиралась по сторонам с явным намерением предпринять нечто озорное.

— Что ты читаешь? — больше от скуки, чем от любопытства спросила женщина.

Он прикрыл книгу и показал обложку.

— Это повесть о коварной Израде, о богине измены, обмана и предательства.

Она равнодушно посмотрела на лучи света, в которых грустил тёплый вокзальный туман.

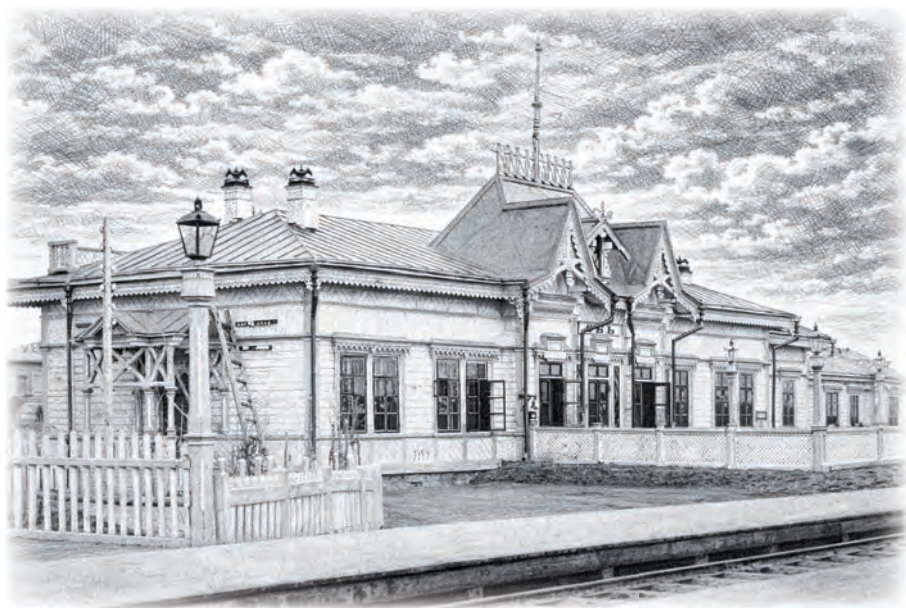
— Ты читаешь сказку про зло?

Литвинов и Александра Александровна переглянулись и прислушались к разговору молодых людей. Литвинов нагнулся к Александре Александровне и прошептал:

— Мне кажется, что они чем-то похожи на нас, но очень молоды.

— Может быть, и они тоже занимаются глупостями, пытаются понять, что такое добро и чем оно отличается от зла, и, конечно, всё перепутают, — ответила Александра Александровна и поднесла чашечку горячего шоколада к губам.

Зал был небольшим, но, видимо, из-за высоких потолков гулким, и всякий звук здесь обладал особой силой. Вдруг вокзал затих и замер в ожидании, будто прикрыл растревоженное сердце тёплой рукой. Девочка осторожно сползла с дивана, совсем рядом, за уткнувшейся в потолок голландской печью, был мрак. Она ступила к нему, и ей показалось, что тьма стала гуще, плиты под ногами превратились в булыжники, и пыль душила их, от страха стены сжались, как горло. Она остановилась, потому что ей стало непонятно, чем является мрак, — светом или тьмой. Сердце испугалось, и девочка быстро забралась обратно на мягкий диван и почувствовала себя в безопасности. Она осмотрелась кругом, привстала и подставила руку под солнечный луч, и её ладонь превратилась в розовый цветок.

Вокзал станции Обь

Женщина увидела чудо в руке дочери и сказала:

— Но ведь очень просто отказаться от зла и всем стать счастливыми!

— Ты всё ещё надеешься на людей, ты всё ещё веришь в сказки? — он прикоснулся к её руке.

— Да, и твоим сказкам я тоже верю!

— Любимая, — он не заметил упрёка в её словах, — зло — это уверенность человека в своей избранности. А избранные никогда не откажутся от своего величия.

— Почему?

Литвиновы, уже не скрываясь, повернулись к молодой паре и слушали их с необычайным интересом.

— Потому что избранность сродни безумию, она безнадёжна. Чувство избранности может победить только беда. И всему виной человек. Зло не существует без человека.

— Но и Бог не существует без человека! — возразила женщина.

— Верно, — согласился он, — но если Бог создал добро, то человек создал зло.

— Но и человек может создавать добро, — её глаза выдали сердечную радость.

— Согласен, может. Человек может очень многое, потому что человек подобен Богу.

Николай Павлович наклонился к Александре Александровне и прошептал:

— Помнишь, я говорил о том, кто есть истинно избранный?

— Помню, — ответила она.

— Поразительно, но они говорят о том же!

Девочка глянула в тревожный угол, который рождал тьму, медленно сползла с уснувшей скамейки и озорно придавила розовым башмачком солнечную полосу на полу.

— Видимо, хорошая книжка. — Женщина взяла дочь за руку и доброй силой притянула к себе. — Я понимаю, что

убить зло нельзя, потому что люди вольны в своём выборе. Зло — это их творение, которое не вправе никто уничтожить, кроме самих людей. — Женщина погладила дочь по голове, пытаясь усмирить пшеничную копну, на миг задумалась и продолжила говорить: — Так же, как и людям никогда не удастся изменить законы природы, материнства, добра, любви, зимы и лета, дня и ночи, — эти законы не подвластны воле человеческой.

— Да, именно так! И ещё, человечеству никогда не удастся отменить совесть, потому что человек рождается с совестью! А это значит, что зло всегда уязвимо и у нас всегда будут силы, чтобы победить его!

Свет, кажется, вваливался в зал через сдвоенные окна вокзала, буфетчик замер за стойкой в ожидании желаний пассажиров, девочка стянула с головы бантик и теперь вдумчиво пыталась его развязать.

Александра Александровна положила свою руку на руку Литвинова и прошептала:

— Ты прав, они очень похожи на нас, в них так же горит огонь любви, но они моложе, а оттого и чище, и чистосердечнее нас в своих наивных поисках правды. Николай Павлович, я обязательно вернусь из Петербурга к тебе, пусть через полгода, но я вернусь. В Сибири действительно живут очень интересные люди.

— Согласен! В Сибири живёт будущее!

В КУПЕ

В первый день семейной жизни Литвинов не мог позволить себе неосмотрительность и провёл супругу по специальному мостку в вагон первого класса⁸². Их уютное купе состояло

⁸² Для удобной посадки пассажиров первого класса на некоторых станциях вдоль вагона устанавливались специальные трапы.

из двух половин. Первая — комната со столом у окна, с одной стороны широкий диван, а с другой — роскошное кресло. На столе подсвечник с пятью свечами держался крепко, тут же похожая на бычий хвост верёвка, к другому концу которой у проводника крепился сигнальный колокольчик. В вагоне шесть купе-квартир с обслугой из двух проводников. Вся мебель украшена декором из тёмного лакированного дерева. Зеркало сияло чистотой, матовая стеклянная дверь в уборную комнату манила резьбой, ночной горшок изумлял прозрачным фарфором, ему вторил умывальник, оснащённый горячей водой. Шторы на окне расходились, как полы кокетливого халата, за ними скрывались великолепные просторы сибирской природы. В шкафчике накрахмаленные простыни, пышные подушки и лебяжьи одеяла.

На столе в кулере⁸³ со льдом стояло шампанское. Подарок от заведения. Николай Павлович тут же хлопнул вылетевшей пробкой, вместе с лёгким дымком бутылка выплонула немного напитка, который оставил мокрое пятно на ослепительно-белой скатерти. Николай Павлович промокнул вылившуюся пену мягкой салфеткой, наполнил фужеры и поднял тост.

— За вечность!

— За вечность? Это что значит?

— Что может значить вечность? Только вечность!

Хрустальные фужеры соприкоснулись, подмигнули яркими гранями и оставили в воздухе тонкий звук.

— Хорошее шампанское, обескураживает отрывкой, но общее впечатление приличное, — похвалил Литвинов и опустил фужер на стол.

— Да, Николай Павлович, ты умеешь производить впечатление. И что за откровения я сегодня услышала в церкви? На ком ты собирался жениться, если не секрет?

⁸³ Кулер — ведёрко для охлаждения шампанского.

Купе вагона 1-го класса

— Неужели тебя это тронуло? — удивился Литвинов. — Мне больше тридцати, я жил среди людей, и удивительно, что до сих пор оказался неженатым и никогда не был женат. И не секрет, что была девушка, очень давно, я думал сделать ей предложение, но так и не решился.

— Ты, Николай Павлович, и не решился? Странно. Она хоть красивая была?

— Кто?

— Твоя девушка.

— Да, милая, робкая. Но зачем тебе это?

— Хорошо, я тебя прощаю.

— За что?

— За милую, за робкую.

— Дорогая Александра Александровна, неужто ты забыла, что была замужем? Аж восемнадцать лет!

Поезд тронулся мягко, Литвинов это заметил только потому, что мимо поплыл перрон. Александра Александровна сделала вид, что не слышала вопроса, тоже выглянула в окно.

— И ещё, любезный мой супруг, а что за мальчишеское поведение во время службы?

Поезд набирал скорость, всё быстрее и быстрее, деревья за окном прежде шли, а потом побежали. За ними улетали кло-чья тёмного паровозного дыма, и скоро всё превратилось в бес-конечное движение.

— Дорогая, это от волнения. А ты знаешь, что я первый раз еду на поезде?

Литвинов и Александра Александровна с любопытством смотрели в окно.

— Ты от разговора не увиливай. От волнения, говоришь? Тогда почему я не видела этого волнения, когда ты объяснялся мне в любви?

Вокзал станции Ояш

— Это тоже от волнения. — Литвинов взял руку Александры Александровны и поцеловал её. — Дорогая, тебе в руки попался самый завидный жених Ново-Николаевска! Что ты ещё хочешь? Его святости?

— Ты — самый завидный? — улыбнулась Александра Александровна и сделала малый глоток из фужера.

— Поди поищи ещё такого. — Литвинов поднял свой бокал.

— И всё-таки, почему тебя до меня ещё никто не поймал? — Александра Александровна решительно поставила пустой фужер на столик. — Отвечай, но честно. Даже Ольга Георгиевна влюблена в тебя. Я видела, как и другие женщины смотрят на тебя. Правильно сказала Ольга Георгиевна, ты — красавчик.

— Дорогая моя супруга! Мне родители не оставили наследства, и слава богу, что у меня нет долгов. Никто мне дом не подарил, а потому нужно было зарабатывать самому. Куда я мог привести жену? В заложенный банкирам дом? Нарожать детей, потом пустить их по миру, а себе пулю в лоб?

— Но ты со своими данными мог жениться на богатой!

— Мог! Я это и сделал!

— Да, действительно!

— Ты моя самая красивая, чудесная. Может быть, я ошибаюсь...

— Николай Павлович, не сомневайся, просто продолжай говорить комплименты. Я прожила тридцать... скоро тридцать восемь лет... я много слышала и комплиментов, и пошлостей, и объяснений в любви... но я поверила тебе.

— Я очень сильно люблю тебя, я бесконечно люблю тебя! Я не знаю, хорошо это или плохо?

— Да, правильно сегодня сказал Жандр: любовь — это сила не того, кого любят, а того, кто любит. Поэтому сила на нашей стороне.

Литвинов по новой наполнил фужеры, поднял свой и, глядя в окно, за которым проплывали пожелтевшие поля, блёклое низкое солнце, вдруг глубоко о чём-то задумался. Вагон мягко покачивало, изредка скрипела колёсная пара, считающая стыки на рельсах, и все эти дорожные звуки невольно превращались в сонную мелодию долгого пути. Он очнулся от дум.

— И всё-таки давай выпьем за вечность!

— Согласна! За вечность!

Они выпили, опустили бокалы.

— А что будем кушать? — спросил он.

— Да, всё верно, у мужчин первая забота — о желудке. Зови проводника. Я ехала из Петербурга целую вечность и теперь знаю, что можно заказать в поездах.

И Николай Павлович дёрнул за «бычий хвост» сигнальной верёвки.

— А мне здесь нравится. — Александра Александровна погладила мягкую кожу кресла. — Я согласна ехать долго-долго. — Она печально посмотрела в окно. — Целую вечность.

— Не волнуйся, дорогая, ехать нам долго, в Болотном мы будем только утром.

— Нас встретит Бобиенский?

— Конечно, Бобиенский, и ночевать следующую ночь мы будем в Болотном.

— Я раньше думала, что станция Кривощёково — это край земли, за Обью жизни нет, а теперь вдруг узнаю, что ещё есть Болотная. Тоже дыра, но подальше.

В дверь постучал проводник.

— Нам меню, любезный, — распорядилась Александра Александровна. И вдруг из-за проводника появился мужчина в белом переднике и высоком белом колпаке, с белой салфеткой, перекинутой через руку.

— Будьте любезны, — будто фокусник, официант достал невесть откуда, развернул и положил два меню на стол перед пассажирами, а сам замер у дверей.

Александра Александровна быстро просмотрела меню и удовлетворённо кивнула.

— Хорошо. Николай Павлович, доверяешь мне сделать заказ на двоих?

— Конечно.

— Голубчик, — обратилась она к официанту, — нам уху из ершей, жареных рябчиков в сметане, на гарнир отварные овощи, к рябчикам дольками ананаса и бутылочку «Боржоми». И, конечно, водочки, двести граммов — для моего супруга. Какая в наличии?

— Смирновская-с первая, если угодно-с, высший сорт.

— Нет, не угодно. Эта водка хороша для кучеров. Подай-ка нам двести граммов шустовской. И ещё, в одну порцию двойного рябчика. — Она повернулась к Литвинову: — Поверь, тебе одной порции будет мало.

Официант ушёл. Николай Павлович откинулся на спинку дивана.

— Но какой обильный опыт! И почему смирновская для кучеров?

— Недавно была проверка, анализ проводил знаменитый химик и человек, который водку терпеть не может, господин Менделеев. Он вывел на чистую воду господ Смирновых. И тот и другой брат на своих заводах делали отвратительного качества напиток, а Шустов старался, потому и получил доступ к столу его императорского величества.

— Боже мой, Александра Александровна, откуда такие учёные познания?

— Мой Иннокентий Генрихович изрядно во всём разбирался, особенно в том, что касалось пищи, и терпеть не мог

плохую водку, но выпивал всегда двести граммов этого зелья от нашей экономки Зои. Она владела какими-то своими особыми способами изготовления отличного напитка, который называла «хмельным хлебом», и Беккер, сколько помню, всегда съедал две порции горячего.

— Вот как, я и забыл, что у тебя восемнадцатилетний опыт.

— Ты на что-то обиделся?

— Нет.

— Но я же вижу, что обиделся.

— Александра Александровна, хочу заметить, что сегодня мы венчались, и мне не очень кстати слушать твои воспоминания о прежнем муже.

— Боже мой, Николай Павлович, ты ревнуешь?

— Нет.

— Да я вижу, что ревнуешь! Но это вздор, я его уже забыла, ты — кумир моего сердца! — Александра Александровна резко встала и села рядом с Литвиновым, обняла его и попросила: — Прости меня, чёрствую, прости.

Они долго сидели молча, хотя Александра Александровна пыталась говорить. Скоро принесли заказ, стол оказался заполнен блюдами и закусками.

Когда закончили обедать, Литвинов вдруг сказал:

— Я никогда не курил, но сегодня почему-то об этом пожалел. И меня почему-то раздражает это богатство.

— Если богат, значит, умён!

— Глупости. Я не богат, но не глупее любого купца. Знаешь ли, перепродать какую-нибудь вещь или родиться в дворянской семье — это не признак ума, но признак несправедливости.

— Так иди в купцы и не будешь ворчать на богатых.

— Для меня ценностью являются иные достижения в жизни, но никак не ломбард скупердяя, дающего деньги в рост. Я давно заметил, что далеко не все богатые люди двигают

общество к прогрессу. Они более похожи на присосавшихся клопов. А полюбил я Сибирь, потому что здесь дворяне и купцы умеют служить Родине. Но для России это редкость.

— А ты умеешь быть злым.

— Но я умею быть и добрым.

— Но злоба — это грех!

— Отнюдь, дорогая! Злоба, ярость, гнев, раздражение — это чувства, дарованные нам от рождения. И дело только в том, против чего или кого направлены они: если против зла, то в них нет греха, а если против добра, то они и есть зло. Эти чувства только средства выражения твоего отношения, главное — в какую цель они направлены. Как пуля — это кусок свинца, и не более, но она может лететь во врага, напавшего на Родину, а может в Пушкина на дуэли. Так же и смирение: если ты смирился перед злом, то ты просто трус, а если смирил своё раздражение перед матерью, отцом, женой, ребёнком — ты сильный духом человек. А чтобы не промахнуться, нам дана совесть, а в помощники ей ум, знания, опыт. Вот и вся религия. Поняла, дорогая?

— Ты только что пытался назвать меня дурой, а это проявление зла. Ладно, будем квиты. У меня ноги опять начали стонать, колени. Это, наверное, оттого, что мы приближаемся к Болотному. — Александра Александровна сидела, потирая колени. — Как осень, так и начинает ломить кости.

— Я тебя вылечу! — Литвинов открыл саквояж и достал книжку. — Вот, смотри, лечебник, написал его немецкий католический священник Себастьян Кнейпп «Моё водолечение: средства для излечения болезней и сохранения здоровья». И вот что он пишет, — Литвинов открыл книгу и начал читать, — *«Благосостояние бессмертной души составляет главную мою заботу и обязанность как священника. В этом цель моей жизни, за то я готов умереть»*. Вот, Александра Александровна! Я всегда говорил,

что смыслом жизни может быть только то, за что не стыдно умереть! Но слушай дальше: *«Но и смертное тело доставило мне в течение 30–40 лет немало забот и труда. Я не искал этого труда»*. Он болел туберкулёзом и практически вылечился от смертельной болезни. Сам разработал более двухсот методик и успешно лечил людей. И ещё прочту: *«К беднейшим классам, к заброшенным, забитым жителям деревни я всегда относился с особенной заботой и вниманием. Им-то, главным образом, я посвящаю свою книжку. Изложение, сообразно цели, просто, ясно»*. Вот, Александра Александровна, кто такой добрый человек, себе помогал и про людей не забыл! И ещё! Именно эта книга и станет первой книгой в нашем магазине, затем, чтобы не только нам прибыль несть, но и людям исцеление. И так должно быть во всём и во всякой человеческой жизни; лучше ничего не делать, если это не приносит пользы людям. И заметь, этот постулат не отменяет личной прибыли или обогащения, но, повторяюсь, в этом личном обогащении должна быть обязательной забота о людях, в противном случае — это зло. Зло — это всегда только для себя! А твой ревматизм лечится легко.

— Ты думаешь, легко? Так почему же все самые именитые врачи Петербурга не смогли мне помочь? И как дело к осени, ноги начинают болеть, просто кости выворачивает.

— Потому что они забыли, а возможно, и не знали древние способы лечения. Крапива! Мы уже сегодня поищем в Болотном крапивы, под каким-нибудь забором наверняка сохранилась ещё, а когда вернёмся, я твои ноги крапивкой попарю, и навсегда забудешь, что такое ревматизм.

— Но это же больно!

— Но очень полезно!

— Ты мне мстишь! Я знаю! Ты меня наказать хочешь, за Беккера!

— Нет, Александра Александровна, исключительно для здоровья твоих ног, но и как педагогическая процедура она тебе точно не помешает.

Рома

Поезд медленно подплыл к вокзалу станции Болотная, одноэтажному, похожему на станцию Обь, но меньшему по размеру. Он тоже был крашен зелёной краской, а крыша с металлическими коронами — коричневой. Фасад украшали узорчатые вензеля и резные карнизы, которые придавали вокзалу приветливый и даже праздничный вид.

Николай Павлович помог супруге спуститься на перрон. Больше из первых двух вагонов никто не вышел, но зато жизнь бурлила в хвосте состава — из последнего вагона по широким сходням выводили коров и лошадей. Люди с громоздкими баулами и фанерными чемоданами устремились мимо станции по дороге в село, а прочие столпились у входа на вокзал. Литвиновых встретил дежурный по станции, мужчина солидный, с ленивым животом, что, собственно, его не портило, но придавало важный и даже значительный вид. Он был в чёрном форменном мундире, в фуражке с красной тульей, чёрным околышком, начищенной кокардой и чёрным же козырьком.

— Здравия желаю, ваше благородие, — поприветствовал дежурный по станции и глянул на Александру Александровну. — К нам в гости или по служебной нужде?

Он махнул рукой, и вдруг, будто из ниоткуда, появился носильщик в белом переднике и сноровисто подхватил сумки и саквояж Литвинова.

— В гости, решили проведать господина Бобиенского.

— Знать, вы к Эрнесту Андреевичу. Милости просим. — Дежурный отступил назад, давая дорогу Литвиновым, и уже в спину спросил: — Может, будут какие указания?

— Спасибо, любезный, — ответила Александра Александровна, — нас встретят.

За носильщиком проследовали внутрь вокзала. Перед входом носильщик громко, как опытный кучер, гаркнул:

— А ну, поберегись! — будто не вносил чемоданы в двери, а въезжал на карете.

Вокзал встретил просторным залом. У стены — огромный трёхведёрный самовар из латуни со знаком самоварной фабрики Баташевых, вокруг него уже толпились люди с кружками и кастрюльками. На вокзале был ещё один зал для господ, багажное отделение и почта.

— У меня такое впечатление, что нас никто не ждёт, — удивилась Александра Александровна.

— Голубчик, веди нас на привокзальную площадь, — приказал носильщику Николай Павлович, — сейчас разберётся. Извозчики, поди, и здесь есть.

— Как не быть-с, ваше благородие, всё есть! И лихие, и смирные. Куды скажете, туды и домчат.

На привокзальной площади было крайне грязно, вокзал недавно сдали в эксплуатацию, а территорию вокруг него ещё не успели организовать. Площадь оказалась необычайно обширна и многолюдна: толпа крестьян с баулами, тут же мальчишки снуют, мужики что-то тащат, и кажется, что вокруг какой-то непрерывный беспощадный торг, как на базаре, всё вперемешку — лошади, телеги, коровы, кудрявые и грязные бараны, присосавшиеся к огромной луже с кромкой растоптанного льда посреди площади. И вдруг во всю эту сумятицу влетает лихой экипаж, которым управляет, стоя на ногах,

стройный, высокий, кудрявый парень в меховой безрукавке, при этом он неистово гикает и орёт: «Берегись!» Он промчал по луже, разогнав испуганных баранов, и остановился ровно у ног Литвинова.

— Шурочка! — заорал парень, спрыгивая на землю, и кинул вожжи носильщику.

— Ромка! — крикнула совсем по-детски и даже по-хулигански Александра Александровна. — Я тебе сколько раз говорила не называть меня Шурочкой!

— От радости, сестрёнка! От радости и на радостях!

Они обнялись, трижды поцеловались, и Александра Александровна обернулась к Литвинову:

— Николай Павлович, это мой непутёвый брат, Роман Александрович Оленин, которого вы спасли от дифтерита.

— Да, собственно, это уже знает вся площадь, — улыбнулся Литвинов и протянул Роману руку. — Да, помню, помню, встречались. Роман Александрович, а где Бобиенский?

— Я вместо него. Эрнест Андреевич ещё вчера изволил отбыть в Красноярск, а встретить вас поручил мне. И жить мы будем у него в доме, на Московском тракте.

— На Московском тракте? — удивилась Александра Александровна. — А почему на Московском? Где Москва и где Болотная?

— Эх, Шурочка! Тёмные вы люди! Здесь проходит Московский тракт до самого Владивостока.

— Если ты ещё раз назовёшь меня Шурочкой, я побью тебя или попрошу своего супруга вздуть тебя! Кстати, Николай Павлович Литвинов, теперь уже не только доктор, но больше — книготорговец, будущий издатель, а в действительности просветитель земли Сибирской.

— Уже наслышан, мне Бобиенский много о вас рассказывал, мы с ним совершенные друзья! Я тоже скоро уеду на восток,

Вокзал станции Болотная

я задержался, чтобы повидаться с вами, с сестрёнкой, с моей любимой... Сашенькой!

— Роман, ты не дразни сестру, а не то она на мне всё своё недовольство вымещать будет.

— Это я от волнения! — Роман опять обнял сестру.

— Вот, ещё один взволнованный. Вчера Николай Павлович на венчании невесть что нёс, как вздорный мальчишка, так что даже батюшка ему замечание сделал.

— Не ему, а нам, Александра Александровна!

— Вот ты опять споришь...

— Николай Павлович, с Сашенькой спорить не надо, это бессмысленная потеря времени, поверьте опыту, я с нею всю жизнь спорил и сделал вывод — она непобедима. Мой совет, по своему малому, но бурному опыту: или сразу беги от неё, или смирись, другого варианта не будет.

Наконец-то успокоились, уселись в экипаж и тронулись прочь.

— Роман Александрович, а где дом Бобиенского? — спросил Литвинов, оглядывая округу.

— Он арендовал дом после Жандра, который жил наездами в Болотном. Здесь рядом, и версты не будет.

Первые дома железнодорожников на станции Болотная были построены вдоль линии. По обе стороны от вокзала расположилось по шесть одноэтажных бревенчатых домов с двумя входами. В них разместились отдельно стоящая столовая для переселенцев, медпункт, служба юридической помощи переселенцам, служба полицейских стражников, комната отдыха для машинистов, прочие железнодорожные службы и два дома под квартиры.

Роман Александрович сидел на облучке, уверенно правил лошадью, изредка оборачивался, смотрел на Литвиновых

и улыбался. Скоро появились дома-пятистенки⁸⁴, на широкой улице, которая за невысокой деревянной церковью распахнулась ещё пуще, будто руки развела. Обозначилось несколько двухэтажных домов и такая же широкая дорога куда-то вниз. Вид унылый, потому что Московский тракт оказался изрядно бит осенней сыростью, а редкие деревья стояли голыми, и только тучи чёрных ворон оживляли скучный пейзаж.

— И как вы тут живёте? — спросила Александра Александровна. — А нам говорили, что здесь красиво.

— Красота у нас кругом, и живём мы хорошо! Очень хорошо! Я-то живу уже, считай, полгода в полях. — Роман Александрович всё оборачивался к сестре. — Ты представить не можешь, нам пришлось вести дорогу по сплошной болотистой тайге. Жили в вагонах, потом в казармах, но больше в вагонах. Строили мосты. Представляешь, за полгода построили тридцать пять деревянных мостов и один железный через Ушайку. Ты слышала про Ушайку?

Александра Александровна засмеялась, прижалась к Литвинову.

— У нас в Ново-Николаевске все только об Ушайке и говорят.

— Эх вы, смеётесь! А тайга здесь местами красивая, в болотах гнуса немерено, но я здесь познакомился с великим человеком — Григорием Моисеевичем Будаговым. Он чуть раньше приехал и с августа 1895 года стал помощником Меженнинова, начальника строительства Средне-Сибирской железной дороги, а я в ноябре приехал в Томск. И вот уже год тружусь с этим замечательным человеком. Мы запустили ветку ещё в июле, но доделки задержали, и теперь меня отпустили работать с Бобиенским в Красноярск.

⁸⁴ Жилой деревянный дом, имеющий внутреннюю поперечную стену, которая делит всё помещение на две неравные части. Дом из пяти стен.

Московский тракт не пустовал, то тут, то там появлялись повозки — почтовые, пассажирские, а то и телеги, доверху гружённые скарбом. Роман гикнул и припустил лошадь вскачь, обгоняя нерасторопного возницу, а после продолжил рассказ.

— Мы Томск спасли. Все боялись, что капиталисты в Ново-Николаевск и Красноярск убегут, но теперь Томск в железнодорожной сети и Меженинов специально переехал в Томск вместе с Управлением Средне-Сибирской дороги. Так что мы тут города не только строим, но и спасаем. А ты спрашиваешь, как мы тут живём? Хорошо живём.

— Так хорошо, что не удосужился за целый год навестить сестру?!

— Да когда же? Мы же всё время в пути. Но я писал тебе письма!

— Письма? «Привет, у меня всё хорошо» — это письма?

— Роман Александрович, — обратился Литвинов, чтобы сменить тему упрёков, — ответь для Александры Александровны, есть ли будущее у Сибири, а то я опасаюсь, как бы не убежала она от меня в свой Петербург.

— Сашенька! Сестрёнка моя любимая! Сибирь скоро превратится в самый богатый край России.

— Вот, какие чудесные слова! Ты слышала, Александра Александровна, как далеко смотрят молодые инженеры? Очень верная мысль! Если Сибирь останется колонией, то и развиваться будет как колония, а если станет самостоятельным штатом, со своим управлением, то и развитие пойдёт иными, фантастическими темпами.

— Друзья! — Роман Александрович был изрядно подвижен. — Вы представить не можете, что стало вот хотя бы с этим селом за последние месяцы. Все кинулись в предприниматели: и крестьяне, и мещане, отставные чиновники, переселенцы, и даже ссыльные переселенцы! Все мнят себя купцами,

надели жидовские жилетки, обязательно малинового цвета, укоротили бороды и подстригли ногти! Изъясняются на жутком языке: «Я-с, сударь-с, гнилой пшеницы не разумею, у меня высшая табель, для заграничного вкуса. И не надо мне ваши вонючие фиги показывать, мы сами на вас гадить можем». Так смешно! — Роман Александрович правил лошадьёю стоя и всё время оборачивался и мало смотрел вперёд, на движущиеся навстречу повозки. — Опять-таки, крестьянин теперь действительно капиталист, появилось очень много маслобоен, даже с паровыми машинами. Возят на станции, где есть ледники, продают коммерсантам, и поехало сибирское масло в Европу. Там такого нет! На масло челябинский тарифный перелом не распространяется!

— Челябинский перелом? А что это такое?

— Вы не знаете, что такое челябинский перелом? Ну, это отдельная тема, обязательно расскажу. Так вот, друзья мои, сейчас здесь идёт ломка всей крестьянской жизни. Крестьяне становятся капиталистами. Короче, живут по принципу: нечего нас учить, мы сами учёные!

Слушали рассказы Романа Александровича до самого места. Бобиенский снимал дом ямщика Голишева, который не только промышлял извозом, но ещё разводил лошадей. Просторный дом в два этажа, на первом, в полуподвальном помещении, жила семья хозяина, а второй этаж арендовал прежде Жандр, а потом Бобиенский. Хозяева и печь топили, и бельё стирали, еду готовили и извозом помогали. Вот и нынче хозяин дома встречал экипаж у ворот и, только гости покинули двуколку, увёл её на широкий двор.

Поднялись в комнаты второго этажа, в одной комнате кабинет, в другой спальня, а в третьей столовая. Обстановка скромная, но удобная. Скоро появилась хозяйка и начала буквально метать загодя приготовленные блюда на круглый стол.

— Роман Александрович, так что, серьёзно, Бобиенского не будет? — Литвинов присел на длинную и широкую скамью у окна.

— Точно не будет, извинялся, просил не обижаться. Он дом оставил специально, чтобы я мог вас встретить, накормить и дать кров на ночь. Гостиниц, как вы понимаете, в Болотном нет. А баня у хозяев отменная. Мы сейчас отобедаем, и я вас прокачу в местный бор красоты неопишущей! Согласны?

— Нам уже говорили про местный бор.

В белорусской семье обед был простым, никаких затейливых блюд. Драники в изобилии, с золотой корочкой и сметаной. Колдуны картофельные с мясной начинкой. Мачанка из рёбрышек, которые прежде обжарили на сковороде, а после проварили в чугушке, к полученному бульону добавили зелень, лук, соль и муку. Потом ещё подали зуцы из белых грибов.

— Прекрасный обед! Ничего нет лучше простой пищи, — это я вам как доктор говорю.

— Давно я не ела такие блюда, — поддержала Александра Александровна.

Все слова благодарности и восторга говорились при хозяйке, отчего та осталась очень довольна и от души поставила на стол четверть самогона.

— Друзья мои, это на вечер. На полный желудок пить нет смысла, это я вам опять-таки как доктор говорю! Давайте передохнём и поедем, — предложил Литвинов.

Расселись кто на тахту, кто в кресло.

— Ты, Роман Александрович, недавно рассказывал, как ожила Болотная, — начал неспешный послеобеденный разговор Литвинов, — шутил над местными жителями, как они купцов изображают. Но ведь за этим кроется очень важный признак того, что Сибирь просыпается. Государственный подход! Ведь что такое железная дорога? По ней, как по кровеносному

*Дом Николая Голишева на Московском тракте
(сейчас ул. Московская, 153)*

сосуду, потекли не только люди, грузы, не только ожила торговля, но и сюда следом идут образование и культура, школы, библиотеки, театральные студии. Оживает промышленность, а с нею и душа человеческая. Земли-то здесь немерено, и, думаю, скоро покончат с голодом в Поволжье. За десятилетие два года засухи и неурожая, а вот вам и сибирский хлеб! А вот оно и спасение!

— Николай Павлович, ты опять за своё. Что тебе этот государственный подход? Надо было всё-таки вам самогонки выпить! — посетовала Александра Александровна.

— Подожди, Сашенька, не мешай, видишь, мужчины разговаривают. Николай Павлович, вы действительно думаете, что всё так и обстоит и что больше голода в Поволжье и Малороссии не будет?

Литвинов нагнулся к Александре Александровне, взял её руку и поцеловал, но при этом обратился к Роману Александровичу:

— Совершенно уверен. Теперь пшеницы и ржи, нашей, сибирской, будет достаточно, чтобы не допустить голода не только в России, но и за границей, какой случался и в Китае, и в Британской Индии, в Бухарском царстве и Ирландии!

— Николай Павлович, а вот теперь я готов рассказать, что такое челябинский перелом.

— Будьте любезны, расскажите, что же это за диво такое. Я о таком даже не слышал.

— Александра Александровна, ты не будешь тяготиться моим рассказом о челябинском переломе?

— Буду. Если позволите, и чтобы вас не слышать, после столь сытного обеда я прилягу на эту чудесную тахту, а Николай Павлович пересядет на стульчик. — Александра Александровна скинула ботиночки и уютно разместилась на тахте, прикрыв ноги шерстяным одеяльцем.

— Чудесно! А мы попросим дать нам чаю, — обратился Роман Александрович к хозяйке дома, которая управлялась у самовара. — Так вот, дорогой Николай Павлович, начну издалека. Началось заселение Сибири, а с ним и производство пшеницы. Но она никуда особо не пошла, потому что не было транспортных связей. В 1891–1892 годах случился голод, так вот правительство не только не запретило вывоз зерна из Поволжья, но и ничего не сделало, чтобы завезти зерно из Сибири. Полмиллиона мертвецов! Государственный подход, так вы сказали, Николай Павлович? Ничуть! Да, зерно можно было вывозить только водным путём, и после голода тех лет пароходов стало больше. Но вот теперь есть Сибирская железная дорога, и что сделало правительство, пользуясь, как вы говорите, «государственным подходом»? Оно отменило всякие льготы для транспортировки зерна из Сибири. До Челябинска эти льготы работают, а в Челябинске все льготы обнуляются. Вот что такое челябинский тарифный перелом. Сибирскую пшеницу сделали неконкурентоспособной, заткнули, как пробкой, в Сибири. Ясное дело, наши коммерсанты вынужденно развернули свои потоки в Китай, Индию и дальше. Но в чьих интересах это было сделано? Рост производства зерна в Сибири стал просто бешеным, можно накормить дешёвым хлебом не только Россию, но и весь мир, в некоторых газетах этот рост называют «хлебной горячкой». Да, сибирский хлеб поехал не в Россию, коммерсанты нашли свои доходы за рубежом, а русские люди покупали дорогой хлеб у помещиков из Европейской и Южной России, которым сибирское зерно было настоящей костью в горле. А вы нам про «государственный подход» рассказываете. Ходят теперь слухи о каких-то умопомрачительных суммах взяток, которые зерноторговцы якобы занесли «куда надо». А что прикажете думать? Кстати, не стоит также забывать, что

многие члены правительства и церковь являются крупными землевладельцами, и зерно из Сибири затрагивало их финансовые интересы. А идея челябинского тарифного перелома, считаю и даже уверен, без согласия Витте⁸⁵ не прошла бы. Вот и вся государственная политика и прочая болтовня на пользу и во благо России. Своя рубашка ближе к телу, а любовь к Родине — это для солдат на войне.

— Но ведь Витте, утверждая этот тариф, должен же был понимать, что он выступает против интереса людей, а значит, и государства?

— Деньги кончаются, а позор остаётся. Мало верующих купцов в государстве Российском, они хороши лишь тем, что пытаются купить место в раю — кто-то церкви строит, кто-то на храм жертвует. А в церкви кто служит? Да зачастую те же купцы, но в рясе. Они почему-то не понимают, и наши чиновники тоже не понимают, что Бога купить нельзя, как нельзя купить бессмертие. А позор купить можно.

— Что может быть глупее купленного позора?!

— Да, какие всё-таки люди глупые. И чем жаднее — тем глупее, и чем корыстнее и богаче — тем сомнительнее их умственные способности. Удивительно, но доход зачастую становится не только мерилom материального достатка, а иногда душевной пустоты и глупости. Деньги! Деньги сводят людей с ума, а не совесть, — вот в чём беда человечества! — горячился Роман Александрович.

— Как же он, я имею в виду Витте, объяснил этот тариф государю?

— Думаю, что целесообразность этого тарифа в том, чтобы зерно пошло иным путём за границу, через север. Объяснить можно всё, оправдать можно многое. А что в действительности

⁸⁵ Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — русский государственный и политический деятель, с 1882 по 1903 год министр финансов.

задумывалось, чьи интересы правили тем балом, осталось неведомо нам.

— Супруг мой любезный и вредный и непослушный братец, я так сладко уснула и теперь готова к путешествию в местный бор, — произнесла Александра Александровна и спустила ноги с тахты прямо в ботиночки.

— Вот вы брат и сестра, родные, самые родные. Гнездо одно, да птенцы разные.

— Я всё слышала, пока спала. Сергей Юльевич человек, конечно, оригинальный, многим непонятный, но очень приятный. Вы этого не знаете, а я знаю. Всё, поехали, подать мне карету, пока я вас не задушила в своих объятиях.

СТАРИК

Голишев запряг в двуколку кобылу, будто облитую молоком, Агнессу, которую берёт и которая принесла ему много выгоды. Белая масть выделяла среди прочих мастей благородную породу, сквозь густой ворс просвечивала розовая кожа, а глаза навек влажно косили на седоков. Упряжь праздничная, отделана бронзовыми, ярко начищенными бляхами и оторочена кожаными кистями. Ременные разделители на груди и боковые одноремённые тоже из начищенной до блеска меди, с бубенцами, ручки для чересседельника латунные, кольца, пряжки на узде и постромках тоже медные и самых разных размеров и причудливых форм, три поддужных колокольца — и всё это гремело и звенело, и служило, по преданию, для отпугивания злых духов. Хозяин захотел угодить людям, которые завтра уедут навсегда и которых сам Бобиенский просил встретить

по-барски и душевно, денег за то отсыпал. Как тут не угодить, если с уважением просьба сказана.

Николай Павлович помог подняться в экипаж Александре Александровне, после разместился сам около неё, а Роман Александрович сел на облучок и принял вожжи.

— Давай, милая, помаленечку, спешить нам некуда, — Роман обернулся к Литвиновым, — но прежде я провезу вас по знаменитому Московскому тракту, по которому прошли все кандалники России. Бывали среди них и дворяне, господа важные, крестьяне и купцы — все, кто закон попрал. Прежде была Сибирская тропа, она так и называлась, проходила севернее этих мест, потом «спрямили» дорогу, и она зашагала здесь, — так появилась ямская Болотная. Теперь Болотная — станция узловая, а потому именно здесь построили прежде всего водонапорную башню, несколько боковых путей, пробурили четыре скважины, но ещё сделали большой пруд с резервом воды для паровозов. Вот на этот пруд мы сейчас и едем.

Лёгкая двуколка на мягких рессорах, будто лодка, поплыла по накатанному тракту, поддужным звоном привлекая внимание редких прохожих. Слева появилась скромная, без ограды низкая церковь, а вдоль дороги всё более пятистенки с малыми окнами. Бедность угадывалась во всём.

— Дома-то совсем плохонькие, — заметил Литвинов.

— Ну не скажи. Ты по домам не суди. Теперь, как станцию построили, здесь всякий в люди метит, и у некоторых ловко получается. В Болотном мороженое стали делать! Я пробовал, очень недурное на вкус, я бы сказал, просто отменное! Другая швея приспособилась шляпки французские шить, и врёт, что из самого Парижа, с почтовым багажом приходят. На станцию везут пшеницу со всей округи, солонину, грибы, мёд, окорока вяленые — товары разные, самодельные, кованые, шитые, струганные, — увлечённо рассказывал Роман Александрович. — Базар местный идёт два дня, каждую субботу и воскресенье, так сюда

теперь за сто вёрст люди съезжаются, чтобы продать или купить. Теперь принялись строить дома около вокзала, тут же лавки открывают, к поездкам с продуктами бегают. Есть тут колбасник Журавлёв, колбасу делает — в Петербурге такой не найдёшь. И хлеб здесь бабы отменный пекут, а какие пирожки, бублики, кренделя и печенье! А знаете почему?

— Так почему же?! — засмеялась Александра Александровна, наблюдая, как изменился её брат, как возмужал, наполнился уверенностью и мужской, продуманной солидностью.

— А потому что здесь и русские, и белорусы, украинцы, немцев много, поляки, местные аборигены и татары чатские — все свои рецепты перемешали, и получился идеальный! Немцы всех буженину научили делать, хохлы — сало солить, белорусы — бульбу готовить, поляки — шикарнейший бигос, чаты — каймак, а русские — репу парить и пельмени лепить!

— А из спиртного? Или не пьёте здесь вовсе?!

— Горилка! Лучше хохлов никто горилку делать не умеет!

— А песни чьи поют?!

— А вот песни у всех свои. Это как душа. И в основном печальные, о родине все думают да вспоминают. А в Сибири всем лучше! «Запрягайте, хлопцы, коней!» — заорал песню Роман Александрович, отчего прохожий отпрянул в сторону.

— Вот и Алексей был такой же бешеный, — сказала Александра Александровна и прильнула к плечу Литвинова. — Хорошо здесь, в этой Болотной.

— Это потому, что ты брата здесь встретила, — отозвался Литвинов.

Свернули с тракта на разбитую дорогу и среди редких домов по очень широкой улице поехали вниз.

— Рома, а зачем улица такая широкая? Как Николаевский проспект!

— Для безопасности. По улице, под землёй, три ветки труб проходят, от пруда до станции воду гонят. Вода — это

стратегический запас, без воды паровоз — кусок железа. Две линии водопровода по краям, а одна посередине и на глубине до семи саженей. Всё продумано!

Солидная двуколка, запряжённая белой лошастью, на неухоженной и изрядно неровной улице казалась случайным явлением. Но вот массивные ворота, солдатик с ружьём, который, только увидев повозку, кинулся открывать ворота.

— Как служба? — спросил Роман Александрович.

Солдат вытянулся, приложил винтовку к ноге.

— На посту всё в порядке, господин инженер!

И вдруг перед глазами раскрылась гладь серебристой воды.

Спустились вниз, на берег. Навстречу из казармы вышел офицер.

— Здравия желаю, Роман Александрович! О, Агнесса у нас в гостях! — Он взялся за узду и погладил лошадь по шее.

— Приветствую, поручик! Хочу показать своим гостям нашу с Бобиенским водокачку. Разрешись?

— Вам дать сопровождающего?

— Водокачку? — удивилась Александра Александровна. — Какое странное слово.

— Да, сестрёнка, это водокачка. Спасибо, поручик, я сам покажу, лучше меня здесь никто и ничего не знает.

Офицер коротко козырнул и отпустил узду. Подъехали к насосной станции из красного кирпича и с высокими арочными окнами, она была похожа на огромный паровоз, а дымовая труба над зданием коптила тяжёлым чёрным дымом.

— Смотрите, здесь стоят мощные насосы и качают воду на станцию, в водонапорную башню. Вода сюда приходит из пруда по жёлобу самотёком.

Роман завёл гостей внутрь насосной станции. Поразила чистота. Трое рабочих управлялись с грохочущими агрегатами, одни угольные печи вырабатывали электроэнергию и питали четыре огромные насосные установки. Арочные окна давали

Насосная станция

много света и были не прозрачными, а из толстого матового квадратного стекла, отчего окно напоминало светящиеся пчелиные соты.

Когда вышли из помещения, окружающий мир, показалось, оглох, так было тихо и свежо.

— Какая мощь! — воскликнула восторженная Александра Александровна. — Рома, это ты строил?

— Это строили русские инженеры, нас немного, но мы есть, сестрёнка!

Вновь расположились в двуколке, и Роман Александрович повёл лошадь на дамбу. Поручик стоял на высоком крыльце казармы и, когда двуколка поравнялась с ним, вновь козырнул.

— Роман Александрович! — вдруг крикнул поручик. — Это ваша сестра?!

— Прости, брат, но она с мужем, — крикнул в ответ Роман Александрович. — И я не позволю тебе вызвать его на дуэль!

В ответ поручик только козырнул и ничего не ответил.

— Николай Павлович, — обернулся Роман Александрович, когда въехали по шандорному⁸⁶ мосту на дамбу, — не обращайтесь внимания, в мою сестрёнку все влюбляются с первого взгляда.

— Рома! — засмеялась польщённая Александра Александровна. — Николай Павлович не исключение, но и я влюбилась сразу же, как только увидела его. Он такой милый, он такой душка, — она прильнула к Литвинову, ухватившись за его руку.

— Роман Александрович, а кто он?

— Поручик Зорин, кстати, зовут его Александр Александрович, он возглавляет охрану стратегических объектов в Болотном. Практически неудачник, за какие-то дела сослан из

⁸⁶ Шандора — гидротехническое сооружение, регулирующее уровень воды в водоёме, устанавливается в водосливе плотины и представляет собой плоский щитовой гидрофильтр, скользящий в пазах рамы. Для проезда по дамбе над шандорой строился мост.

Петербурга в Болотное. Вечный соперник Бобиенского. Пока мы здесь строили, они дважды чуть не подрались.

— И кто бы победил? — воскликнула Александра Александровна.

— Станный вопрос, сестрёнка! Боби не победим!

И вот раскрылась полная панорама соснового бора: величественные сосны стояли над водой и чуть на взгорке, водяная рябь осталась посреди пруда, а здесь, в угловой заводи, длинные волны будто листали страницы, на которых в точности и до мельчайших подробностей отражались и мерно покачивались сосновые великаны.

— Красота! — прошептала Александра Александровна.

— Этим великанам около четырёхсот лет, — сказал Роман Александрович, сам любуясь красотой могучих сосен.

— Четыреста? Но кто посчитал? — усомнился Литвинов.

— Если диаметр ствола два аршина, то дереву четыреста лет. Всё давно посчитано, дорогой Николай Павлович. Пруд и водонасосную станцию строили инженеры, а они народ дотошный⁸⁷.

— И ни одно дерево не загубили! — заметила Александра Александровна. — А в Ново-Николаевске на Николаевском проспекте все деревья вырубili, хотя задумка-то правильная была — оставить среди улицы прогулочную аллею. И теперь такая несуразно широкая улица получилась, а могла бы радовать своей красотой. А здесь, молодцы, сберегли!

В конце дамбы у тихой заводи на гранитном камне сидел старик с длинной, как посох, палкой в руке, с непокрытой головой. Седые волосы отливали золотом, будто сосновый беж преломлялся в его шевелюре, пышная белая борода закрывала грудь.

⁸⁷ Сосны реликтового бора, растущие около водокачки в г. Болотное, имеют возраст от 330 до 385 лет.

— Какой живописный старик, будто сказочный! — восхищалась Александра Александровна.

— Мощный. Наверное, из местных, — согласился Литвинов.

Повозка остановилась, и Литвинов обратился к старику:

— Здравствуй, почтенный! Нужна ли помощь или ты просто присел отдохнуть?

— Помощь нужна молодым, старикам нужен покой, — произнёс тот задумчиво. — Всю жизнь человек учится покою, но обретает его при успении.

— Видно, ты мудрый и долго пожил, — удивился Литвинов. — Мы вчера венчались, поздравь напутственным словом, а я тебя отблагодарю.

— Благодарить нужно Бога, ибо он привёл вас в рай земной ещё при жизни, и вы увидели его, — старик повернулся к бору и показал на величавые могучие сосны. — Запомните эту красоту, и она поможет вам преодолеть печаль.

— А добрые слова, старик, скажи, не жалеи. Праздник у людей! — воскликнул Роман Александрович.

— Добрые? — Старик встал. — Скажу слова отца своего: не жена для мужа, а муж для жены. Жена даёт плод живой, а муж плод духовный. Муж питает жену соком жизни, а жена даёт мужу силу духа.

Вдруг ветер коснулся волос старика, и будто ожили они на его голове.

— Вы говорите мудрые, но непонятные слова, — разволновалась Александра Александровна.

— Внимай не умом, а сердцем. Слепое сердце не видит красоты. Жена отдаёт себя мужу, чтобы тот мог отдать себя миру.

— Кто ты, старик? — Александра Александровна налилась румянцем и безотчётным раздражением. — Поучая нас, что ты сам видишь, сидя в глуши?

— Слепому и в столице пусто.

Знаменитые сосны Болотного

— Хорошо, пусть так, но тогда где твоя жена? И почему ты один?

Старик стоял около камня, прямой и гордый, его глубокие морщины напоминали кору на древней сосне, но не источали старости, его волосы были белы, но легки, и ветер вдыхал в них жизнь, его взгляд был глубок, как небо, а рука крепка, как посох.

— Потерявший половину — теряет всё. — Он опустил взгляд, и то ли блик от воды, то ли старческая слеза блеснула в уставших ресницах, но он вдруг развернулся и пошёл прочь.

Александра Александровна посмотрела на Литвинова, потом на уходящего старика и вдруг произнесла, обращаясь к Роману Александровичу:

— Это водокачка?

— Да, — ответил тот.

— Там насосная станция и охрана?

Роман Александрович не ответил ей.

— А это сосна, которой четыреста лет?

Все молчали.

— Кто вы здесь и что придумали о себе?! Рома, согласись хотя бы ты со мной и скажи, что они все здесь сумасшедшие! Так не бывает!

— Да, — вздохнул Литвинов, — нам давно нужно было научиться думать сердцем, а не умом.

— Думать сердцем, — повторила Александра Александровна, оглядела серебро водной глади, несколько сосен-великанов на берегу и глубокое голубое небо с белыми пушистыми облаками на горизонте и произнесла: — У него нет жены, и оттого он печален, а несчастье сделало его мудрым.

Роман тронул вожжи, и двуколка медленно покатилась по берегу пруда. Он повернулся к Литвинову:

— Узнать сразу много правды опасно. Николай Павлович, ты же лучше всех нас знаешь, что лекарство, когда его много, может стать ядом!

ЧАСТЬ 5

Новониколаевскъ.

Объ

НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ

В первый же месяц работы староста Ново-Николаевска Титлянов Илья Григорьевич по распоряжению томского исправника организовал перепись населения посёлка. Он взялся за исполнение своих должностных обязанностей так рьяно, что через месяц уже оброс толстым слоем недоброжелателей. Для всех стало полной неожиданностью, что в посёлке уже проживало почти десять тысяч человек обоего пола, но ещё большей неожиданностью оказалось, что Титлянов, хоть и по поручению схода, приступил к сбору по рублю с владельцев усадебных участков на нужды управления и по тридцать копеек со всех жителей посёлка на обустройство канцелярской управы и анатомического театра для покойников, то есть холодильника для трупов. Пока суть да дело, приём граждан вёл у себя дома, который располагался в удобном месте недалеко от устья Каменки⁸⁸.

Ноябрь 1896 года выдался переменчивый: то северный ветер пробирал до костей, то тепло лилось от солнышка, будто и не будет зимы вовсе.

Жители диву давались энергии и рачительному подходу новоиспечённого старосты. Где бы он ни появился, вокруг него, казалось, всё начинало кипеть. Илья Григорьевич возникал в самых неожиданных местах, его худую фигуру, дёрганую и скорую до дерзости походку видели всюду. И действительно, очень скоро он навёл-таки порядок среди извозчиков, и езда

⁸⁸ Дом И.Г. Титлянова располагался по адресу ул. Большевикская, 37 (ранее ул. Трактовая). Снесён летом 1981 г.

по посёлку выровнялась, и не было теперь случая, чтобы пьяный возница свалился с облучка под колёса собственной пролётки или полез драться с пьяных глаз к пассажиру. Лихачи поумерили пыл, пару раз оплатив рублёвый штраф. На попытки возражать и не соглашаться Титлянов буквально орал по-армейски громко, но не поминая мать и угодников, что он теперь здесь власть, потому как от народа и по требованию народа, а потому не только имеет право, но и обязан следить за порядком, а при необходимости «налаживать» штраф, и не только штраф, а, при усердии виновника, изгнать его к чёртовой матери на все четыре стороны, коль тот «не умеет средь добрых людей себя прилично вести». Так горячо и ретиво, но очень убедительно, провёл между извозчиками разъяснительную работу, а если кто возражал, подсакивал к нему вплотную и, брызжа в лицо неопрятной слюной, громко доказывал свои аргументы. Артиллерийский писарь в запасе вёл себя как на поле брани. Скоро многие уже не хотели встречаться с ним в открытом бою и либо подчинились, либо злобно таились до подлой минуты.

Вырвав штраф у нарушителя, староста доставал из кожаной сумки амбарную книгу и записывал в неё отдельной строкой сумму штрафа, с кого и по какому поводу. При этом запись смотрелась совершенно безобидно и даже празднично, будто рождественская открытка, потому как исполнена была витиеватым и очень красивым почерком. Однако внимательный зритель замечал, что книга была хоть и толстой, но листы не прошиты и не пронумерованы, а оттого и закрадывалось недоверие к энергичному побору для наведения общественного порядка в посёлке.

Деятельность Ильи Григорьевича была воистину всеобъемлющая. Не успели ещё улечься страсти вокруг извозчиков, он приструнил неряшливых водовозов, наладил ночные обходы

полицейских стражников по улицам посёлка и наконец-то добрался до тех, кого и томский полицейский исправник касаться робел — до притонов и питейных несанкционированных ям.

В поисках денежных средств бойкий староста, но опять-таки опираясь на решение собрания жителей, попытался открыть общественные питейные заведения, доход от которых предполагалось использовать на содержание пожарной команды, устройство школ и больницы. И этим привёл в недоумение нравственно устойчивых жителей Ново-Николаевского посёлка, которые крайне тревожно относились к пьянству и дебоширству, а более удивил виноторговцев, которые имели дозволения и определённые организационные тяготы и финансовые обязательства. А Титлянов претендовал на льготы и, увы, неравные условия. Очевидно, староста решил вести нечестную игру и под видом добродетели умыкнуть козырного туза в виде личной выгоды. Обиду затаили именно те, где ещё совсем недавно сам Титлянов работал управляющим и знал все коммерческие тонкости и способы скрывать доходы от питейного дела.

Поняв незатейливый ход энергичного предпринимателя, решившего всех обойти на крутом вираже, в бой вступила ново-николаевская интеллигенция. И первым среди них стал Николай Павлович Литвинов.

Дабы обуздать старосту, Литвиновым было предложено организовать общество арендаторов, выбрать из них полномочных, с тем чтобы вести контроль за финансово-хозяйственной деятельностью городской администрации и, таким образом, организовать сносную жизнь новоиспечённого посёлка. Но писарь в отставке, а позже управляющий рестораном торгового дома «Братья Ворсины и Олюнина», который размещался на железнодорожной станции Обь, вошёл в раж

общественно-полезного труда и никак не мог остановиться, а потому игнорировал полномочных арендаторов в количестве семидесяти человек. Собирал сходы жителей, на которых и утверждал свои дальнейшие планы. В сходах хоть и принимало участие немало народа, но группа поддержки старосты следила за порядком и при несогласии кого-либо с его предложением обещала морду побить или пустить петуха⁸⁹. Противостояние зашло в тупик, а потому Литвинов при поддержке арендаторов сел писать докладную записку губернатору Ломачевскому Асинкриту Асинкритовичу:

«Его Превосходительству Господину Начальнику Томской губернии.

Мы, нижеподписавшиеся жители посёлка Ново-Николаевска, имеем честь донести до сведения Вашего Превосходительства, что с 1 декабря текущего года (1896), мы слагаем с себя всякую ответственность по состоявшимся решениям схода общества, именуемого «разночинническим», в делах которого мы желали принять участие. Причины, побудившие прибегнуть к настоящему докладу, следующие: ни одного валового схода ещё не обходилось без брани, насмешек и угроз, обращённых на нашу сторону людей, более всех старавшихся о лучшем устройстве посёлка, людей, не дававших возможности нескольким лицам погубить начало жизни посёлка...»

Грамотно написанная докладная записка была поддержана публикацией от 12 декабря того же года в «Томском листке» за подписью некоего господина «Ново-Николаевского». Лирически-ехидное начало сразу предложило читателю фельетонное настроение:

«Долго ещё, вероятно, придётся в разных углах нашей матушки России взывать вместе с предками: «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет!» Наш несчастный посёлок три года благим матом на все лады выкрикивает эту фразу, а до порядку, кажется, не скоро, и докричится ли — ещё вопрос.

⁸⁹ Пустить петуха — поджечь дом.

Начнём с того, что староста (сельский или сословный — аллах ведаёт) выбран был прямо из-за стойки местного трактира, где он был не то буфетчиком, не то доверенным, не то арендатором (об этом ведают бояре, а нам, мелким сошкам, где же всё знать?), выбран он был, конечно, для порядка, а потому, тотчас после выбора, не дожидаясь утверждения в должности, принялся за водворение полнейших беспорядков! Заголосили ново-николаевцы, взывая о помощи, каковая не замедлила явиться из Томска в лице г. исправника.

Водворился порядок, были выбраны гласные для охраны общества от старостинских порядков, сделано было несколько собраний, на которых гласные сразу поставили старосту в тесные рамки, которые, очевидно, пришлись начальству не по вкусу, так как приговор о выборе гласных где-то и теперь гуляет, разыскивая утверждения от «вышнего» начальства, а староста тем временем собирает «свои» полные сходы и вертит дела по своему усмотрению. А гласные? «Да они ещё не утверждены и прав не имеют» — вот ответ старосты на вопросы о гласных.

Приглашают на эти сходы иногда и гласных, но, кажется, только затем, чтобы осмеять, — оконфузить и даже пригрозить расправой кулаком; так на одном из сходов гласный П. должен был просить полицию, чтобы дали стражника проводить его со схода домой, так как угрозы были очень сильны, а староста... весьма ласково улыбался. Теперь, единственное наше начальство, полиция, снята, так как от жителей потребовали на содержание полиции в посёлке 3 тысячи рублей (?!), а так как жителей своих золотых приисков нет, да и бараки-то с избёнками стоят полуоткрыты, то в таком ничтожном содержании на одного полицейского чиновника с 6 полицейскими стражниками жители отказали. Гуляй наша! Полиции нет, староста свой, что хотим, то и творим!.. А творить мы сумеем, ведь ссыльных, да беспаспортных, да с сомнительным прошлым у нас непочатый угол, почать который хоть китайцев проси, ибо свои ироды крепко держатся за этот уголок.

Носятся слухи, что часть этого сомнительного элемента готовит к предстоящим праздникам пьесу «Разбойники», это что-то вроде комедии, но при полном безначалии несомненно получится драма, от которой теперь же у доброго обывателя мороз по коже дерёт. И отделаться от этих «разбойников» положительно не представляется никакой возможности, так как полиция снимается, остаётся один староста?!

«Велика наша земля и обильна, а порядка в ней нет», приидите же княжить... Неужели так-таки и нельзя завести порядок у нас в Ново-Николаевске?»

Бурная деятельность не понравилась и полицейскому исправнику Томского округа, и, естественно, губернскому начальству, которому посыпались многочисленные жалобы на вновь испечённого старосту.

Литвинов, и не только он, как потом выяснилось, пытался в доверительном разговоре остудить пыл энергичного старосты, привлечь его к мудрой дипломатии и ласковому компромиссу, но тот, с артиллерийской прытью, продолжил палить во все стороны, не учитывая последствий.

В это же время был составлен подробный план Ново-Николаевска и нескольким улицам были присвоены имена высоких чиновников⁹⁰. Порядок всё-таки обещался быть.

⁹⁰ Именно в это время окончательно устанавливается топонимическая традиция Ново-Николаевска — именные или мемориальные улицы. Главные примеры этой традиции — Николаевский проспект, названный в честь императора Николая II, и параллельная ему улица Александровская, увековечивающая память недавно умершего Александра III. Целый ряд улиц, пересекающих Николаевский проспект, напоминает нам о чиновниках кабинетского ведомства (Воронцовская, Гудимовская, Болдыревская, Стевенская, Журинская, Гуляевская, Вагановская) и о томских губернаторах Германе Августовиче Тобизене и Асинкрите Асинкритовиче Ломачевском (Тобизеновская, Асинкритовская), при которых началась бурная жизнь Ново-Николаевского посёлка, во многом

Книжный магазин

Магазин был готов принять посетителей ещё в декабре 1896 года, но Александра Александровна сразу же после рождественских праздников писала прошение, на которое 21 января 1897 года томский губернатор Асинкрит Асинкритович Ломачевский подписал постановление, позволяющее начать книжную торговлю. В разрешительном письме говорилось: *«Жена пензенского мещанина Александра Александровна Литвинова обратилась с прошением о разрешении ей в посёлке Ново-Николаевском торговли книгами и письменными принадлежностями»*. Однако ответственным лицом она указала своего супруга Николая Павловича Литвинова. Губернатор не забыл упомянуть, что *«исправник обязан иметь строгое наблюдение за тем, чтобы в названной лавке находились только книги, дозволенные цензурой»*.

В огромной комнате из семи окон рабочие расставили высокие стеллажи, на которых поместились прежде буквари и школьные учебники, тут же «Забавная арифметика», «Как сидеть во время письма», «Юный режиссёр», «Юный декламатор», «Фотограф-любитель», «Детский театр», таблицы умножения и атласы. Отдельно и в самой центральной части выставки русская классика: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Толстой и другие авторы. Тут же в магазине можно было оформить

зависевшая от их благосклонности. Соответственно, в вокзальной части две основные улицы — Межениновская (ныне — Челюскинцев) и Михайловская (ныне — Ленина) названы в честь видных инженеров, начальников строительства Средне-Сибирской и Западно-Сибирской железных дорог — Меженинова Николая Павловича и Михайловского Константина Яковлевича.

Книжный магазин А. А. и Н. П. Литвиновых

подписку на собрания сочинений этих авторов. Отдельным стеллажом была представлена зарубежная литература: «Кентервильское привидение» и «Юный король» Оскара Уайльда, «Овальный портрет» Эдгара По, рассказы Анатоля Франса. В продаже имелись ноты, расчётные книги, бланки, календари. Был также богатый выбор иных товаров: картины, писанные маслом, детские игрушки, велосипеды, музыкальные инструменты, чертёжные, театральные принадлежности, фотографические аппараты и оборудование.

Около окон разместился стол со стульями и письменным прибором, если посетителю пришло на ум оставить заявку или какому неграмотному крестьянину прошение или иное письмо сочинить, разумеется за плату. В дальней стороне, недалеко от голландской печи, расположился угловой диван — для желающих познакомиться с выбранной книгой и не торопясь выпить стаканчик горячего чая за счёт заведения.

Три ступени вдоль всего фасада с благодарностью принимали шаги и детских башмаков, и солидных ботинок господ, и дамских туфель с зауженными носками. За прилавком прежде всего встали две совсем молоденькие девушки, больше похожие на гимназисток, чем на сотрудниц магазина, при этом обе были не только хороши собой, но и изрядно начитанны. Первое время Литвинов много времени проводил в магазине, он вёл обширную переписку с поставщиками, для чего у него был маленький кабинет со входом справа от чёрного столба голландской печи. Александра Александровна часто заходила в магазин, внимательно всё осматривала, советовала — собственно, как оформить торговый зал, подсказала она, — и хвалила Николая Павловича.

— Удивительно, но тебе удалось создать в магазине ощущение уюта, тепла и гостеприимства. Всё со вкусом, даже за прилавком симпатичные девушки. И где только нашёл?

Как и обещала Александра Александровна, скоро все прочитанные ею книги оказались на прилавке. Более того, она увлеклась рисованием картин.

В тот день она пришла в магазин, внимательно оглядела зал, бесцеремонно осмотрела продавщицу, измерила её внимательным взглядом, пока та не покраснела и не отвернулась. После зашла в кабинет Николая Павловича со свёртком в руках.

— Что это? — Литвинов развернул свёрток.

— Моя картина, первая. Я её спешила закончить к открытию магазина.

Литвинов внимательно разглядывал полотно.

— Ты её хочешь продать?

— Да, конечно! Посмотри, как мило получилось. Вот пятнистая пантера. Знаешь, как она называется?

— Нет, — задумчиво ответил Николай Павлович.

— Леопард! А это её детёныши, два котёнка. Красиво. Они в маму, тоже светло-бежевые с чёрными пятнами. Сочетание очень любопытное. В природе всё прекрасно!

— Сашенька, но у нас в Сибири нет палм и леопардов с котятами, всё больше ёлки и волки.

— Тебе не понравилась моя картина?

— Картина замечательная, но звери не похожи на настоящих. Смотри, глаза у котят как у кукол, совсем человеческие.

— И пусть, зато красиво! Предлагаю поставить её на центральную полку.

— Но в центре у нас Пушкин и Лермонтов!

— Отличная компания моим пантерам!

Литвинов сел за стол и обхватил голову руками.

— Сашенька, что с тобой? Это же безвкусица!

— Безвкусица? Николай Павлович! Ты весь в делах, тебя не бывает допоздна, ты запер меня в клетке и держишь как красивую птичку для своих утех. Пойти здесь некуда, наши друзья или разъехались по всей дороге, или в семейных заботах, кругом примитив и пошлость. Мне здесь уже всё противно. Меня раздражает здесь даже ваш сухой и лёгкий воздух, пропади он пропадом!

— Сашенька, но мы же вместе всё здесь продумывали и делали! Откуда эта жёсткость и раздражение?

— Николай Павлович, я знаю, что я плохо рисую, я сейчас специально разыграла перед тобой дуру. Я не дура. Мне здесь душно. Мне не хватает Невского проспекта и мелкого, и нудного дождя, дробящего подоконник. Мне нужен памятник Петру, мне Нева нужна, а не Обь! Да, именно так! Да, ты можешь сказать, что я эгоистка. А твоя мечта о счастливом городе — это не эгоизм? Да не меньший, чем мой, потому что в этом городе нет места моей мечте. Мне ваш Ново-Николаевск никогда не заменит Петербурга. Никогда!

— Сашенька, но здесь всё иначе. Я же не для себя, я для всех. Какой же в том эгоизм?

— Да, пусть так, а я для себя, пусть так, я — плохая, но вместе, мы вместе с тобой потеряли главное — это нашу любовь! Разве ты этого не видишь? А вот теперь скажи, что я грешнее тебя! Мы малое сохранить не смогли, а ты о большом счастье мечтаешь. Без любви ни большого, ни малого счастья не бывает.

— Сашенька, но я тебя люблю!

— Нет, не любишь. Ты любишь, конечно, и я люблю, но не сразу, а после Петербурга и Ново-Николаевска.

— Я понял, ты начиталась философских трудов Григория Сковороды⁹¹! Я видел у тебя его книгу! О природе человека и гармонии с самим собой?

⁹¹ Григорий Саввич Сковорода (1722–1794) — русский и украинский философ, поэт, баснописец и педагог.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
 канцелярскіи и чертежныя принадлежности,
 Музыкальные инструменты и игрушки.

ЭЛЕКТРО-ПЕЧАТНЯ
 —
 Перецелтная и Линовальное
 ЗАВЕДЕНІИ
Ж. и А. Литвиновых
 въ Н.-НИКОЛАЕВСКѢ.

Принимаетъ всевозможныя работы
 какъ типографскія, такъ и переклестныя
НА СРОКИ и по весьма умереннымъ цѣнамъ.

Электро-печатня имѣетъ въ запасѣ слѣдующіе предметы:

ИСТЯЖИ: Молочныя, расчетныя, талонныя, конторскія, фактурныя, для ги- стинныя, счетовыя, для телеграммъ и пла- тежныя для сельскихъ обществъ.	БЛАНЕТЫ: Почтовые, для масло- дѣльныхъ заводовъ, для волостныхъ прав- лоній, довѣренностей, табелей для рабочихъ, призывныхъ списковъ и пр., а также днев- ники для учениковъ.
---	---

**Заказы Г.г. иногороднихъ высылаются
 наложеннымъ платежомъ.**

*Рекламное объявление
 о работѣ типографии Н. и А. Литвиновыхъ*

— Конечно, да! И ты должен понять, что человек обретает счастье, лишь следуя своим желаниям. И я хочу следовать своим желаниям — жить в Петербурге. Да, сущность счастья в самопознании, но его можно увидеть только сквозь реальный и материальный мир. Так вот, мой материальный мир и среда обитания — это не Сибирь, а Петербург!

— Александра Александровна, прекрати читать философов!

— Хорошо, не буду. Но идеально то общество, в котором всякий сможет реализовать свои таланты. В ссыльной Сибири это сделать невозможно. Сибирь — это колония и не больше, и пусть таковой остаётся, а мы с тобой должны уехать в Петербург. Давай будем считать, что наш вклад в развитие Сибири сделан, пусть другие теперь управляют холодной колонией со всеми ресурсами золота, пушнины и прочих материальных благ, пусть теперь другие пополняют казну. И надо понимать, что железная дорога, которую вы боготворите и только что не молитесь на неё, не что иное, как путь, по которому сибирские богатства уезжают в Россию. Всё лучшее отсюда уезжает в Россию, и мы должны уехать!

Николай Павлович встал из-за стола и прошёлся по маленькому кабинету, вернулся за стол.

— Вот это и есть наша главная проблема, главное противоречие. Ты считаешь Сибирь холодной колонией, а я её считаю равным и не худшим краем России, а возможно, и главным её штатом, у которого должны быть равные возможности устраивать свою жизнь, а не быть шкатулкой с самоцветами и золотом.

— О том я и говорила! О равных возможностях! И мои равные возможности — в Петербурге, я не твоя «шкатулка с самоцветами»! И именно поэтому ты должен мне уступить!

— Я понимаю другое! Сегодня кругом ложь, весь мир, кажется, соткан из лжи и самообмана. Когда одни врут всему миру, а все остальные делают вид, что верят. Ходят в церковь, молятся и мечтают о справедливости. Но власть лжи не может служить справедливости. Власть лжи — это глупость. Я никогда не думал, что люди согласятся жить в глупом мире самообмана. И это их согласие — не обстоятельства, а предательство всего, что действительно дорого и что требует заботы и защиты, того, что и есть реальная жизнь, настоящая любовь и настоящая жизнь, в которой есть смысл. В глупости нет жизни и нет смысла. И в жизни, в которой нет справедливости, нет смысла! Ложь стремится подчинить себе всё вокруг, и мир исчезает как реальность, как нечто драгоценное и очень важное, для нас, для людей, для Вселенной. Нет ничего страшнее и бесчеловечнее, чем власть лжи! Но страшнее лжи — самообман, когда человек обманывает сам себя, — это и есть высшая форма лжи! Вот что я понял, слушая тебя. Ты всё-таки уезжаешь в Петербург?

— Да!

— Ты вернёшься?

— Да!

— Ты надолго?

— Не знаю.

— Ты любишь меня?

— И да, и нет.

— А я тебя люблю и буду ждать.

— Продавщиц набрал со вкусом.

— Не уезжай.

— Я вернусь. Я обязательно вернусь.

ЧУДНОЙ БАРИН

Зима в 1897 году случилась очень мягкой, лёд на Оби так и не нагулял своей привычной толщины, а оттого к первому марта железнодорожный путь по льду был разобран. Железнодорожникам хватило беспокойств, когда три месяца назад, в середине декабря прошлого года, провалился паровоз около левого берега Оби. Передние колёса ушли в лёд вершков на десять, задние вершков на шесть⁹². Повезло ещё, что катастрофа случилась на мели и локомотив можно было вытащить, но не сразу, а когда укрепился лёд.

Иван Егорыч привычно промышлял извозом, всю зиму возил пассажиров от станции Кривощёково до станции Обь и обратно. Даже когда состав перегоняли по льду, не всякий пассажир соглашался рисковать и ехать в вагоне через Обь. И обеспокоенные приходом «чугунки» извозчики скоро успокоились, поняв, что извозу быть, и не то что меньше, а с приходом дороги работы стало больше.

Первого марта поезд № 4 Москва — Кривощёково прибыл в девять часов двадцать пять минут вечера. Иван Егорыч приметил молодого барина⁹³ с чемоданами, помог выйти из вагона, подхватил обе ноши, и, пока тот пытался объяснить, куда ему требуется ехать, возница уже закрепил багаж в лёгкой кошёвке.

— Седайте, барин, довезём куда следует за сорок копеек. Ваш поезд раньше утра куда не уедет.

⁹² Десять вершков — 44,5 см, шесть вершков — 26,7 см.

⁹³ Владимир Ильич Ленин (Ульянов) (1870–1924) — русский революционер, советский политический и государственный деятель. 1 марта 1897 г. прибыл на станцию Обь, когда следовал в ссылку в с. Шушенское Красноярского края.

— Вы здесь, в Сибири, ребята хваткие. А сорок копеек не много ли будет?

— В самый раз, лишнего не возьму.

— Хорошо, голубчик, тогда вези меня на станцию Обь, да не утопи. Наслышан, что по реке поедem.

Пассажир был небольшого роста, энергичный, ловко уселся в кошёвке на сидушку, обитую войлоком, а сверху покрытую старой овчиной мехом вверх, погрузил высокие ботинки в ворох сена, огляделся кругом.

Выехали неспешно. Погода стояла уже весенняя, тихая, а если и был какой привычный тягунчик с юго-западной стороны, то и он толкал в спину кошёвке. Егорыч развернулся полубоком и завёл разговор, коротал дорогу с расчётом на чаевые.

— Никак, ваше благородие, до самого Красноярска путь держите? — спросил Иван Егорыч.

— До Красноярска, — ответил молодой барин, — и слава богу, не в санях, — его круглое молодое лицо с небольшой бородкой улыбалось. Он был в полукруглой каракулевой шапке-«татарке», подбитой изнутри мехом, в тёплом суконном пальто с таким же каракулевым воротником.

— По Сибирскому тракту восемьсот вёрст, да в санях, ох, тяжело, — согласился Егорыч. — А кучерам ещё тяжелее. Бывали у меня и такие прогулки, но теперь всё, не по возрасту.

— И как вы тут живёте? Сибирь, поди, не Россия!

— Хорошо живём, покоя нет. Был у меня дом в селе Кривощёковском, не здесь, это станцию так называли, а село там, сейчас

В. И. Ленин

проезжать будем. Да только нет села теперь, по нему «чугунку» пустили. Пришлось дом разобрать, да прям так брёвнами продал крестьянину из Бугров, а сам с бабкой скарб на сани и айда на старости лет новый дом строить. Хорошо, знакомый дохтур помог, денег ссудил, так ведь не в рост⁹⁴, а от души, по-христиански!

Выехали из-за горы к левому берегу, и открылся простор — Обь во всю ширь и железнодорожный мост. Но его ещё плохо было видно, только пути и въезд на первый мостовой пролёт.

— Так это и есть ваш мост? — спросил барин, указывая в сторону Оби.

— Он, ваша милость, Обский мост! Громадина! Будто змей сказочный с одного берега на другой лёг. Я не верил, что такие бывают.

— Очень любопытно! Скажи пожалуйста, как змей, говоришь?

— Погодь, барин, сейчас на лёд скатимся, всего разглядишь!

Скоро выехали на реку и по пробитой среди ледяных глыб дороге поехали по льду. Ледяные торосы беломраморного цвета походили на кладбище костей древних гигантских животных. Мост, будто огромный железный червь, вгрызся в берега Оби и застыл навечно. Скоро он открылся весь взору пассажира, и Егорыч специально съехал с дороги в боковой карман⁹⁵, чтобы гость вдосталь полюбовался грандиозным сооружением.

— В России видел чудеса: по Волге ехал по такому чудищу, потом через Иртыш. Вот и в Сибирь пришла техническая наука! Красота! Знать, и в Сибирь пробила дорогу жизнь! И не будет у вас скоро извоза, в машинисты идти надо! — восторгался молодой барин.

⁹⁴ Без процентов.

⁹⁵ Карман — расширенная часть дороги, предназначенная не для движения транспортных средств, а для их стоянки.

— Да, было дело, сам испужался, а как дорогу пустили, жизнь-то только и началась. Всё закрутилось-завертелось, то подай и это отвези. Я этой суете очень благодарен. Да если бы по старинке, я бы сроду долг за дом не отдал, а тут не только отдал, но и комод с диваном мягким купил, и стол круглый, и этажерку в угол поставил. Так что не ваша, барин, правда,— «чугунка», она на пользу не только машинистам и купцам, но и простому люду в угоду.

— Очень интересно! А долго ль строили этот мост?

— Четыре года, как есть ровно четыре года. Помню, инженеры прибыли к нам к маю, по весне, а теперь по весне сдавать думают. Так что не обманул я тебя, барин, четыре года. А могли бы и ранее, но первый раз что-то не пошло, и мост задержали на целый год, ещё и перенесли чуток выше и построили прямо по двум деревьям, и нас снесли, и выселки на правом берегу. Но железнодорожное начальство не обидело, денег на переезд людям выделили⁹⁶. Потом, уже полмоста, считай, было, все быки из воды торчали, Березин с Будаговым поссорились, и началась тяжба.

— Что же не поделили господа?

— А кто знает, но говорят, деньги всему виной. Березин-то, он как заказчик, то есть с деньгами, а Будагов — строитель тож, инженер. Вот и предложи экономию, а тому-то зачем экономия, если деньги уже в кармане. Тому чем дороже, тем выгоды больше. Так же?

⁹⁶ Из-за изменения направления линии при переходе через реку Обь потребовалось снести с. Кривощёково вместе с церковью, что обошлось в 55 239 рублей. Выплаты за снос производились в соответствии с действовавшими ценами и нормами, утверждёнными Управлением по сооружению Сибирской железной дороги. Платили по предварительному соглашению с местным контролем.

— Разумно, правильно мыслишь, — согласился пассажир.

— И нашла коса на камень. А Будагов человек добрый; говорят, и Березин не плохой человек, но Будагов лучше, он и школу здесь затеял для детей, и человек душевный. Я с ним знакомый был. И мой дохтур с ним дружил. Видишь ли, не с Березиным, а с Будаговым дружил! Вот и ясно всё. Березин — он глыба, а Будагов добрый, о людях заботу имел, школу, говорю, на свои кровные построил! Шутка ли!

— Спасибо за рассказ. Так и поедem уже, скоро темнеться начнёт.

— А и поедem! Ну, родимая, повезли барина дальше. — Егорыч тронул вожжи, и заскользила неспешно кошёвка по волнистым барханам снега на правый берег.

— Школу, говоришь, построил?

— Да, школу. Так и не он один для людей постарался. У нас и купцы добрые. И дохтур мой мечтает библиотеку бесплатную сделать. У него теперь магазин с книгами, разумный человек, скажу я вам, и очень честный.

— Хорошо, но думаю я, что скоро мелкобуржуазный романтизм сменится монополистической жестокостью, когда не нужен станет человек, когда погоня за прибылью станет безумием, которое будет уничтожать всё на своем пути, всё разумное и прекрасное, что есть в человечестве, — начал говорить пассажир. — Замечательный человек ваш Будагов и те несколько буржуа, которые жертвуют на нужды народа. Но сколько их? Они безграмотность и нищету не победят. Покрашенный забор дворцом не станет.

— Мудрёно говорите, барин. Я хоть и умею писать, но не так чтобы шибко грамотный.

— Работу я задумал, говорю, большую, сложную книгу⁹⁷. И расскажу в той книге о том, что на ранних этапах капитализму нужна конкуренция, она становится двигателем прогресса. Всё кипит, берётся самое лучшее, выгодное и стремится на рынок, побеждает и выигрывает главное — время. Разве это трудно понять?

— Это-то мы понимаем, чего тут не понять, выиграет самый швыдкий.

— Правильно! Выиграет не только самый быстрый, но и самый сообразительный. Но наступит время концентрации капитала. Это неизбежно, потому что самый сильный будет продолжать побеждать тех, кто послабее. И вот скоро наступает пора, когда несколько корпораций и банков контролируют уже всю экономику страны, а потом и мира! Понял?

— Понял, в стае должен быть хозяин.

— Правильно, если кто-то ослушался, то горло перегрызёт. Верно?

— Верно.

— Так ты понял теперь, как образуются монополии?

— Про волчью стаю понял, а про монополию нет. Ты уж не сердчай, я хоть и писать умею, но ума не хватает.

— Ясно. А когда вожаки волчьих стай договариваются и делят зоны обитания, ты это понимаешь?

— Так что ж не понять, они так и живут, иначе порядка не будет. Медведи тоже на свою территорию других не пущают.

⁹⁷ Речь идёт о монографии В. И. Ленина «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности», посвящённой анализу экономического развития России. В книге проведено исследование экономики и социальной структуры России последней трети XIX века. Работа была написана в 1896–1899 гг. и вышла отдельной книгой в конце марта 1899 г. в петербургском издательстве.

— Именно. А это значит, уже нет свободной конкуренции, нет борьбы, а значит, нет прогресса! А если нет движения вперёд, то есть застой и загнивание. Об этом предупреждал ещё Адам Смит⁹⁸.

— Это понятно. Как в болоте, нет течения — и всё киснет.

— Правильно! Вот когда капитализм становится костью в горле всему человечеству. И вашему капиталисту нет выгоды строить мост дёшево, ему прибыль нужна, и чем дороже — тем выгоднее. Вот почему капитализм, в сущности, это вечное воровство. Чиновники не помеха, они всегда найдут общий язык с капиталистом, а с народом и говорить не будут: или по мордам, или на каторгу. И сколько бы мостов через Обь ни строилось, новый всегда будет стоить дороже предыдущего.

— Нет, вы не правы, барин, наши инженеры другие и купцы есть старательные.

— Романтизм инженеров, их благородный порыв — это замечательное явление русской культуры, но этот идеализм всегда будет разбиваться о равнодушие власти и монополий, которые, в сущности, и есть власть. Монополиям не нужны школы, театр, культура и сам человек не нужен!

— И что же дальше?

— А дальше борьба, батенька, против волчьих законов, борьба до победного конца! За справедливый мир, за новую экономику, которая работает не на капиталистов, а на рабочих и крестьян, на весь народ. Вот тогда и школы будут строить не Будаговы и прочие хорошие люди, а хорошая власть. Справедливая система, а не случайные, пусть и очень хорошие люди. Но, конечно, всё зависит от людей. Если придут подлецы и проходимцы, даже самая хорошая и справедливая система скоро

⁹⁸ Адам Смит (1723–1790) — шотландский экономист и философ.

станет подлой и продолжит служить капиталистам и монополиям, их обогащению.

— Мудрёно, барин. А неужто можно, чтобы ради справедливости купцы свои деньги людям раздавать стали? — Егорыч плюнул в пробегающий мимо снег. — Нет твоей правды, барин. Быстрее рак на горе свистнет, чем купец на свой барыш школу построят. На кой ему робить, если с его стола все жратву тянуть будут. Нет, я хоть и не очень грамотей, но разумею, что нет твоей правды. У купца даже полушку совестью не выпросишь. По куражу грош кинет, и всё. В волчьей стае иные законы, ему для того и клыки, и когти, и нрав звериный. Школу царь построить может, и храм Божий, и мост через Обь.

— Вот! А теперь представь на месте царя совет рабочих и крестьян! Что будет?

— Да ничего не будет! Передерутся. А кто в тот совет пролез? У нас тут один писарь подговорил кого погорластей и стал старостой. И пошли поборы. Не сковырнули бы вовремя, он и город бы продал. Нет, совет — это дело тёмное. Кто там крещёный, а кто нехристь, поди разберись, попробуй душу его увидеть. А на слово его глядеть не надо, на слово он чище ангела будет. Никто лучше купцов комедию ломать и воровать не умеет, вот и станут они твоей монополией.

Начали подъём на правый берег Оби. Кривая дорога среди торосов осталась позади, она скоро растает и уплывёт вместе с ледяными глыбами вниз по течению Оби. Молчал пассажир.

— Вот ты мне скажи, мил человек, а что, царь не может, чтобы порядок был и справедливость, вместо твоего совета? Это чтобы на сходах не горланить.

— Царь всегда будет делать то, что капиталисты прикажут, потому что все деньги, а значит, и вся сила будут в их руках, — задумчиво ответил пассажир.

Въезжали вверх по склону правого берега, пассажир ещё раз оглядел округу и обской простор, прощаясь с мостом — огромным сибирским змеем. Когда он будет через несколько лет возвращаться из Красноярска, то не увидит его, потому что поезд проедет по нему тёмной ночью.

— Да, твоя правда, барин, — вздохнул Егорыч. — Жаль, Бога нельзя вместо царя на трон посадить!

— А я слышал, что уже пытались.

— Кого? А, ты о том... Распяли, чёrtовы дети, распяли!

— То-то и оно! Так что, выходит, самим надо управляться. Мирское миром и решать.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

(вместо заключения)

Николай Павлович Литвинов, бесспорно, один из тех, кто формировал наш город с первого его дня, когда он ещё и городом не значился, а был просто посёлком строителей железнодорожного моста через Обь. И однажды, на фактически допросе, когда шла чистка персонала, работающего в советских организациях, он употребил выражение: «Мы выпестовали город»⁹⁹.

Конечно, в создании города принимал участие не только Литвинов, и мы о них рассказываем на страницах повести. Сейчас ещё раз вспомним о них и проследим годы их жизни, чтобы уже не только словами, но и цифрами подтвердить мужество тех людей, которые проложили Сибирскую железную дорогу и основали наш город.

Вот эти цифры:

Владимир Березин (1841–1900) — 59 лет

Эрнест Бобиенский (1855–1900 (?)) — 45 лет

Григорий Будагов (1852–1921) — 69 лет

Николай Гарин-Михайловский (1852–1906) — 54 года

Владимир Жандр (1863–1914) — 51 год

Владимир Линк (1862–1911) — 49 лет

Николай Литвинов (1865–1937) — 72 года

Николай Меженинов (1838–1901) — 63 года

Константин Михайловский (1834–1909) — 75 лет

Викентий Роецкий (1861–1896) — 35 лет

Николай Тихомиров (1857–1900) — 43 года

⁹⁹ Выпестовать — заботливо, с любовью вырастить, воспитать.

Теперь иначе понимаешь слова Литвинова «Жизнь коротка, любовь к Родине сильна», хотя Литвинов в сравнении с иными строителями города прожил значительно больше лет: он умер в 1937 году в Новосибирске от инсульта, тогда говорили «от удара». Но Николай Павлович, безусловно, один из первых и самых активных жителей города N. Послужной список дел и начинаний Литвинова огромен: первый фельдшерский пункт около станции Кривощёково (Новосибирск-Западный), первый книжный магазин, первая библиотека на станции Обь (сейчас Новосибирск-Главный), первое рекламное агентство там же, на станции Обь, первая типография, издание первых книг, в том числе и по истории Ново-Николаевска, первые открытки и фотоальбомы с видами нашего города, участие в организации пожарной безопасности, в Совете попечения о народном образовании и прочее, и прочее. Был одним из трёх участников депутации в Петербург, решивших главное для будущего города — земельный вопрос, когда императорский указ наделил город землёй в собственность на условиях выкупа, и это дало новый толчок для промышленного и торгового развития города Ново-Николаевска. Он издал первую газету «Народная летопись», которая вышла 30 марта 1906 года. Организовал на Алтае курорт «Лебяжий», который считался лучшим за Уралом вплоть до шестидесятых годов прошлого столетия. И здесь перечислены только те дела и инициативы, о которых мы знаем, а сколько ещё осталось за бортом времени, забылось, стёрлось навсегда.

И всё-таки, почему Литвинов стал главным героем повести о городе N? Выше мы вспомнили о многих достойных, но речь идёт именно о нём. А ответ лежит в моём детстве.

С переводом отца на новое место работы мы поменяли и квартиру, и, конечно, школу. Так я оказался в седьмом классе

двадцать второй школы, той самой, что около ЦУМа, зажата между проспектом Димитрова и улицей Советской.

Моя учительница русского языка и литературы, пожилая и очень волевая Татьяна Павловна Никитина, с завидной дотошностью ставила мне за сочинение две взаимоисключающие оценки — пять за сочинение и два за грамматику. Сочинение она потом читала перед классом с таким упоением, что я и сам слушал свой опус как некий и совсем незнакомый мне текст.

Видимо, по любви своей и будучи человеком сердобольным, Татьяна Павловна решила сделать для меня доброе дело и договорилась уже со своей учительницей, Анастасией Ивановной, которой в ту пору было уже за восемьдесят, позаниматься со мной дополнительно. Почему я смог запомнить имя этой старушки? Да только потому, что точно так же звали мою маму. Ослушаться Татьяны Павловны было делом немыслимым, тем более за дополнительные занятия с меня никто денег не брал, и я три раза в неделю, как кающийся грешник, исполняя роковую епитимию, брёл на квартиру к Анастасии Ивановне. Старушка была приветлива, но строга; похожая на колобок, она еле ходила по однокомнатной квартире, и для меня было великим благом иногда вместо занятий сбегать в магазин за продуктами для неё.

Занималась она со мной по часу, ровно на те же темы, что и в школе. Однажды, когда я в очередной раз изрядно и очень выразительно тупил, она вдруг спросила:

— Коленька, а ты кем собираешься стать после школы? Следующий год восьмой, и тебе можно и нужно идти в какое-нибудь училище. Какую профессию ты выбрал?

Видимо, добрая женщина ждала от меня искреннего признания, что я хочу стать слесарем, токарем, электриком, на худой конец сантехником, но я, ни секунды не сомневаясь, брякнул:

— Журналистом!

У старушки всё-таки было крепкое и натренированное сердце, потому что она минуту сидела с открытым ртом, но в обморок не упала.

— Коленька, — к ней вернулось сознание, и она воскликнула: — какой журналист! Ты же двух слов связать не можешь! Твоя речь состоит из междометий, мычания и пауз.

Я обиделся и сказал, что Татьяна Павловна, между прочим, мои сочинения читает перед классом.

— Я не знаю, что читает Татьяна Павловна и как она вообще умудряется продрасть сквозь частокол ошибок и вырвать без присутствия каких-либо знаков препинания. Журналист — это интеллект, это знания, эрудиция! — Она протёрла платочком своё лицо, исполненное трагического выражения, и продолжила, но уже более спокойно: — Вот я знала журналиста, то был настоящий журналист — Литвинов! Вот это был говорун!

И вдруг я увидел, как слезящиеся глаза Анастасии Ивановны прояснились и засветились жизнью, и она начала рассказывать мне про журналиста, который был прекрасным оратором, выпустил первую газету в нашем городе, был совершенным красавцем. А добила меня её фраза о том, что в него были влюблены все гимназистки, и когда он приходил к ним, то они кидались к нему гурьбой и обнимали.

И по тому, как преобразилась старушка, я понял, что она была по уши влюблена в него, и я её приревновал, и слушать мне про Литвинова было уже неинтересно.

Прошли годы, прошло много лет, и вот теперь я сижу и вздыхаю: почему я не расспросил её подробнее об этом удивительном человеке, почему не расспросил о нашем городе, как он рос, кто были те люди, которые «выпестовали» его? Но утешился

я только тем, что оказался около той, которая видела Литвинова и прикасалась к нему, и мне теперь ясно и очевидно, что я несу на себе это прикосновение и я, именно я, должен передать вам это моё случайное и незаслуженное благо.

А теперь, покаявшись перед вами и написав повесть, я могу надеяться на прощение за своё легкомыслие и нерадивость. Я выполнил, что должен был выполнить, на том и успокоюсь.

Николай Александров

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архитектура. Градостроительство. Новосибирск, 2000
2. Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства. (1893–1945 годы). Новосибирск, 1978.
3. Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945 гг. Новосибирск, 1978.
4. Баяндин В. И. Мужское население Новониколаевска в начале XX века: места выхода переселенцев. Новосибирск на рубеже XXI века: перспективы развития и инвестиционные возможности. Новосибирск, 1999.
5. Библиотека сибирского краеведения». <https://bsk.nios.ru>.
6. Болотнинская быль. Болотнинский район Новосибирской области: история и современность. — Исторический очерк. — Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2014. — 640 с., Главный редактор-составитель В. Б. Лазуткин.
7. Большаков В. Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в. Новосибирск, 1991.
8. Бочанова Г. А., Кириллов А. К., Ноздрин Г. А., Ус Л. Б., Шиловский М. В. На рубеже веков // История промышленности Новосибирска: [исторические очерки: в 5 т.].
9. Бочанова Г. А. Проблемы местного самоуправления в досоветском Новониколаевске. Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. Новосибирск, 1997. Толочко А. П., Коновалов И. А., Меренкова Е. Ю., Чудачков О. В. Городское самоуправление Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, 2003.

10. Будагов Г. М. Путь прошлого. Часть 2. Новосибирск: ЦНТИиБ ЗСЖД. 2018.
11. Ваганов А. С. Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск. 1910.
12. Васенко П. Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте/ вступительная статья публ., коммент., указ. Н. П. Матхановой; отв. Ред. Н. Н. Покровский: Рос. Акад. Наук, Сиб. Отделение. Институт истории, рос. Гос. Архив литературы и искусства. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2014.
13. Великая Сибирская железная дорога. Канцелярия кабинета министров. С.-Петербург. Государственная типография. 1900.
14. Веремьянина Л. И в лицах внуков прадеда черты... Новосибирск» № 106, 24 мая 2003
15. Весь Новониколаевск: адрес-справ. кн. на 1924–1925 год. Новониколаевск: Российское телеграфное агентство. Сибирское отделение. 1925.
16. Воробцова Л. Н. Биографический словарь предпринимателей Новониколаевска (1893–1914 гг.). Новосибирск: НГУ. 2023.
17. Воробцова Л. Н. Частное предпринимательство в Новониколаевске (1893–1914 гг.). Новосибирск: НГУ, 2015.
18. Газеты Новониколаевска. 1906–1918. Эксклюзивная коллекция. Издательский Дом «историческое наследие Сибири». Н. А. Александров, А. Ф. Косенков, В. Б. Лазуткин.
19. Голодяев К. А., редактор Немцева Е. Г.. Новосибирск военный в воспоминаниях современников: [в 2 томах]; Учреждение культуры «Музей Новосибирска»; Центральная городская библиотека. — Новосибирск: Экселент, 2022.

20. Голодяев К. А. Новосибирск «на ощупь» (неспешные прогулки по городу), Новосибирск: музей г. Новосибирска, 2017, 321 с.
21. Голодяев К. А. Новосибирск: живая история. Том 1. Новосибирск начальный. 2023.
22. Голодяев К. А. Новосибирск: живая история. Том 2. Новосибирск ранний. 2024.
23. Голодяев К. А. Старый Новосибирск (исторические заметки о том, откуда и когда вырос самый крупный город Сибири). Новосибирск: музей г. Новосибирска, 2016, 321 с.
24. Голодяев Константин. Новосибирск военный. В 2 томах. 2023.
25. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом. Новосибирск: Наука. 1978.
26. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 146. Управляющий Томским имением Главного управления Алтайского округа Кабинета Его Императорского Величества, г. Новониколаевск Томской губернии, (1896–1911 гг.)
27. Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Книга 1. Общая характеристика и теоретические проблемы. М., Прогресс-Традиция, 2001.
28. Иконников А. В. Историзм в архитектуре. М., 1997.
29. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск. Издательский Дом «Историческое наследие Сибири» — 2009. Руководитель проекта академик РАН А. П. Деревянко.
30. История Новосибирска. Исторические очерки. Новосибирск: ИД Историческое наследие Сибири. 2004.
31. Исторический фотоальбом «Новониколаевск — Новосибирск». — Новосибирск. Издательский Дом «Историческое наследие Сибири». 2017.

32. История города Ново-Николаевска 1893–1908. Сборник документов. составитель Минина Н.А. Новосибирск: Новосибирский издательский дом 2020.
33. История Сибири в 5 томах. Т. 3. Л., 1968.
34. История Сибири. Т. 3. Ленинград, 1968.
35. Как строилась железная дорога. Материал из энциклопедии «Вики-Поляны».
36. Корреспонденция. Ново-Николаевск. // Сибирская жизнь. № 257. 24 ноября 1904
37. Косарева И. Дорога к храму // Созидатели: Книга очерков. — Новосибирск: Клуб меценатов, 2003. Т. 1.
38. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири в 4 т. / под ред. Зуева А. С., Зиновьева В. П. Новосибирск: РИПЭЛ. 1996. Т. 3. Кн.1.
39. Кузменкина Л. Жизнь и смерть Николая Тихомирова. [Электронный ресурс] // Библиотека сибирского краеведения.
40. Кухаренко А. Е. Дореволюционная и советская историография земельно-арендной политики Кабинета в Алтайском (горном) округе/ Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. — 2012. — № 4/2.
41. Лаврентьева З. И. Становление социокультурных традиций воспитания детей в сиротских учреждениях Новосибирска // «В надежде славы и добра...»: исторический факультет НГПУ в образовательном, исследовательском и социокультурном пространстве России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию НГПУ и исторического факультета (Института истории, гуманитарного и социального образования) / под ред. В. А. Зверева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015.

42. Луканин Константин Михайлович [Электронный ресурс] // Открытый список [https://ru.openlist.wiki/Луканин Константин Михайлович \(1897\)](https://ru.openlist.wiki/Луканин_Константин_Михайлович_(1897)).
43. Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей. Отдел 2, т. 1. СПб., 1912.
44. Минина Н. А. Образование города Новониколаевска: землеустройство в 1893–1895 гг. / Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397.
45. МН. Биографический архив «Личность в истории Новосибирска».
46. Мыш М. И. Городовое положение 11 июня 1892 г. Изд. 8. Пг., 1915.
47. Народная летопись Новосибирской области. <https://letopisi54.ru>
48. Народная летопись. Новосибирская область. В трех томах: (краеведческая художественно-публицистическая хроника: исторические статьи) составитель Н. А. Александров — Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2020–2023.
49. Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905.
50. Неизвестная архитектура Новосибирска. 1982–1994. Екатеринбург, 1999. Путеводитель по великой сибирской железной дороге: От С.-Петербурга до Владивостока. 1910–1911. — СПб, 1910.
51. Новокшонов С. М. Градостроительное развитие города Ново-Николаевска (Новосибирска) с 1893 по 1917 годы. / под ред. Е. А. Кузнецовой. — ГАУ НСО НПЦ, 2013.
52. Ново-Николаевск // Сибирская жизнь. 1901. № 256. 27 ноября.

53. Новониколаевская губерния — Новосибирская область. 1921–2000. Хроника. Документы / ответственный редактор И. С. Кузнецов. — Новосибирск: Администрация Новосибирской области, 2001.
54. Ново-Николаевский поселок: Очерк // Нива. —1898. № 31.
55. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. — Новосибирск: ВО «Наука» Сибирская издательская фирма. 1993.
56. Новосибирск: Историческое наследие Сибири. 2004.
57. Новосибирская область — 75 лет. Люди, события, факты» / В. А. Ильиных, А. А. Кисельников, А. А. Николаев [и др].; под редакцией В. А. Ламина. — Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2012.
58. Объявление // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1903. № 181. 21 августа.
59. Отчет по эксплуатации Сибирской железной дороги за 1913 год. Томск, 1914.
60. Очерк развития и деятельности Сибирской железной дороги за время с 1900 по 1910 года. Томск, 1912.
61. Письма из Ново-Николаевска. [Электронный ресурс] // Новосибирск в фотозагадках. URL: <https://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=2185#p128703>
62. Поселок Ново-Николаевский. // Газета «Томский листок» № 32, 11 февраля 1896.
63. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. М., 1902.
64. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1975.
65. Решетников Н. Н., Исупов В. А. Динамика численности населения Новосибирска (1893–1986 гг.). Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987.

66. Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., «Наука», 1983.
67. Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). Петроград: Отд. торговли М-ва торговли и пром-сти. 1915.
68. Сибирская Советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, НовосибГИЗ, 1935.
69. Сибирцев В. И. Ново-Николаевск // Сибирская жизнь. 1903. № 47. 28 февраля.
70. Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Предприниматели Алтая. 1861–1917: Энциклопедия предпринимательства. Барнаул: Демидовский фонд, 1996.
71. Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во 2-й половине XIX - начале XX веков: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: «Аз Бука», 2007.
72. Созидатели. Книга очерков. — Новосибирск: «Клуб меценатов» — Руководитель проекта К. К. Гиберт. Составитель Н. А. Александров. 2003.
73. Стальная магистраль: летопись Западно-Сибирской железной дороги. — Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2015. Главный редактор-составитель В. Б. Лазуткин.
74. Станция Обь // Вестник Сибирской железной дороги. 1903. № 44. 30 октября.
75. Статистический сборник по г. Новониколаевску. Новониколаевск, 1919.
76. Стратегический план устойчивого развития города Новосибирска. Новосибирск, 2003. Улицы расскажут вам... Новосибирск, 1970.

77. Умбрашко К. Б. Чаус — Колывань — Новониколаевск: ирония судьбы. Источниковедческий аспект. / Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Чаусского острога. — Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2013.
78. Храмков А. А. Арендные поселки в Алтайском округе в нач. XX в. // Барнаулу — 250 лет. Барнаул, 1980.
79. Хроника // Вестник Сибирской железной дороги. 1903. № 31. 31 июля.
80. Цепляев Л. Н. К вопросу о дате и месте возникновения Новосибирска. Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 1. 1970. Новосибирск, 1971.
81. Цыплаков И. Ф. Краткая историческая энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, Издательский дом «Горница», 1997.
82. Цыплаков И. Ф. Сказание об учителе. // Созидатели: очерки о людях, вписавших свое имя в историю Новосибирска. Т. II. Новосибирск: Клуб меценатов, 2003. С. 207–214
83. Через годы, через расстояния. Новосибирск. 2004 г.
84. Шабурин Е. А. Храмы Новосибирска. Новосибирск, 2002.
85. Шрейдер Гр. Городское самоуправление на Западе и в России. Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Грант и К°». Изд. 7, т. 16.
86. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири в 2 т. / отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск: Гео. 2012.
87. Энциклопедия «Новосибирск». Новосибирское кн. изд-во, 2003.

Содержание

ЧАСТЬ 1

Начало	10
Пророчество	17
Егорыч	21
Инженеры	26
Во славу Отечества	30
Бобиенский	40
Разбойники	51

ЧАСТЬ 2

Встреча	56
Переправа	68
Хронограф	78
Дом на Воронцовской	92
Концерт	103
Молебен	110

ЧАСТЬ 3

Коронация	118
Вместе	124
Утро	132
Созидатели	134
Народ	147
Выстрел	159

ЧАСТЬ 4

Сход	164
Кленовый лист	173
Доктор	182
Венчание	189
Подслушанный разговор	194
В купе	199
Рома	210
Старик	223

ЧАСТЬ 5

Не в свои сани не садись	234
Книжный магазин	240
Чудной барин	248
Прикосновение (вместо заключения)	257
Список используемой литературы	262

Материалы по региональному краеведению

В книге использованы фотоматериалы исторического фотоальбома «Новониколаевск — Новосибирск». Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2005.

Редактор	Чумакова Т. С.
Обложка, дизайн	Васильева Е. Н.
Корректор	Воронина Т. А., Чумакова Т. С.
Вёрстка	Вялькова О. Н.

Подписано в печать 10.02.2026 г. Формат 60х84/16. Тираж 1000 экз.

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
Тел. (383) 221-96-28. E-mail: id-ins@cn.ru

Отпечатано в типографии «Деал»
630033, г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.
Тел./факс: (383) 334-02-70, www.dealprint.ru